

ISSN 2409-8701

www.aurora-group.eu

www.nbpublish.com

ПСИХОЛОГ

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-01-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Богоявлена Диана Борисовна, доктор психологических наук, тро-
120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-01-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Bogoyavlenskaya Diana Borisovna, doktor psikhologicheskikh nauk, mpro-120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Харитонов Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, президент Русского психоаналитического общества. Московский городской психоэндокринологический центр. 119002, Россия, Москва, ул. Арбат, 25-2.

Богоявленская Диана Борисовна — доктор психологических наук, профессор, почётный работник Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией Психологического института Российской академии образования. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9, строение 4.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Розенова Марина Ивановна — доктор психологических наук, доцент, профессор Московского государственного областного университета. 105005, Россия, Москва, ул. Радио, д. 10.

Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тихookeанский государственный университет», профессор кафедры психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Уppsальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 119991, Россия, Москва, ул. Волхонка, 14/1, строение 5.

Спиррова Эльвира Маратовна – доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук; Россия, г. Москва, Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, 109240

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Шестопал Елена Борисовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической социологии и психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Артемьева Ольга Аркадьевна - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", профессор, руководитель лаборатории методологии и истории психологии, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 205, oaartemeva@yandex.ru

Гельман Виктор Яковлевич - доктор технических наук, ФГБОУ ВО Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова Минздрава России., профессор, 196066, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Авиационная, 9, кв. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Енгалычев Вали Фатехович - доктор психологических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики , 248002, Россия, Калужский область, г. Калуга, ул. Лесная, 59, valiyen@gmail.com

Каширский Дмитрий Валерьевич - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Российский государственный социальный университет", профессор факультета психологии, 129226, Россия, г. г Москва, ул. В. Пика, 4, оф. стр. 1, psymath@mail.ru

Краснянская Татьяна Максимовна - доктор психологических наук, АНО ВО "Московский гуманитарный университет", профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, 107207, Россия, столичный, г. Москва, ул. Уральская, д.6, к.5, кв. 34, ktm8@yandex.ru

Куликов Леонид Васильевич - доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры социальной психологии , 195297, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Светлановский пр. 70. к.1, 137, кв. 137, leon-piter@mail.ru

Макарова Елена Александровна - доктор психологических наук, Донской государственный технический университет, профессор кафедры общей и консультативной психологии, 347930, Россия, г. Таганрог, ул. Ейская, 13, makarova.h@gmail.com

Рубцова Надежда Евгеньевна - доктор психологических наук, АНО ВО "Российский новый университет", профессор кафедры общей психологии и психологии труда, 170008, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Склизкова, дом 27, корпус 1, кв. кв.

77, hope432810@yandex.ru

Тагариева Ирма Рашитовна - доктор педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», заместитель научного руководителя Научно-исследовательского института стратегии развития образования, 450077, Россия, республика Респ Башкортостан, г. Уфа, ул. Энгельса, 1/1, кв. 56, irma_levina@mail.ru

Шевелёва Светлана Анатольевна - доктор медицинских наук, заведующий лабораторией, ФГБУН «ФИЦ питания и биотехнологии», 109240, Россия, Москва, Устьинский проезд, 2/14 Sheveleva@ion.ru

Editorial collegium

Kharitonov Alexander Nikolaevich — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, President of the Russian Psychoanalytic Society. Moscow City Psychoendocrinological Center. 25-2 Arbat str., Moscow, 119002, Russia.

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Head. laboratory of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., 9, building 4.

Leontiev Dmitry Alekseevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Rozenova Marina Ivanovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of Moscow State Regional University. 10, Radio str., Moscow, 105005, Russia.

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Namli Elena – Doctor of Ethics, Professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief editor of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 14/1 Volkhonka str., building 5, Moscow, 119991, Russia.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, 109240

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) –

Germany.

Elena Borisovna Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Sociology and Psychology of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Artemyeva Olga Arkadyevna - Doctor of Psychological Sciences, Irkutsk State University, Professor, Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology, 664025, Russia, Irkutsk, Chkalova str., 2, room 205, oaartemeva@yandex.ru

Gelman Viktor Yakovlevich - Doctor of Technical Sciences, I.I. Mechnikov Northwestern State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Professor, 196066, Russia, Saint Petersburg, Aviationsnaya str., 9, sq. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Engalychev Vali Fatekhovich - Doctor of Psychological Sciences, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Head of the Scientific Research Center for Forensic Examination and Criminalistics, 59 Lesnaya str., Kaluga, 248002, Russia, Kaluga Region, valiyen@gmail.com

Kashirsky Dmitry Valeryevich - Doctor of Psychological Sciences, Russian State Social University, Professor of the Faculty of Psychology, 129226, Russia, Moscow, V. Pika str., 4, of. p. 1, psymath@mail.ru

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Moscow Humanitarian University", Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, 107207, Russia, Stolichny, Moscow, Uralskaya str., 6, room 5, sq. 34, ktm8@yandex.ru

Leonid V. Kulikov - Doctor of Psychological Sciences, St. Petersburg State University, Professor of the Department of Social Psychology, 195297, Russia, St. Petersburg, ul. Svetlanovsky ave. 70. k.1, 137, sq. 137, leon-piter@mail.ru

Makarova Elena Aleksandrovna - Doctor of Psychological Sciences, Don State Technical University, Professor of the Department of General and Consultative Psychology, 13, Ye1skaya str., Taganrog, 347930, Russia, makarova.h@gmail.com

Rubtsova Nadezhda Evgenievna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Russian New University", Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology, 170008, Russia, Tver region, Tver, ul. Sklizkova, house 27, building 1, sq. sq. 77, hope432810@yandex.ru

Tagarieva Irma Rashitovna - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla", Deputy Scientific Director of the Research Institute of Educational Development Strategy, 450077, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Engels str., 1/1, sq. 56, irma_levina@mail.ru

Sheveleva Svetlana Anatolyevna - Doctor of Medical Sciences, Head of the laboratory,
FGBUN "FITZ nutrition and Biotechnology", 109240, Russia, Moscow, Ustinsky proezd, 2/14
Sheveleva@ion.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

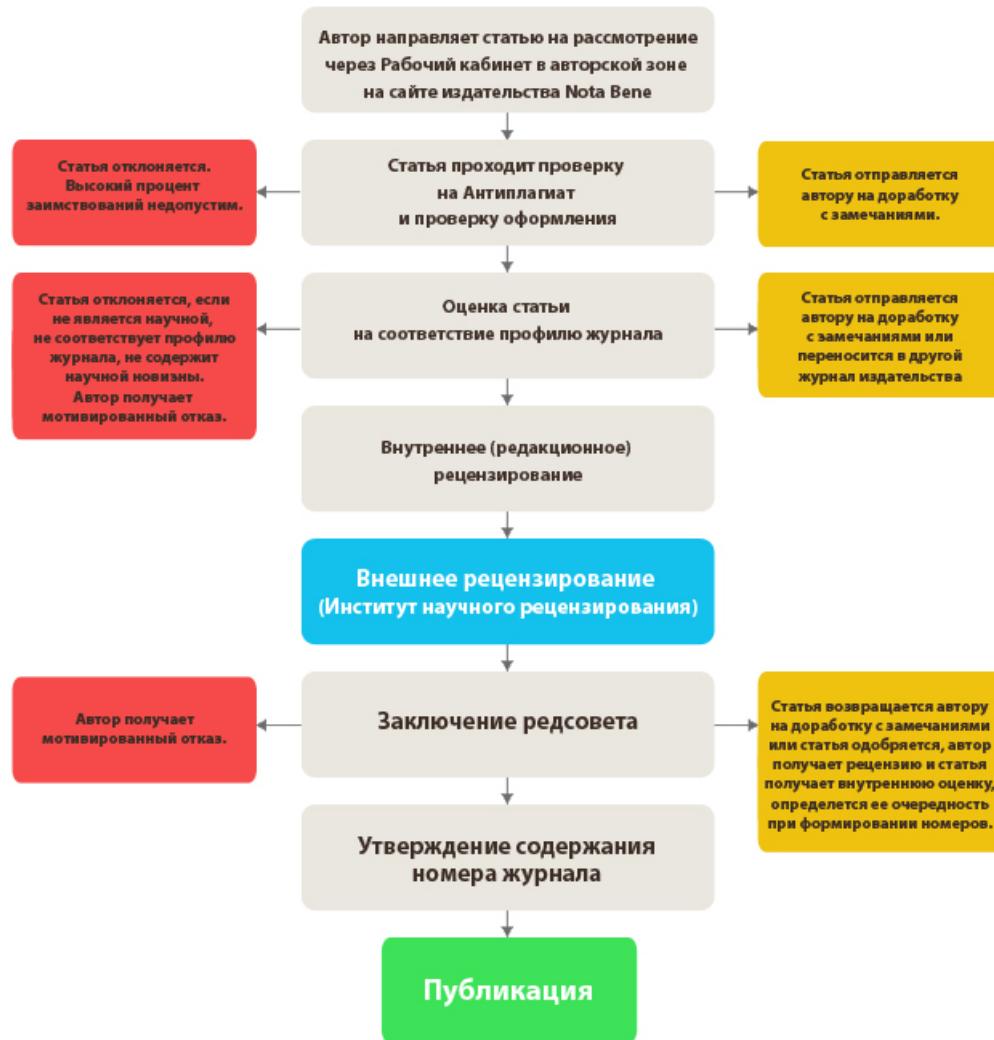
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Браташ Р.И., Емельяненко Б.О. Связь удовлетворенности жизнью с образом будущего при преодолении трудной жизненной ситуации	1
Павлова К.Н., Дагбаева С.Б. Идентичность и ценностные ориентации студенческой молодежи в различных этнокультурных группах	20
Юдина Н.А., Дагбаева С.Б. Психологическая готовность к исследовательской деятельности у педагогов дополнительного образования: структурно-содержательные характеристики	40
Макарчук А.И., Мильчарек Т.П., Халитова К.Р., Френкель М.В., Цветкова О.А. Исследование когнитивной модели патриотического отношения в ценностно-смысловой сфере личности у студентов высших учебных заведений	54
Афанасьева О.Ф. Взаимосвязь виктимного поведения и школьной тревожности в подростковом возрасте	67
Болаева Г.Б. Психологическое благополучие и представления о жизни у студентов разных национальностей	81
Кобрянова И.В., Назаров С.С., Серова Ю.С., Фетцова Л.Н., Ятманов А.Н. Математическая модель прогноза нервно-психической устойчивости курсанта	94
Отамуратов Р.У. Психологические характеристики эмоционального интеллекта городских и сельских пользователей Интернета	105
Будякова Т.П. Психотипы пожилых людей в ходе взаимодействия с работниками социальных служб	118
Халиков Р.М. Психологическая система мотивации персонала девелоперской компании	133
Комиссарова О.А., Милованова О.А. Субъективное переживание одиночества как предиктор употребления ПАВ у подростков	161
Михайлова Н.В., Федосеева О.И., Шуткина Ж.А. Мотивация учебно-познавательной деятельности в цифровой образовательной среде обучающихся различных возрастных групп	174
Англоязычные метаданные	186

Contents

Bratash R.I., Emelyanenko B.O. The connection of life satisfaction with the image of the future in overcoming a difficult life situation	1
Pavlova K.N., Dagbaeva S.B. Identity and value orientations of student youth in various ethnocultural groups	20
YUDina N.A., Dagbaeva S.B. Psychological readiness for research activities among teachers of additional education: structural and substantive characteristics	40
Makarchuk A.I., Milcharek T.P., Khalitova .R., Frenkel' M.V., Tsvetkova O.A. The study of the cognitive model of patriotic disposition in the value-semantic sphere of personality among students of higher educational institutions	54
Afanaseva O.F. The interrelation of victimization behavior and school anxiety in adolescence	67
Bolaeva G. Psychological well-being and ideas about life among Russian and Kalmyk students	81
Kobryanova I.V., Nazarov S.S., Serova Y.S., Fettsova L.N., Yatmanov A.N. A mathematical model for predicting the neuropsychic stability of a cadet	94
Otamuratov R.U. Psychological characteristics of the emotional intelligence of urban and rural Internet users	105
Budyakova T.P. Psychotypes of the elderly in the course of interaction with social workers	118
Khalikov R.M. Psychological motivation system for the staff of a development company	133
Komissarova O.A., Milovanova O.A. Subjective experience of loneliness as a predictor of substance use in adolescents	161
Mikhaylova N.V., Fedoseeva O.I., Shutkina Z.A. Motivation of educational and cognitive activity in the digital educational environment of students of different age groups	174
Metadata in english	186

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Браташ Р.И., Емельяненко Б.О. Связь удовлетворенности жизнью с образом будущего при преодолении трудной жизненной ситуации // Психолог. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.6.72067 EDN: JXQOVG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72067

Связь удовлетворенности жизнью с образом будущего при преодолении трудной жизненной ситуации

Браташ Руфь Ивановна

магистр; кафедра генетической и клинической психологии; Томский государственный университет

634050, Россия, Томская область, г. Томск, ул. Московский Тракт, 8

✉ rufina.barhatova12@gmail.com

Емельяненко Богдан Олегович

магистр; кафедра общей и педагогической психологии; Национальный исследовательский Томский государственный университет

634050, Россия, Томская область, г. Томск, ул. Московский Тракт, 8

✉ bogdan_eme@mail.ru

[Статья из рубрики "Личностный рост"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.6.72067

EDN:

JXQOVG

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2024

Дата публикации:

17-11-2024

Аннотация: В статье представлены результаты исследования особенностей связи удовлетворенности жизнью с образом будущего у людей, проживающих трудную жизненную ситуацию. Дизайн исследования основан на смешанной методологии. Выборка была набрана по принципу доступности и ее составили 100 респондентов. Для

определения опыта преодоления трудной жизненной ситуации были использованы открытые вопросы с последующим качественным контент-анализом ответов. В итоге были сформированы три группы: респонденты первой находятся в процессе преодоления жизненных трудностей, второй – недавно преодолели трудности, а третьей – не сталкивались с трудной жизненной ситуацией в недавнем прошлом. Удовлетворенность жизнью оценивалась по методике Э. Динера в адаптации Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева. Для описания характеристик образа будущего использовались тест диспозиционного оптимизма Ч. Карвера и М. Шейера в адаптации Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина; опросник «Профессиональная временная перспектива будущего» Х. Цахера и М. Фрезе в адаптации Т.Ю. Базарова, А.В. Парамузова; методика «Индекс стремлений» Э. Деси и Р. Райан в адаптации Т.Д. Василенко, Ю.А. Котельниковой, А.В. Селиной.

Проведенное сравнение выделенных групп выявило, что респонденты, пребывающие в трудной жизненной ситуации, имеют достоверно более низкие показатели удовлетворенности жизнью и более пессимистичное обобщенное видение будущего. В то же время проведенный регрессионный анализ показал, что для этих участников различные аспекты образа будущего, а именно обобщенные позитивные ожидания от будущего, фокусирование на возможностях в профессиональной среде, ориентация на выстраивание близких отношений со значимыми людьми, выступают ресурсами удовлетворенности жизнью. В группе, где респонденты в недавнем прошлом преодолели жизненные трудности и в группе, в которой участники сообщили об отсутствии недавнего опыта столкновения с трудными ситуациями, характеристики образа будущего оказались не связанными с удовлетворенностью жизнью. Научная новизна исследования заключается в получении более детализированных данных относительно вклада образа будущего в удовлетворенность жизнью при преодолении трудной жизненной ситуации, включая обобщённые ожидания от будущего и ожидания в различных жизненных сферах.

Ключевые слова:

трудная жизненная ситуация, удовлетворенность жизнью, образ будущего, психологические ресурсы, временная перспектива будущего, оптимизм, пессимизм, фокусирование на возможностях, совладание, психологическое благополучие

Введение

Ряд современных исследователей, описывая нынешнюю социальную действительность, используют такое понятие как транзитивность [1; 2], характеризующее «множественность социокультурных контекстов, постоянную изменчивость окружающего мира и его неопределенность» [3, с. 135]. Происходит изменение социальных ценностей, представлений, размываются нормы и установки [1], провоцируя появление различного рода трудных жизненных ситуаций для человека, преодолевая которые он использует продуктивные, непродуктивные и даже вредоносные способы совладания [4].

Психологи по-разному определяют понятие «трудная жизненная ситуация» (далее ТЖС). Некоторые рассматривают это как «ситуацию, ухудшающую условия жизнедеятельности человека, которую он не может преодолеть самостоятельно» [5, с. 70], другие как «ситуацию несоответствия между стремлениями, ценностями, целями и возможностями их реализации, либо качествами личности» [6, с. 462] или как «ситуацию, значительно превышающую адаптивный потенциал личности, т. е. предъявляющую к человеку

требования, превышающие его обычные ресурсы» [7]. Нами будет принято следующее определение ТЖС: «это значимая негативная ситуация, сопровождающаяся беспокойством, повышенными затратами ресурсов, неподконтрольностью, неопределенностью, необходимостью быстрого реагирования, затруднениями в прогнозировании, трудностями принятия решения и признанием собственной некомпетентности в ее разрешении» [8, с. 179]. При таком подходе ТЖС может быть ситуация поступление в ВУЗ и адаптация в нем [8; 9], развод [10], столкновение с онкологическим заболеванием [11] и т.д.

Как указывают исследователи, ТЖС характеризуется, во-первых, нарушением адаптации, во-вторых, невозможностью удовлетворить доминирующие потребности и, в-третьих, необходимостью выработки конструктивных моделей поведения [12]. Однако ситуация является трудной лишь в том случае, если человек оценил ее для себя как таковую [13], а значит и критерии разрешения ТЖС являются субъективными.

Интерес представляет вопрос специфики удовлетворенности жизнью у людей, переживающих ТЖС. Удовлетворенность жизнью, согласно Э. Динеру, рассматривается как базовый компонент субъективного благополучия, отражающий когнитивную оценку жизни [14]. Так удовлетворенность жизнью можно охарактеризовать как «общую оценку чувств и установок относительно жизни в определенный момент времени; один из основных показателей благосостояния человека, основанный на сравнении текущих жизненных условий с ожидаемыми эталонами» [15, с. 17]. «Человек тем более удовлетворен, чем меньше разрыв между этим идеальным положением и реальной ситуацией» [16, с. 109]. В свою очередь ТЖС предъявляет к человеку новые условия, отдаляя реальное положение от идеального, что может вести к снижению удовлетворенности жизнью. Однако отсутствует прямая связь между попаданием в ТЖС и снижением удовлетворенности жизнью. Отмечается, что важнейшую роль играет когнитивная оценка ТЖС [17]: можно негативно переживать ситуацию, но позитивно относится к ней [18]. Другие исследователи подчеркивают, что «для удовлетворенности жизнью ... важны не столько объективные трудности и связанный с ними воспринимаемый стресс, сколько личностные и социальные ресурсы совладания с ними» [19].

Таким образом, при преодолении ТЖС «первое на что необходимо акцентировать внимание ... – на наличие внутренних ресурсов, которые будут способствовать совладанию с этой ситуацией» [20, с. 56], а значит и служить опорами для удовлетворенности жизнью. Д. А. Леонтьев характеризует ресурсы как «средства, наличие и достаточность которых способствуют достижению цели и поддержанию благополучия, а отсутствие или недостаточность затрудняет достижение цели и поддержание благополучия» [21, с. 25]. Описывая психологические ресурсы, Д. А. Леонтьев выделяет ресурсы устойчивости, мотивационные ресурсы, ресурсы саморегуляции, инструментальные ресурсы и ресурсы трансформации [21].

Аспекты, связанные с образом будущего, то есть «ожидания, базирующиеся на имеющемся опыте прошлого и на реалиях настоящего» [22, с. 635], могут являться мотивационным ресурсом, предоставляя энергетическое обеспечения для преодоления ТЖС [23]. Так «наши субъективные образы будущего определяют реальный ход событий» [24, с. 46]. К тому же исследователи характеризуют образ будущего как «динамическое психологическое образование, обеспечивающее смысложизненную определенность

бытия человека и задающее направленность жизни» [\[24, с. 46\]](#), тем самым давая основания охарактеризовать образ будущего и как ресурс саморегуляции. В частности, исследователями продемонстрирована ресурсность позитивных ожиданий от будущего при преодолении стресса, возникающего в результате попадания в ТЖС [\[25; 26\]](#).

Известно, что образ будущего у людей, попавших в ТЖС, имеет ряд особенностей [\[22; 27\]](#). В частности отмечается, что у подростков, находящихся в ТЖС, он может быть несформированным, нереалистичным и искаженным [\[22; 28\]](#). О. С. Сулим указывает на то, что «кризисные ситуации заставляют людей сфокусироваться на настоящем ..., зачастую искажая или полностью препятствуя восприятию будущего» [\[26\]](#). Другие исследователи отмечают, что в ТЖС образ будущего при этом может быть связан с позитивными ожиданиями [\[25; 29\]](#), быть хорошо выстроенным и выступать основой для выбора продуктивных копинг-стратегий [\[30\]](#).

И хотя отечественными психологами подробно рассмотрены ресурсы преодоления ТЖС [\[7; 9; 10; 13; 19; 31\]](#), аспекты образа будущего по отношению к удовлетворенности жизнью в ситуации совладания с жизненными трудностями рассмотрены недостаточно. Отмечено, например, что позитивные ожидания в совокупности с верой в преодолимость ситуации положительно связаны с удовлетворенностью жизнью в ТЖС [\[32\]](#), но слабо конкретизированы другие аспекты образа будущего, хотя еще Дж. Келли отмечал, что люди главным образом ориентированы на будущие события, а не на прошлое или настоящее [\[33\]](#), тем самым показывая ресурсность образа будущего. Таким образом актуальным представляется изучить какие структуры ожидаемого будущего в ситуации совладания с трудностями формируют удовлетворенность жизнью.

Цель исследования состоит в выявлении связей между удовлетворенностью жизнью и образом будущего у людей, преодолевающих ТЖС.

Объект исследования: удовлетворенность жизнью.

Предмет исследования: оценка вклада различных характеристик образа будущего в удовлетворенность жизнью у людей, преодолевающих ТЖС.

Гипотеза исследования заключалась в том, что у людей, находящихся в процессе преодоления ТЖС, существуют особые значимые характеристики в образе будущего, которые выступают ресурсами формирования удовлетворенности жизнью.

Методика проведения исследования

В исследовании приняло участие 100 человек. Выборка набиралась по принципу доступности (convenience sampling) и её составили 57 респондентов женского пола, 43 мужского. Средний возраст – 26,7 лет ($SD = 9.9$ лет).

Для выявления того, находится ли респондент в данный момент в ТЖС, нами использовались открытые вопросы с последующим качественным контент-анализом ответов. Отметим, что использование качественных методов при изучении трудных жизненных ситуаций является распространенной практикой, поскольку «в целом специально разработанные стандартизованные опросники для изучения восприятия ТЖС редки ..., чаще всего охватывают отдельные аспекты презентации ТЖС» [\[34, с. 144\]](#).

Нами были сформированы три открытых вопроса. Первый вопрос касался того, были ли

за последний год у респондентов сложные периоды, связанные с трудностями в понимании себя, общении, личностном развитии и жизни в целом. Мы просили участников исследования подробно описать эти ситуации. Во втором вопросе мы спросили у респондентов смогли ли они, по их мнению, преодолеть указанные трудности, а если да, то за счет чего. Третий вопрос был контрольным, где респондентов просили написать «уроки», которые они извлекли из опыта преодоления трудностей. Этот вопрос был сформирован, чтобы проверить степень осмыслинности полученного опыта, и в случае, если ответ на этот вопрос не вытекал из логики предыдущих, то более пристально отнестись к полученным от респондента ответам. Однако подобных случаев нами встречено не было.

Для оценки удовлетворенности жизнью была использована шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера в адаптации Е. Н. Осины, Д. А. Леонтьева^[14], состоящая из 5 утверждений, суммирование баллов по которым и формирует общий показатель.

Для изучения характеристик образа будущего нами использовались три методики.

Тест диспозиционного оптимизма Ч. Карвера и М. Шейера в адаптации Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева, Е. Н. Осины^[35]. Методика состоит из 12 утверждений и содержит шкалы позитивных и негативных ожиданий, где позитивные ожидания отражают оптимистичное видение будущего, а негативные – пессимистичное. Кроме этого, имеется обобщенный показатель диспозиционного оптимизма. Отметим, что методика часто «применяется в исследованиях психологической адаптации и болезни» ^[35, с. 37], что и обусловило ее включение в наше исследование.

Опросник «Профессиональная времененная перспектива будущего» Х. Цахера и М. Фрезе в адаптации Т. Ю. Базарова, А. В. Парамузова^[36]. Методика состоит из 10 утверждений, которые образуют три шкалы: фокусирование на возможностях; фокусирование на ограничениях; оставшееся время, которое характеризует оценку перспективы профессионального будущего как ограниченную или неограниченную. Данный опросник использовался нами, поскольку работа занимает важное место в жизни человека и служит важнейшим источником опыта, что важно учитывать для характеристики удовлетворенности жизнью.

Методика «Индекс стремлений» Э. Деси и Р. Райан в адаптации Т. Д. Василенко, Ю. А. Котельниковой, А. В. Селиной^[37]. Опросник был разработан в рамках теории самодетерминации и содержит 35 пунктов, образующих 7 шкал: богатство, привлекательная внешность, известность, личностный рост, отношения, общество, здоровье. Первые три стремления характеризуются как внешние, а остальные как внутренние. Кроме этого, каждый вопрос оценивается через три фактора: 1. важность цели (Важность); 2. вероятность достижения цели в будущем (Вероятность); 3. насколько цель достигнута на настоящий момент (Достижение). Методика была включена в наше исследование, поскольку отражает не только актуальные жизненные стремления, но и как они отражаются в образе будущего.

Сбор данных происходил с использованием сервиса «Google Формы». Качественная обработка данных была произведена обоими соавторами, а количественная – в программе JASP 0.18.0.0. Использовались описательные статистики, критерий Краскела-Уоллиса, U-критерий Манна-Уитни, множественный регрессионный анализ.

Результаты исследования

На первом этапе анализа полученных данных нами были проанализированы ответы респондентов на открытые вопросы и выделены группы в зависимости от опыта преодоления ТЖС. Всего нами были сформированы три группы. Первую группу (Группа 1) составили 38 респондентов, которые в настоящий момент находятся в ТЖС (в соответствии с принятым нами определением ТЖС). Во вторую группу (Группа 2) вошли 34 респондента, которые сообщили, что недавно сталкивались с ТЖС, но к моменту исследования преодолели трудности. То есть во втором вопросе они ответили утвердительно, а ответ на третий вопрос подтверждал это. Те респонденты, которые указали, что они переживают две и более независимые ТЖС (в разных сферах жизни), но к моменту исследования еще субъективно не преодолели хотя бы одну, относились нами к первой группе. Третья группа (Группа 3) была сформирована из 28 респондентов, которые указали на отсутствие в их жизни в последнее время каких-либо значимых трудностей, либо описали трудности, которые нельзя отнести к переживанию ТЖС.

Отметим, что респонденты описывали самые разнообразные ТЖС. В основном они касались значимых трудностей, связанных с идентичностью и поиском своего места в этой жизни (непонимание самого/-ой себя, чего действительно хочется); трудностей в отношениях с партнерами/близкими (тяжелые расставания/разводы, острые нехватка общения с близкими людьми, болезненный опыт общения с близкими); негативный опыт в работе/учебе (эмоциональное выгорание); столкновение со смертью близких; проживание тяжелой болезни. Описывая эти трудности, респонденты использовали такие слова как, «тревожность», «страх», «разочарование», «отчаяние», «истощение сил», «потеря смысла», «потеря понимания себя», «бесцельное существование», «непонимание своих целей», «всё рухнуло» и др.

Примерами трудностей, которые описали респонденты, но которые мы не отнесли к пребыванию ТЖС (а сами респонденты были отнесены нами к Группе 3), поскольку они не отвечали всем требованиям принятого нами определения ТЖС, являлись проблемы в коммуникации с коллегами или финансовые трудности без указания на субъективно значимую негативную оценку ситуаций, академические задолженности в учебной деятельности и др.

Далее мы определили средние значения в каждой группе по шкалам методик. Результаты представлены в Таблицах 1 и 2 (значения по методике «Индекс стремлений» из-за сложной структуры опросника были вынесены в отдельную таблицу).

Таблица 1 – Средние значения групп респондентов с разным опытом преодоления ТЖС по методикам «Шкала удовлетворенности жизнью», «Тест диспозиционного оптимизма», «Профессиональная времененная перспектива будущего».

Группы	Шкала удовлетворенности жизнью	Тест диспозиционного оптимизма			Профессиональная времененная перспектива будущего		
		Шкала диспозиционного оптимизма	Позитивные ожидания	Негативные ожидания	Оставшееся время	Фокусирование на возможностях	Фокусирование на ограничениях
Гр1	16.97	19.66	9.53	5.87	13.97	14.55	8.71
Гр2	22.06	24.24	11.24	3.12	16.29	15.68	6.85
Гр3	22.64	23.29	12.21	4.93	15.21	14.68	9.86

Таблица 2 – Средние значения групп респондентов с разным опытом преодоления ТЖС по методике «Индекс стремлений».

Группы	Индекс стремлений						
	Богатство	Известность	Внешность	Личностный рост	Отношения	Общество	Здоровье
	Фактор «Важность»						
Гр1	26.92	16.74	18.18	29.87	30.32	21.92	30.1
Гр2	28.32	17.94	18.24	30.68	31.50	23.59	31.2
Гр3	28.07	19.89	21.39	29.68	29.79	22.75	31.1
	Фактор «Вероятность»						
Гр1	24.29	15.32	18.79	26.13	25.82	20.71	26.2
Гр2	26.21	18.71	20.35	29.65	29.62	24.06	28.4
Гр3	26.11	19.82	21.96	27.54	27.04	22.32	27.5
	Фактор «Достижение»						
Гр1	13.26	11.13	15.76	18.76	20.47	15.34	20.8
Гр2	14.94	13.15	17.71	23.53	23.44	18.27	20.7
Гр3	17.95	15.11	18.43	22.82	23.93	17.68	22.2

Далее был проведен сравнительный анализ показателей респондентов разных групп по шкалам методик (Таблица 3). Использовался критерий Краскела-Уоллиса, а там, где были получены значения $p \leq 0,05$, использовался У-критерий Манна-Уитни для нахождения различий между конкретными группами. Поскольку группы сравнивались по большому количеству переменных, то было принято решение в таблицу занести различия только по тем переменным, где значения по критерию Краскела-Уоллиса были на уровне $p \leq 0,05$.

Таблица 3 – Результаты сравнительного анализа удовлетворенности жизнью и аспектов образа будущего среди групп респондентов с разным опытом преодоления ТЖС.

Шкала	Критерий Краскела- Уоллиса (по трем группам)	Попарные сравнения		
		Группы	У-критерий Манна- Уитни	Величина эффекта
Шкала удовлетворенности жизнью				
Шкала удовлетворенности жизнью	<.001	Гр1-Гр2	<0.001	-0.453
		Гр2-Гр3	0.650	
		Гр3-Гр1	<0.001	-0.571
Тест диспозиционного оптимизма				
Шкала диспозиционного оптимизма	0.005	Гр1-Гр2	0.002	-0.432
		Гр2-Гр3	0.294	
		Гр3-Гр1	0.037	-0.302
Позитивные ожидания	0.002	Гр1-Гр2	0.026	-0.303
		Гр2-Гр3	0.155	
		Гр3-Гр1	<0.001	-0.500
Негативные ожидания	0.007	Гр1-Гр2	0.002	0.416
		Гр2-Гр3	0.040	-0.304
		Гр3-Гр1	0.415	
Профессиональная временная перспектива будущего				
Оставшееся время	0.029	Гр1-Гр2	0.007	-0.372
		Гр2-Гр3	0.316	
		Гр3-Гр1	0.196	

		Гр1-Гр2	0.041	0.279
		Гр2-Гр3	0.031	-0.317
		Гр3-Гр1	0.527	
Индекс стремлений				
Богатство (достижение)	0.004	Гр1-Гр2	0.144	
		Гр2-Гр3	0.036	-0.312
		Гр3-Гр1	0.001	-0.462
Известность (вероятность)	0.037	Гр1-Гр2	0.060	
		Гр2-Гр3	0.645	
		Гр3-Гр1	0.015	-0.352
Известность (достижение)	0.048	Гр1-Гр2	0.095	
		Гр2-Гр3	0.364	
		Гр3-Гр1	0.022	-0.333
Личностный рост (вероятность)	0.009	Гр1-Гр2	0.002	-0.416
		Гр2-Гр3	0.083	
		Гр3-Гр1	0.279	
Личностный рост (достижение)	<.001	Гр1-Гр2	<0.001	-0.556
		Гр2-Гр3	0.599	
		Гр3-Гр1	<0.001	-0.480
Отношения (вероятность)	0.010	Гр1-Гр2	0.002	-0.423
		Гр2-Гр3	0.123	
		Гр3-Гр1	0.289	

Примечание: в таблице представлены сравнительные характеристики только по тем шкалам, где критерий Краскела-Уоллиса показал различия на уровне $p \leq 0,05$; для критерия Манна-Уитни величина эффекта определялась ранговой бисериальной корреляцией (данные величины эффекта представлены, если критерий Манна-Уитни показал различия на уровне $p \leq 0,05$).

Таким образом было выявлено, что группы, отличающиеся по опыту проживания ТЖС, имеют множественные достоверные различия в выраженности удовлетворенности жизнью и ожиданий от будущего.

Группа респондентов, пребывающих в ТЖС в данный момент, имеет показатели по удовлетворенности жизнью достоверно ниже, чем две другие группы. Кроме этого, респонденты из Группы 1 имеют более пессимистичное видение своего будущего и более ограниченную временную перспективу в профессиональной сфере. В то же время респонденты, которые уже справились с ТЖС (Группа 2), имеют менее выраженное негативное ожидание от будущего, в профессиональной сфере видят меньше препятствий для развития и при этом верят, что в будущем они продолжат личностно расти. А у респондентов из Группы 3 нет каких-то ярко выраженных особенностей по сравнению с Группой 2: они более удовлетворены жизнью, чем представители Группы 1, но примерно также, как и респонденты из Группы 2. Похожая картина и в оценке будущего.

Далее нами использовался множественный регрессионный анализ, чтобы оценить вклад различных аспектов образа будущего в удовлетворенность жизнью в группах с разным опытом преодоления ТЖС. Для каждой методики нами строилась отдельная модель, поскольку мы хотели оценить независимый друг от друга вклад различных переменных. Однако в Тесте диспозиционного оптимизма нами использовался только общий

показатель диспозиционного оптимизма, поскольку, как пишут авторы адаптации методики: «отсутствуют убедительные теоретические обоснования двухфакторной природы оптимизма/пессимизма» [35, с. 58]. А для методики «Индекс стремлений» строились три разные модели отдельно для факторов «Важность», «Вероятность» и «Достижение». При построении регрессии нами использовался метод принудительного включения. Для более наглядного соотнесения вклада предикторов в удовлетворенность жизнью данные по трем группам представлены в Таблице 4 друг за другом по каждой методике.

Таблица 4 – Аспекты образа будущего, как предикторы удовлетворенности жизнью, в группах респондентов с разным опытом преодоления ТЖС.

Группы	Предикторы	R2	β	p
Тест диспозиционного оптимизма				
Группа 1	Шкала диспозиционного оптимизма	0,277	0,526	<.001
Группа 2	Нет значимых предикторов			
Группа 3	Нет значимых предикторов			
Профессиональная временная перспектива будущего				
Группа 1	Фокусирование на возможностях	0,376	0,439	0.030
Группа 2	Фокусирование на возможностях	0,313	0,425	0.015
Группа 3	Нет значимых предикторов			
Индекс стремлений (фактор Важность)				
Группа 1	Здоровье	0,159	0,484	0,045
Группа 2	Нет значимых предикторов			
Группа 3	Нет значимых предикторов			
Индекс стремлений (фактор Вероятность)				
Группа 1	Отношения	0,380	0,533	0,012
Группа 2	Нет значимых предикторов			
Группа 3	Нет значимых предикторов			
Индекс стремлений (фактор Достижение)				
Группа 1	Отношения	0,451	0,464	0,005
Группа 2	Нет значимых предикторов			
Группа 3	Нет значимых предикторов			

Примечание. В таблице представлены только значимые предикторы.

Регрессионный анализ показал, что для Группы 1, респонденты которой находятся в процессе преодоления ТЖС, различные аспекты образа будущего действительно выступают ресурсами формирования удовлетворенности жизнью. Позитивные ожидания от будущего в целом и в профессиональной сфере в частности дают опору в настоящем. Кроме этого, центральным аспектом жизни в ТЖС для респондентов является стремление чувствовать себя здоровым, а позитивные отношения с близкими людьми выступают наиболее важным ресурсом. Так, с одной стороны, уже имеющиеся отношения придают респондентам устойчивость в преодолении ТЖС, а вера в то, что в будущем отношения будут служить источником положительного опыта, придает энергию в настоящем.

Иная картина в двух других группах, которые не находятся в ТЖС. Удовлетворенность жизнью у этих групп обусловлена факторами, которые не основаны на образе будущего.

Лишь «Фокусирование на возможностях» в профессиональной сфере в Группе 2 выступило значимым предиктором.

Обсуждение результатов

Полученные результаты подтверждают выдвинутую нами гипотезу о том, что у респондентов, находящихся в процессе преодоления ТЖС, существуют особенности в образе будущего, которые выступают ресурсами формирования удовлетворенности жизнью. Такими ресурсами выступили, во-первых, обобщенное позитивное ожидание от будущего, надежда на хорошие события в дальнейшем. Можно утверждать, что это универсальная опора при проживании значимых трудностей, поскольку «люди совершают усилия, направленные на преодоление трудностей для достижения поставленных целей, лишь до тех пор, пока их ожидания будущих успехов достаточно благоприятны» [35, с. 37]. И в целом существует большое количество данных, указывающих на тесную связь оптимизма и психологического благополучия [38; 39].

Во-вторых, было выявлено, что ресурсом преодоления трудностей служат позитивные ожидания конкретно в профессиональной сфере. Фокусирование на возможностях, стремление к достижению целей на рабочем месте придает энергию при проживании ТЖС. Вернемся к этому ниже.

В-третьих, стремление поддерживать конструктивные отношения с близкими людьми – еще один важнейший ресурс совладания с ТЖС. И поскольку методика «Индекс стремлений» основана на теории содержания целей – одной из мини-теорий теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана [40], то полученные данные хорошо описываются другой мини-теорией – теорией существования трех базовых психологических потребностей в автономии, компетентности и связанности, удовлетворение которых лежит в основе психологического благополучия [40]. То есть, как было установлено в нашем исследовании, в ТЖС респонденты находят опору в близких отношениях со значимыми людьми не только в настоящем, но и верят, что отношения будут приносить пользу и в будущем.

Кроме этого, потребность в компетентности может лежать в основе ресурсности профессиональной сферы, описанной нами ранее. Так человек, фокусируясь на возможностях в рабочей среде, может воспринимать их сквозь призму допустимости в будущем проявить свои лучшие качества, показать свою эффективность. И таким образом профессиональное будущее воспринимается как пространство, позволяющее раскрыть свой потенциал.

В Группе 2, респонденты которой сталкивались с ТЖС ранее, но субъективно преодолели ее, а также в Группе 3, где респонденты не сталкивались с ТЖС в последнее время, получена иная картина. Для участников этих групп образ будущего почти не имеет вклада в оценку удовлетворенности жизнью, а сама удовлетворенность жизнью основана на других факторах. Полученные результаты можно объяснить тем, что, как отмечают исследователи, образ будущего может одновременно выступать пространством, наполненным активными действиями, где можно реализовать себя, но и трудностями, проблемами, которые нужно будет решать, тем самым создавая когнитивный диссонанс, что не позволяет говорить об однозначной связи между воспринимаемым будущим и удовлетворенностью жизнью [41]. И если респонденты Группы 1 остро чувствуют потребность в изменениях, зная, что это принесет пользу, формируя ресурсность в образе будущего, то респонденты Группы 2 и Группы 3 в целом адаптированы к жизни и

чувствуют благополучие, опираясь на уже имеющийся опыт.

Кроме этого, заслуживают внимание результаты, полученные при сравнении групп, а именно по Группе 2, респонденты которой уже преодолели ТЖС. Так было выявлено, что у участников этой группы, уровень удовлетворенности жизнью примерно такой же, как и у представителей Группы 3, однако у них достоверно ниже негативные ожидания от будущего, и эти участники имеют заметно выраженное ожидание личностного роста в будущем. Таким образом, данные определенно согласуются с тем, что исследователи называют посттравматическим ростом, то есть «переживанием позитивных изменений в результате столкновения со сложными жизненными обстоятельствами» [42, с. 356].

Заключение

В данном исследовании ТЖС характеризовалась, как значимая негативная ситуация, пребывание в которой сопровождается беспокойством, чувствами неподконтрольности и неопределенности, а также трудностями при принятии решений. Хотя преодоление подобной ситуации требует от человека приложения значительных усилий, это не всегда сопровождается снижением удовлетворенности жизнью. Решающую роль играют когнитивная оценка ситуации, а также доступные ресурсы.

Ряд аспектов образа будущего уже описаны исследователями, как ресурсы для поддержания удовлетворенности жизни в ТЖС. В проведенном исследовании были найдены ряд других характеристик образа будущего, связанных с удовлетворенностью жизнью в условиях ТЖС.

Прежде всего нами были выделены группы респондентов на основе опыта столкновения с трудными жизненными ситуациями и их преодолению. Эти группы значимо различались по уровню удовлетворенности жизнью и выраженности различных аспектов образа будущего.

Далее было установлено, что в ситуации преодоления значимых трудностей обобщенные позитивные ожидания от будущего, фокусирование на возможностях в профессиональной среде, ориентация на выстраивание близких отношений со значимыми людьми, выступают ресурсами удовлетворенности жизнью.

Однако у респондентов, которые не находятся непосредственно в ситуации преодоления ТЖС, аспекты образа будущего не выступают ресурсами формирования удовлетворенности жизнью.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты могут быть использованы в рамках психологического консультирования клиентов, находящихся в ТЖС. Так образ будущего может выступать мощным мотивационным ресурсом при решении актуальных жизненных проблем и повышения удовлетворенности жизнью. В то же время формирование позитивных ожиданий от будущего выступает важной мишенью психологической интервенции при консультировании клиентов, пребывающих в условиях ТЖС.

Дальнейшие исследования по данной теме могут быть посвящены изучению конкретных ТЖС, а именно общим и частным закономерностям взаимосвязи удовлетворенности жизнью с образом будущего. Предстоит более детально проанализировать особенности вклада различных характеристик образа будущего в удовлетворенность жизнью в зависимости от типа ТЖС, субъективной оценки трудностей и ориентаций совладания с ТЖС. К тому же исследователями уже предложены как различные типологии ТЖС [8; 18],

так и способы оценки субъективных трудностей [\[43\]](#) и ориентаций совладания [\[34\]](#).

Библиография

1. Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. 2017. №1(89). С. 24-37. EDN: YZICSH.
2. Хорошилов Д.А. Онтологическая, социальная и психологическая прекарность: пути взаимодействия в транзитивном обществе // Новые психологические исследования. 2021. Т.1. №2. С. 64-83. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_04.
3. Марцинковская Т.Д., Орестова В.Р. Эстетическая парадигма в транзитивном мире // Артикульт. 2017. №3(27). С. 134-143. DOI: 10.28995/2227-6165-2017-3-134-143.
4. Орестова В.Р., Ткаченко Д.П., Манчхашвили М.А. Иррациональность мышления как способ совладания с неопределенностью современного мира // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2021. №4. С. 50-64. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-50-64.
5. Барцалкина В.В., Волкова Л.В., Кулагина И.Ю. Особенности ценностно-смысловой сферы при переживании трудной жизненной ситуации в зрелости // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т.27. №2. С. 69-81. DOI: 10.17759/cpp.2019270205.
6. Морозова Н.Н., Никишов С.Н., Осипова И.С., Баляев С.И. Особенности психологической адаптации подростков к трудным жизненным ситуациям // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т.22. №4. С. 459-476. DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.459-476.
7. Кайипбекова И.У., Гагай В.В. Жизнестойкость как основание преодоления трудных жизненных ситуаций подростками из семей // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т.9. №2. EDN: ZHYZQX.
8. Нартова-Бочавер С.К., Бардадымов В.А., Ерофеева В.Г., Хачатурова М.Р., Хачатрян Н.Г. Трудные жизненные ситуации обучающейся молодежи // Вопросы образования. 2024. №2. С. 170-202. DOI: 10.17323/vo-2024-17187.
9. Гаевская Л.Г. Смыслообразование в процессе адаптации к трудной жизненной ситуации // 2022. Т.13. №4. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(4).10.
10. Черкевич Е.А. Смысложизненные ориентации и рефлексивность женщин зрелого возраста в трудной жизненной ситуации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2022. Т.8(74). №1. С. 140-152. EDN: HWSCXK.
11. Циринг Д.А., Пахомова Я.Н. Совладающее поведение женщин с онкологическими заболеваниями (на примере пациентов с раком молочной железы) // Сибирский психологический журнал. 2020. №78. С. 130-144. DOI: 10.17223/17267080/78/8.
12. Кошелева Ю.П. Возможности сказкотерапии в работе консультанта с трудными жизненными ситуациями // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. №1(838). С. 202-219. DOI: 10.52070/2500-3488_2021_1_838_202.
13. Леонова Е.Н. Жизнестойкость и когнитивная оценка трудной жизненной ситуации как предикторы способов совладания // Человеческий капитал. 2021. №4(148). С. 90-103. DOI: 10.25629/HC.2021.04.08.
14. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. №1. С. 117-142. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06.
15. Щукина М.А., Ширман Л.А. Психологические предикторы удовлетворенности жизнью людей старшего возраста (на примере клиентов благотворительного фонда) // Национальный психологический журнал. 2022. №1(45). С. 15-29. DOI:

- 10.11621/prj.2022.0102.
16. Попова Т.А., Затонский В.А. Субъективное благополучие, переживание повседневного стресса и копинг-поведение в ранней взрослости // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия №1. Психологические и педагогические науки. 2022. №1. С. 106-117. DOI: 10.24412/2308-717X-2022-1-106-117.
17. Дерманова И.Б., Александрова О.В., Ткаченко А.Е., Кушнарева И.В. Рациональные и иррациональные компоненты оценки трудной жизненной ситуации взрослыми (на примере родственников детей, больных тяжелыми и угрожающими жизни заболеваниями) // Педиатр. 2017. Т.8. №6. С. 118-124. DOI: 10.17816/PED86118-124.
18. Битюцкая Е.В. Структура и динамика образа трудной жизненной ситуации // Вопросы психологии. 2020. Т.66. №3. С. 116-131. EDN: OVORME.
19. Казанцева О.А., Гурьянова Т.А. Роль социальной поддержки и произвольной регуляции в психологическом благополучии подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. DOI: 10.18384/2224-0209-2023-2-1321.
20. Лактионова Е.Б., Матюшина М.Г. Взаимосвязь субъективного благополучия и стратегий поведения в сложных жизненных ситуациях // Психологическое сопровождение безопасности образовательной среды школы в условиях внедрения новых образовательных и профессиональных стандартов: сборник научных статей по материалам конференции. Москва, Московский городской психолого-педагогический университет, 2015. С. 52-56. совладания с ними.
21. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал: оптика психологии // Образовательная политика. 2023. №2(94). С. 20-31. DOI: 10.22394/2078-838X-2023-2-20-31.
22. Елизаров С.Г. Особенности образа будущего у подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (гендерный аспект) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. №4(60). С. 634-640. EDN: HPRXHV.
23. Мартынова Г.Ю. Исследование связи временной перспективы и саморегуляции в трудной жизненной ситуации // Психолог. 2020. № 1. С.34-43. DOI: 10.25136/2409-8701.2020.1.32180 URL: https://e-notabene.ru/psp/article_32180.html
24. Шилова Н.П., Бруданов П.П. Изменение представлений об образе будущего в юношеском возрасте // Психолог. 2020. № 4. С.45-59. DOI: 10.25136/2409-8701.2020.4.32736 URL: https://e-notabene.ru/psp/article_32736.html
25. Абитов И.Р., Ергунова Н.Г., Городецкая И.М. Оптимизм как ресурс преодоления трудной жизненной ситуации в ранней и средней взрослости // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. №2. С. 15-22. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2019-2-1.
26. Сулим О.С. Событийная временная перспектива будущего как адаптационный ресурс в условиях глобальных кризисов. Психологические исследования. 2024. Т.17. №93. DOI: 10.54359/ps.v17i93.1515.
27. Вечканова Е.М. Специфика временной перспективы личности при различных уровнях переживания кризиса идентичности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4-2(60). С. 117-122. EDN: TELMQR.
28. Розинкина С.А., Образ будущего у социально дезадаптированных подростков в условиях социально-реабилитационного центра // Отечественный журнал социальной работы. 2023. №1(92). С. 144-148. EDN: SCBMPX.
29. Трофимова Е.Л., Геранюшкина Г.П., Малахаева С.К. Особенности временной перспективы подростков с ограниченными возможностями здоровья // Baikal Research Journal. 2019. Т.10. №4. С. 6. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(4).6.

30. Кольчик Е.Ю. Особенности копинг-стратегий лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, с различным восприятием временной перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т.24. №6(94). С. 778-784. DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-6-778-784.
31. Petrovsky V.A., Shmelev I.M. Personology of Difficult Life Situations: At the Intersection of Three Cultures // Psychology. Journal of Higher School of Economics. 2019. Vol.16. №.3. Р. 408-433. DOI: 10.17323/1813-8918-2019-3-408-433.
32. Александрова О.В., Дерманова И.Б. Семантический дифференциал жизненной ситуации // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т.26, №3(101). С. 127-145. DOI: 10.17759/crp.2018260307.
33. Kelli G. A theory of personality: The psychology of personal constructs. New York, W.W. Norton, 1963. 190 p.
34. Битюцкая Е.В., Корнеев А.А. Диагностика восприятия жизненных трудностей: ситуационный опросник "Типы ориентаций в трудной ситуации" // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. №4. С. 141-163. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-4-1047.
35. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Разработка русскоязычной версии Теста диспозиционного оптимизма (LOT) // Психологическая диагностика. 2010. №2. С. 36-64. EDN: SUFPGP.
36. Базаров Т.Ю., Парамузов А.В. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника Х. Цахера и М. Фрезе "Профессиональная временная перспектива будущего" // Организационная психология. 2019. Т.9. №1. С. 57-80. EDN: FCIVMY.
37. Котельникова Ю.А. Жизненные стремления как личностный конструкт. Методика диагностики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.b17.ru/article/14186/> (дата обращения: 22.10.2024).
38. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Егоров В.А. Диагностика жизненных целей: Краткая версия опросника «Индекс стремлений» // Психологический журнал. 2023. Т.44. №4. С. 49-62. DOI: 10.31857/S020595920027085-9.
39. Gordeeva T., Sheldon K., Sychev O. Linking academic performance to optimistic attributional style: attributions following positive events matter most // European Journal of Psychology of Education. 2020. Vol. 35. P. 21-48. DOI: 10.1007/s10212-019-00414-y.
40. Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. New York City, The Guilford Press, 2017. 756 p.
41. Петрова В.Н., Галажинский Э.В., Блохина Е.В. Временные установки и удовлетворенность жизнью у студентов вузов в смешанной образовательной среде // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. №82. С. 187-193. DOI: 10.17223/19988613/82/23.
42. Трусова А.Д., Фаустова А.Г. Влияние генеза психологической травмы на проявления посттравматического роста: теоретический обзор // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2021. Т.9. №4(35). С. 355-365. DOI: 10.23888/humJ20214355-365.
43. Битюцкая Е.В., Корнеев А.А. Диагностика субъективного оценивания трудных жизненных задач // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. №1. С. 247-279. DOI: 10.11621/vsp.2023.01.11

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования: оценка вклада различных характеристик образа будущего в удовлетворенность жизнью у людей, преодолевающих ТЖС.

Методология исследования: В исследовании приняло участие 100 человек.

Для оценки удовлетворенности жизнью была использована шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера в адаптации Е. Н. Осины, Д. А. Леонтьева.

Тест диспозиционного оптимизма Ч. Карвера и М. Шейера в адаптации Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева и Е. Н. Осины.

Опросник «Профессиональная временная перспектива будущего» Х. Цахера и М. Фрезе в адаптации Т. Ю. Базарова и А. В. Парамузова.

Методика «Индекс стремлений» Э. Деси и Р. Райан в адаптации Т. Д. Василенко, Ю. А. Котельниковой, А. В. Селиной.

Сбор данных происходил с использованием сервиса «Google Формы». Качественная обработка данных была произведена обоими соавторами, а количественная – в программе JASP 0.18.0.0. Использовались описательные статистики, критерий Краскела-Уоллиса, U-критерий Манна-Уитни, множественный регрессионный анализ.

Актуальность исследования: Известно, что образ будущего у людей, попавших в ТЖС, имеет ряд особенностей. Однако анализ публикаций отечественных психологов, где подробно описываются ресурсы преодоления ТЖС, всё же показал, что аспекты образа будущего по отношению к удовлетворенности жизнью в ситуации совладания с жизненными трудностями рассмотрены недостаточно. Отмечено, например, что временная ориентация является ресурсом совладания с ТЖС и то, что позитивные ожидания положительно связаны с удовлетворенностью жизнью в ТЖС, но слабо конкретизированы другие аспекты образа будущего, хотя еще Дж. Келли отмечал, что люди главным образом ориентированы на будущие события, а не на прошлое или настоящее, тем самым показывая ресурсность образа будущего. Таким образом, актуальным представляется изучить какие структуры воспринимаемого будущего в ситуации совладания с трудностями формируют удовлетворенность жизнью.

Научная новизна: Рецензируемая статья обладает научной новизной.

Стиль, структура, содержание: Статья выполнена на высоком научном уровне, содержит ряд выводов, представляющих практический интерес.

Библиография: Все разделы статьи логически взаимосвязаны, а положения статьи подтверждены цитатами из авторитетных источников и ссылками на научные исследования.

Апелляция к оппонентам: авторами проанализировано достаточное количество публикаций по тематике эмпирического исследования.

Выводы, интерес читательской аудитории: Выделенные на основе опыта столкновения с трудными жизненными ситуациями и их преодолению группы респондентов значимо различаются по выраженности удовлетворенности жизнью и различным аспектам образа будущего. В ситуации преодоления значимых трудностей различные аспекты образа будущего, а именно обобщенные позитивные ожидания от будущего, фокусирование на возможностях в профессиональной среде, ориентация на выстраивание близких отношений со значимыми людьми, выступают ресурсами удовлетворенности жизнью. У респондентов, которые не находятся непосредственно в ситуации преодоления трудной

жизненной ситуации, различные аспекты образа будущего не выступают ресурсами формирования удовлетворенности жизнью.

Среди основных замечаний: Необходимо изменить название статьи на "Связь удовлетворенности жизнью с образом будущего при преодолении трудной жизненной ситуации", поскольку особенности могут быть только у людей. Не во всех цитируемых источниках указан doi. Не представлены практические рекомендации. В актуальности необходимо представить актуальные статистические данные по проблеме исследования.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является связь удовлетворенности жизнью с образом будущего при преодолении трудной жизненной ситуации.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также опросный метод с применением шкалы удовлетворенностью жизнью Э. Динера в адаптации Е. Н. Осины, Д. А. Леонтьева, теста диспозиционного оптимизма Ч. Карвера и М. Шейера в адаптации Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева и Е. Н. Осины, опросник «Профессиональная времененная перспектива будущего» Х. Цахера и М. Фрезе в адаптации Т. Ю. Базарова и А. В. Парамузова, методики «Индекс стремлений» Э. Деси и Р. Райан в адаптации Т. Д. Василенко, Ю. А. Котельниковой, А. В. Селиной, количественная обработка полученных данных осуществлялась с помощью методов математической статистики, в частности, с использованием критерия Краскела-Уоллиса, У-критерия Манна-Уитни, множественного регрессионного анализа.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку трудная жизненная ситуация (ТСЖ) в условиях современной социальной реальности становится достаточно распространенным явлением. Наиболее подверженными трудной жизненной ситуации оказываются представители наиболее уязвимых и незащищенных социальных групп. При этом способы преодоления трудной жизненной ситуации отличаются множественностью и разнообразием, но при этом они могут иметь продуктивный, непродуктивны, а иногда, даже вредоносный характер для личности. Поэтому изучение связи удовлетворенности жизнью с образом будущего при преодолении трудной жизненной ситуации представляет научно-исследовательский интерес среди различных ученых.

Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике и «выявлении связей между удовлетворенностью жизнью и образом будущего у людей, преодолевающих ТСЖ». В опросе приняли участие 100 респондентов, в том числе «57 респондентов женского пола, 43 мужского. Средний возраст – 26,7 лет».

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме, а также применением терминологии, характеризующей предмет исследования, а также демонстрацией результатов исследования.

Структура рукописи, к сожалению, не полностью выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает в себя введение, методику проведения исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, основные результаты и выводы, библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет

выявленные в ходе исследования тенденции, что «респонденты описывали самые разнообразные ТЖС. В основном они касались значимых трудностей, связанных с идентичностью и поиском своего места в этой жизни (непонимания самого/-ой себя, чего действительно хочется); трудностей в отношениях с партнерами/близкими (тяжелые расставания/разводы, острые нехватка общения с близкими людьми, болезненный опыт общения с близкими); негативный опыт в работе/учебе (эмоциональное выгорание); столкновение со смертью близких; проживание тяжелой болезни. Описывая эти трудности, респонденты использовали такие слова как, «тревожность», «страх», «разочарование», «отчаяние», «истощение сил», «потеря смысла», «потеря понимания себя», «бесцельное существование», «непонимание своих целей», «всё рухнуло» и др. Библиография содержит 35 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих различные подходы к пониманию трудной жизненной ситуации, удовлетворенности жизнью и образа будущего. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся некоторые выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «1. Выделенные на основе опыта столкновения с трудными жизненными ситуациями и их преодолению группы респондентов значимо различаются по выраженности удовлетворенности жизнью и различным аспектам образа будущего. 2. В ситуации преодоления значимых трудностей различные аспекты образа будущего, а именно обобщенные позитивные ожидания от будущего, фокусирование на возможностях в профессиональной среде, ориентация на выстраивание близких отношений со значимыми людьми, выступают ресурсами удовлетворенности жизнью. 3. У респондентов, которые не находятся непосредственно в ситуации преодоления трудной жизненной ситуации, различные аспекты образа будущего не выступают ресурсами формирования удовлетворенности жизнью».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и специалистами организаций, осуществляющими работу с людьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, специалистами кризисных центров, социологами, психологами, социальными педагогами, социальными работниками, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в структуре статьи некоторые важные элементы либо раскрыты не полностью, либо отсутствуют. В частности, необходимо дополнить текст исследования обзором литературы по заявленной теме, большее внимание целесообразно было бы уделить заключительной части исследования. Целесообразно дополнить текст статьи обобщающим заключением, а не ограничиваться только основными результатами и выводами. При оформлении таблиц необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить их в соответствии с этими требованиями. Таблица 1 очень объемна и громоздка для такого вида научно-исследовательской работы, как статья, возможно, ее целесообразно было бы заменить наглядным рисунком. В тексте статьи встречаются незначительные технические ошибки и опечатки. Указанные недостатки не снижают научную значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить и доработать текст статьи в части ее структуры и отдельных структурных элементов. Рукопись рекомендуется вернуть на доработку.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена "вечной" для психологии теме преодоления трудной жизненной ситуации. Предмет статьи определен достаточно конкретно, в явном виде прописан, само исследование и описанные результаты вполне соответствуют заявленному предмету.

Методология исследования адекватная, очень подробно и качественно прописана. Применены актуальные методики в качественных адаптациях. Корректно применен математический аппарат. Единственное незначительное замечание, выборка описана немного скучно.

Актуальность исследования показана ссылками на литературу. Работа имеет как научную, так и некоторую практическую актуальность.

Научная новизна работы заключается в том, что исследования образа будущего в принципе весьма редки в отечественной психологии.

Стиль статьи научный, работа написана качественным понятным языком, не слишком "отяжелена" научообразными оборотами речи.

Структура статьи соответствует классическойirm, что является своего рода стандартом для эмпирических работ.

Содержание статьи весьма высокого качества. Главное, что можно сказать, исследование прописано весьма подробно. Логика исследования, ход исследования, результаты логично прослеживаются.

Корректно описана процедура обработки данных

Иллюстративный материал, таблицы, корректичен и весьма обогащает работу. Единственное замечание, не умаляющее общего качества и высокого уровня работы, относится к описанию результатов регрессионного анализа.

Авторы пишут весьма сжато о регрессионном анализе: "Регрессионный анализ показал, что для Группы 1, респонденты которой находятся в процессе преодоления ТЖС, различные аспекты образа будущего действительно выступают ресурсами формирования удовлетворенности жизнью", но стоит учесть, что многие читатели, особенно практики, не всегда помнят (или даже не всегда знают) как работает регрессионный анализ, сами не применяли его. Желательно было бы в нескольких словах пояснить читателю процедуру регрессионного анализа, то, как именно он показал важные характеристики группы 1 и других групп".

Литературный обзор весьма объемный, состоит из 43 источников, в том числе, значительного количества зарубежных источников и источников не старше 5 лет. Литературный обзор отпадает актуальное состояние темы и оправдывает методологию исследования. К сожалению, отсутствует четкая апелляция к оппонентам. ведь работа лишь выиграла бы от сопоставления результатов данного исследования с другими похожими, в том числе зарубежными исследованиями. Это замечание, между тем не является существенным и не снижает общий высокий уровень статьи.

Интерес для читательской истории статья безусловно представляет. Работы, посвященные преодолению трудной жизненной ситуации в связи с образом будущего нечасты как в отечественной, так и для мировой психологии. Материалы работы выглядят подлежащими воспроизведению и применимыми даже на практике.

Выявленные недостатки и замечания не влияют на общее высокое качество статьи.
С готовностью рекомендую указанную статью в печать.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Павлова К.Н., Дагбаева С.Б. Идентичность и ценностные ориентации студенческой молодежи в различных этнокультурных группах // Психолог. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.6.72432 EDN: LIICYJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72432

Идентичность и ценностные ориентации студенческой молодежи в различных этнокультурных группах

Павлова Ксения Николаевна

ORCID: 0000-0002-8895-249X

старший преподаватель; кафедра теоретической и прикладной психологии; Забайкальский государственный университет

672000, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129, ауд. 508

✉ p.kseniya13@mail.ru

Дагбаева Соэлма Еатомункуевна

ORCID: 0000-0003-1696-2370

доктор психологических наук

зав. кафедрой; кафедра теоретической и прикладной психологии; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Забайкальский государственный университет»

672000, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129, ауд. 508

✉ soela@bk.ru

[Статья из рубрики "Этнос и этничность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.6.72432

EDN:

LIICYJ

Дата направления статьи в редакцию:

19-11-2024

Дата публикации:

26-11-2024

Аннотация: В статье представлен краткий теоретический анализ понятий

«идентичность» и «ценностные ориентации», приводятся результаты эмпирического исследования по проблеме идентичности и ценностных ориентаций студенческой молодежи. В настоящее время в эпоху глобальных изменений ценностные ориентиры и социальные установки молодёжи как никогда играют важную роль. Особый интерес представляют изменения, происходящие в системе ценностей студенческой молодежи, так как в современном мире большинство молодых людей в меньшей степени ориентируются на духовные ценности, приоритетным значением согласно проведенным исследованиям для них имеют материальные блага. Также многие исследователи отмечают, что в настоящее время в условиях политической и экономической ситуации наблюдается тенденция к размыванию общегражданской идентичности. В связи с этим, авторы считают, что затрагиваемый аспект важно изучать в Российской Федерации, так как она является многонациональной страной. Цель статьи – представить результаты исследования взаимосвязи компонентов идентичности и ценностных ориентаций студенческой молодежи в контексте кросскультурного анализа. Дизайн исследования. Изучены компоненты идентичности и ценностных ориентаций в выборках русских и бурятских респондентов. Выявлены корреляционные связи между идентичностью и ценностными ориентациями. Участники. 100 русских и 100 бурятских студентов вузов. Всего 200 человек. Методы (инструменты): ценностный опросник Ш. Шварца, опросник идентичности по 16 категориям (М.С. Яницкий и др., 2018), математико-статистическая обработка с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена r_s . Результаты исследования показали, что существуют сходства и различия корреляционных связей структуры ценностных ориентаций испытуемых представленных этнокультурных групп на двух уровнях (нормативные идеалы и индивидуальные приоритеты). Полученные результаты показали, что идентичность и ценностные ориентации студентов каждой группы имеют свои особенности. Но не обнаружены какие-то уникальные национальные особенности у представителей русской и бурятской молодежи. Корреляционный анализ выявил, что в иерархии ценностей студенческой молодежи обеих культур присутствуют такие ценности, как конформность, доброта, стимуляция, самостоятельность, гедонизм, достижения. Выявлены отрицательные корреляционные связи компонентов идентичности «Гражданин своей страны», «Последователь своей религии», «Житель данного города» с ценностными ориентациями «Доброта», «Стимуляция», «Традиции», «Самостоятельность», «Безопасность», «Власть», «Достижения».

Ключевые слова:

идентичность, ценностные ориентации, ценности, студенческая молодежь, русские, буряты, сходства и различия, корреляционные плеяды, этнокультурные группы, культура

Введение

Исследование идентичности и ценностных ориентаций студенческой молодежи представляет собой актуальную проблему, требующую углубленного анализа. Сегодня современность ставит перед молодыми людьми не только вопросы своей гражданской и национальной идентификации, но и ценностных ориентаций, которые влияют на принятие собственных решений и формирование мировоззрения. Россия — это многонациональная страна, в которой социальная идентичность и ценностные ориентации представителей разных народов детерминированы различными факторами: урбанизированностью места проживания, уровнем образования, возрастом, этнической принадлежностью, поли- или моноэтничностью среды окружения.

В современном обществе ценностные ориентации и идентичность студенческой молодежи значительно отличаются от тех ценностей, которые доминировали раньше. Возможно, на формирование ценностей и мировоззрение молодых людей могут оказывать влияние и современные медиа и интернет-технологии, а также запросы от окружающего социума на такие ценности, как личный успех, достижения, престижная и высокооплачиваемая работа [7; 31]. Тем не менее в настоящее время наблюдается повышенный интерес к развитию традиционных духовно-нравственных ценностей и гражданской позиции (Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»). В связи с этим, исследование ценностных ориентаций и идентичности студенческой молодежи представляет собой важную задачу, которая позволит более глубоко изучить молодежную культуру и понять, какими ценностями руководствуется современная молодежь.

Проблемой изучения идентичности и ценностных ориентаций личности занимались многие отечественные и зарубежные ученые. В советской психологии ученые Л.С. Выготский, И.С. Кон и др. отмечали, что в становлении идентичности важную роль играет социальное окружение, деятельность и культура в развитии личности. Целый ряд публикаций по проблемам идентификации россиян в трансформирующемся обществе отражены в работах Л.М. Дробижевой, Т.И. Заславской и др. В настоящее время проблематика идентичности активно разрабатывается в контексте исследования гражданской идентичности, которая трактуется как «совокупность стойких личностных свойств индивидов, осознающих, переживающих принадлежность к сообществу граждан своего государства» [43].

Выделяются разные подходы к изучению ценностей. Ф.Е. Василюк представляет ценности через призму теории психологического переживания [27]. Д.А. Леонтьев приписывает ценностям трансситуативный и наддеятельностный характер [44]. Н.А. Журавлева в своих работах определяет функции ценностей: ориентационную, мотивационную, целеполагания, оценочную, интеграционную, нормативную, социокультурную. Ценностные ориентации понимаются как относительно устойчивая, социально обусловленная направленность личности на те или иные цели [16]. Л.В. Баева рассматривает ценность как смысло-значимую цель существования [2]. Проблема ценностных ориентаций освещена в работах О.А. Тихомандрицкой, М.С. Яницкого, С.С. Бубновой и др. М.С. Яницким и его коллегами была предложена структурно-динамическая модель системы ценностных ориентаций личности [47]. Э.В. Галажинский, Д.А. Леонтьев и др. связывают ценности с поиском смысла, раскрывают ценности как личностные смыслы людей [29; 23].

Зарубежные ученые рассматривали проблему идентичности в рамках различных направлений. Например, З. Фрейд, Э. Эриксон, А. Ватерман изучали идентичность с точки зрения психоанализа [17; 28]. А. Маслоу, К. Рождерс затрагивали данную проблематику в области гуманистической психологии. Так К. Роджерс, А. Тэшфел и др. рассматривали идентичность как неотъемлемую часть «Я-концепции» [19]. Зарубежные ученые Umana-Taylor, Yazedjian, Bamacas-Gomez в 2004 году разработали шкалу этнической идентичности для изучения трех компонентов этнической идентичности. В 2015 году учеными (Douglass & Umana-Taylor) был разработан сокращенный вариант шкалы этнической идентичности, состоящий из 9 суждений [35]. С. Рокас и М. Брюэр в своих исследованиях рассматривают типы взаимодействия различных социальных

идентичностей между собой. Учеными введено понятие «сложность социальной идентичности» (social identity complexity) [\[30\]](#).

В зарубежной психологии ценностные ориентации личности освещены в трудах ученых А. Маслоу, М. Рокича, Ш. Шварца, В. Билски, Р. Инглхарта, Г.Л. Коэльо, Д. Боера и др. Так американский исследователь Д. Боер пишет о том, что при исследовании ценностных ориентаций важно учитывать влияние окружающей среды и культуры на их формирование. В. Гевуй предлагает свою функциональную теорию ценностей, которая была разработана и протестирована в течение последних 20 лет [\[33\]](#).

Вопросами студенчества занимаются многие ученые. Так В.И. Слободчиков рассматривает студенческий возраст (16-22 лет) как кризис юности. Ученый считает, что нормой и важнейшим условием самотождественности в период юношеского кризиса (самоидентификации, принятия себя) является процесс индивидуального обособления в деятельности [\[34\]](#). Т.Э. Белянская рассматривает студенческий возраст как кризисный период в жизни человека, периодом встречи со взрослостью [\[31\]](#).

Целью настоящего исследования стало изучение взаимосвязи компонентов идентичности и ценностных ориентаций студенческой молодежи в различных этнокультурных группах.

Обзор литературы

В ходе теоретического анализа проблемы были рассмотрены основные подходы к изучению феномена идентичности, а именно философский и психологический.

Слово «идентичность» (*identitas*) происходит от классического латинского «*idem*», обозначающего «тот же самый» [\[32\]](#). В основе изучения вопросов идентификации лежат труды философов, посвященных человеку, его душе, сознанию и мышлению. Ученые опираются на такие термины, как: «Я», «самость», « тождество» и т.д. Проблема идентичности неразрывно связана с главными вопросами самопознания и сущности человека, со становлением таких понятий, как «субъект», «индивидуальное», «индивидуальность», «личность» [\[25\]](#).

П. Рикер выдвинул два компонента идентичности: 1) идентичность как тождество, который включает в себя три семантических аспекта: «количественный» аспект идентичности; качественный аспект идентичности; непрерывная последовательность, целостность между первой и последней стадией в развитии того, что мы называем «тот же самый индивид»; 2) идентичность как индивидуальность [\[32\]](#).

Я. Хинтикк в своей работе рассматривает декартовский *cogito* в свете вопроса об идентификации. Он акцентирует внимание на идентичности как роли, иначе говоря, двойной идентификации. В своем рассуждении он приводит следующий пример, что в пьесе действующие актеры имеют двойную идентификацию (персонажи драмы на сцене и обычные граждане за дверью театра) [\[42\]](#).

К. Ясперс считает, что человек имеет множество метафорических образов. Собственное «Я» может подвергаться заметным изменениям. Условно говоря, когда мы анализируем человека и абстрактно «расчленяем» его на отдельные факторы, составные части, мы задаем себе вопрос, почему компоненты «человеческого», которые мы изучаем именно таковы и почему их не больше и не меньше [\[8\]](#).

С позиции В.А. Ядова идет изменение компонентов социальной идентификации советского типа к групповым солидарностям «постмодернистского» типа (начинается социальный прогресс) [\[45\]](#).

В психологической науке идентичность рассматривают в следующих аспектах «Я-образ», «Я-концепция» и др. В социальной психологии идёт иное выражение данного понятия: «социальный статус», «социальная роль», «социальная группа» и т.д. [\[4\]](#). В работах американского психолога У. Джеймса идентичность была представлена в виде понятия «Я-концепция» [\[18\]](#).

Известно, что понятие идентичность в научный оборот ввел немецкий психолог Э. Эриксон. По его мнению, идентичность имеет не только личную тождественность, но и целостность. Ученый выделяет персональную и групповую идентичности [\[46\]](#). С. Холл пишет о том, что идентичности свойственны такие качества, как изменение и формирование, а также сохранение своей «незаконченности» [\[9\]](#). А. Тэшфел говорил о том, что человек осознает свое место в социальном мире благодаря тому, что он относит себя к определенной социальной группе. Согласно его теории о социальной идентичности, прежде чем человеку осознать занимаемую позицию в группе, ему необходимо пройти ряд сложных шагов (социальную категоризацию, социальную идентификацию, социальную идентичность) [\[39\]](#).

В свою очередь, в отечественной психологии идентичность рассматривалась как «сознание», «самосознание», «образ Я». Опираясь на работы В.В. Столина, можно сказать, что идентичность — это самосознание личности, включающая в себя многогранную структуру, а именно осознание индивидом своей уникальности, смысла жизни и бытия [\[23\]](#). В понимании В.А. Тишкова, идентичность — понятие, близкое к самосознанию, то есть это чувство принадлежности к определенной общности или культуре [\[41\]](#). По мнению Д.Г. Дьякова феномен идентичности — это промежуточный результат самоидентификационного процесса. Он рассматривает самоидентификацию как целостную функциональную структуру [\[12\]](#). И.С. Коном были выделены уровни и срезы анализа «самости». Идея ее постоянства, тождественности лучше всего выражается термином идентичность, который имеет в науках о человеке три главные модальности: психофизиологическая идентичность; социальная идентичность; личная идентичность (или эго-идентичность) [\[21\]](#).

В науке выделено множество видов социальной идентичности (этническая, гражданская, профессиональная, гендерная, национальная и др.), которые мы кратко рассмотрим. По мнению российского психолога Т.Г. Стефаненко этническая идентичность — это когда индивид относит себя к определенной этнической общности [\[36\]](#). Гражданская идентичность — это самоотождествления субъекта с государством, концепцией и направлением его развития во всех социокультурных измерениях [\[38\]](#). Профессиональная идентичность как высший пик самосознания и развития личности профессионала обеспечивает человеку целостность, тождественность и определенность в мире и профессии [\[26\]](#). Гендерная идентичность отвечает за самоидентификацию индивида с конкретным гендером, то есть внутреннее ощущение себя в качестве мужчины, женщины или кого-то промежуточного [\[15\]](#). Национальная идентичность или национальное самосознание — это важнейший аспект в формировании и самоопределении личности, определяющий связь индивида с его народом и культурой, это принадлежность к определенному этносу или нации [\[29\]](#).

Таким образом, в науке существует множество подходов, направленных на изучение идентичности личности. В психологической науке наибольшее внимание уделяется вопросам самосознания, целостности Я-концепции, образу Я, характеру взаимодействия с социальной средой, положению человека в обществе. Мы придерживаемся позиции о том, что на протяжении всей жизни идентичность может подвергаться изменениям и формированию, ей присуща непрерывность и целостность. Личности важно осознавать свою принадлежность к определенной группе или культуре, а также понимать «кто Я?» и «какой Я?».

Перейдем к анализу понятия ценностные ориентации. Согласно Ш. Шварцу, ценности являются теми представлениями и убеждениями, которые приводят личность к желаемым состояниям и служат для оценивания действий, а также событий человека [20]. Личность, согласно концепции Ш. Шварца, обладает ценностями двух типов: на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов. Согласно Э. Фромму, такая иерархия ценностных координат присутствует в структуре личности каждого индивида [40].

По мнению С.С. Бубновой ценностные ориентации выступают важнейшими составляющими в жизни человека, так как они выражают отношение человека ко всему в окружающем мире и являются индивидуальной характеристикой личности [6]. В своей работе И.А. Сурина отмечает двойственность природы возникновения ценностных ориентаций: с одной стороны они социальны, так как зависят от воспитания, а с другой стороны – индивидуальны, потому что определяются личным жизненным опытом индивида [37]. Яницкий М.С. пишет о том, что ценностные ориентации личности и социальных общностей представляют собой одновременно гетерогенную, иерархическую и динамическую систему [47].

Ценностные ориентации развиваются в процессе социализации и проявляются в убеждениях, целях, интересах и идеалах. В рамках данного значения ценностных ориентаций также особенно подчеркивается, что только личность с достаточно развитой сознательностью и рефлексией способна сделать персональный выбор [22].

С точки зрения психологии главный интерес представляет то, какую роль ценностные ориентации личности играют в регуляции деятельности, поведения и мотивации индивидуума. Система ценностных ориентаций представляет собой центральное ядро личности, которое характеризует ее психологическую зрелость и направленность. Именно ценностные ориентации являются вектором, направляющим личность на ту или иную деятельность, посредством которой происходит удовлетворение индивидуальных потребностей индивида.

Теоретические позиции ученых позволили определить направление дальнейшей работы в области исследования идентичности и ценностных ориентаций русской и бурятской студенческой молодежи, а именно более углубленно понять молодежную культуру, взаимопонимание между разными этническими группами в современном обществе, а также проанализировать иерархическую систему ценностей и ознакомиться с гражданской позицией современной молодежи. В работе учитывались последние исследования идентичности и ценностных ориентаций студенческой молодежи об их предпочтаемых ценностях. Согласно данным, современная молодежь в современном мире руководствуются больше материальными ценностями, нежели духовными [7; 31]. Исходя из этого мы выстроили свою работу.

Обратимся к эмпирическому изучению идентичности и ценностных ориентаций представителей русской и бурятской молодежи.

Материалы и методы исследования

Эмпирическое исследование идентичности и ценностных ориентаций студенческой молодежи проведено в высших учебных заведениях – это Читинская государственная медицинская академия и Забайкальский государственный университет, г. Чита. Выборку составили 200 человек, из которых 100 человек – представители русской культуры (далее по тексту первая группа); 100 человек – представители бурятской культуры (вторая группа). Возраст респондентов варьировался от 17 до 26 лет. Среди них студенты 1–4 курсов, направлений: лечебное дело и психологии образования.

Для исследования идентичности и ценностных ориентаций студенческой молодежи нами был использован метод тестирования с применением комплекса следующих методик: ценностный опросник Ш. Шварца, опросник идентичности по 16 категориям (М.С. Яницкий и др., 2018). Для обработки полученных результатов нами применялись методы математико-статистической обработки, а именно – коэффициент ранговой корреляции Спирмена r_s , который позволяет определить силу и направление корреляционной связи между двумя признаками.

Ценностный опросник Ш. Шварца направлен на изучение ценностей личности. Он представляет из себя шкалу, предназначенную для измерения значимости десяти типов ценностей, таких как власть, достижение, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, доброта, традиции, конформность, безопасность. Всего в опроснике две части (обзор ценностей и профиль личности). Первая часть позволяет изучить нормативные идеалы, а вторая часть индивидуальные приоритеты [20].

Опросник идентичности по 16 категориям (М.С. Яницкий и др., 2018). Данный опросник предназначен для изучения представлений о себе. Методика позволяет определить 16 основных по степени важности элементы, входящие в представления о себе любого человека: профессионал, студент, мужчина/женщина, сын/дочь, муж/жена, уникальная личность, представитель своего народа, гражданин своей страны, житель данного города, отец/мать, представитель молодёжи, член неформальной группы, друг/подруга, последователь своей религии, представитель вида Homosapiens. Задача испытуемого проранжировать предложенные элементы от 1 до 16 по степени важности для него на данный момент. Наиболее важная характеристика получит цифру 1, а наименее важная 16.

Результаты исследования и их обсуждение

Нами был проведен корреляционный анализ компонентов идентичности и ценностных ориентаций на двух уровнях (нормативные идеалы и индивидуальные приоритеты) по Шварцу у студенческой молодежи русской и бурятской культуры (1, 2 группы), который представлен на рисунках 1–4. Перейдем к полученным результатам.

И так, на рисунках 1 и 2 представлены взаимосвязи компонентов идентичности и ценностных ориентаций на нормативном и индивидуальном уровнях по Ш. Шварцу у студенческой молодежи 1 группы (см. рис. 1, 2).

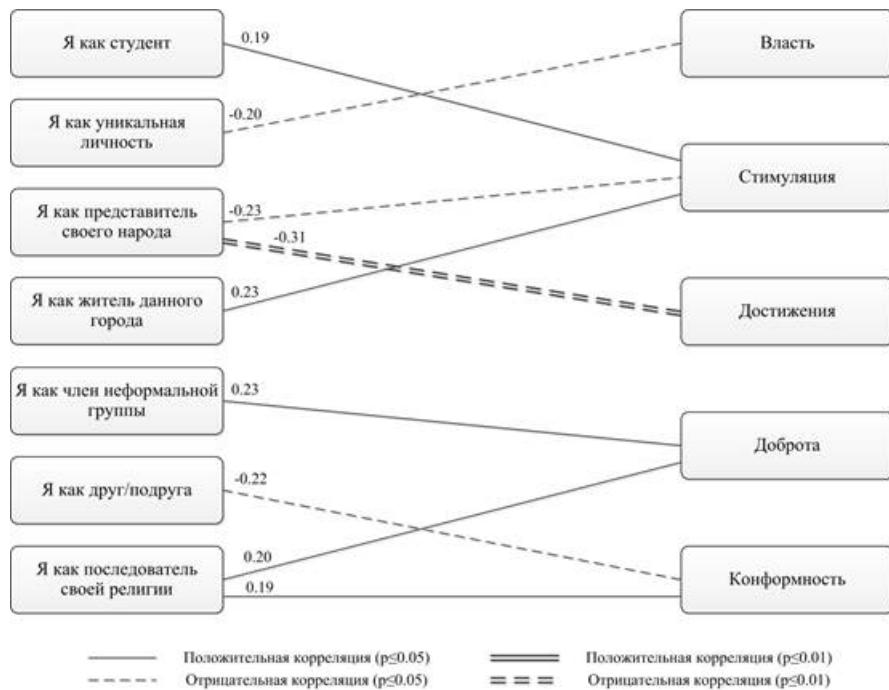

Рисунок 1 – Корреляционная плеяда идентичности и ценностей на уровне нормативных идеалов по методике «Ценностный опросник Ш. Шварца» у студенческой молодежи 1 группы

Согласно данным на рисунке 1 видно, что присутствует взаимосвязь между ценностью «Конформность» ($p \leq 0,05$) и идентичностью «Я как последователь своей религии». Возможно, это обусловлено тем, что сознание у представителей русской культуры на протяжении столетий было глубоко проникнуто религиозными убеждениями, которые сыграли огромную роль в формировании общественных норм и ценностей [13; 14].

Преобладает корреляция между ценностью «Доброта» ($p \leq 0,05$) и компонентами идентичности «Я как член неформальной группы», «Я как последователь своей религии». Религия играет значительную роль в формировании ценностей и мировоззрения отдельного индивида, а также определяет его отношение к окружающему миру и другим людям. Доброта является неразрывно связанным атрибутом русской культуры и религии, придает людям возможность проявлять сострадание, заботу и отзывчивость. Мы предполагаем, что русские, придерживающиеся своей религии, стремятся следовать богоугодным поступкам и приверженным началам, основанным на многовековом опыте и наставлениях своих вероисповеданий [13]. Что же касается взаимосвязи ценности «Доброта» с идентичностью «Я как член неформальной группы», то доброта считается важным человеческим качеством, проявление которого является признаком уважения и поддержки других людей. Неформальные группы включают в себя различные социальные сети, сообщества, друзей и коллективы, которые формируются на основе общих интересов, ценностей и жизненных целей. Благодаря доброте, представитель неформальной группы, например, может мобилизовать людей, создавать атмосферу взаимопонимания и помогать в решении общих задач.

Ценность «Стимуляция» ($p \leq 0,05$) коррелирует с идентичностями «Я как студент», «Я как житель данного города». Известно, что студенческий возраст сопровождается конкуренцией и борьбой, соответственно успешное обучение само по себе выступает важным показателем для личности и является мотивационным фактором. Чита считается городом со слабо развитой инфраструктурой, с одной стороны, это побуждает студентов к успешному обучению для переезда в более развитые города, в перспективе, либо для

того, чтобы стать эффективным специалистом в своём городе и самому способствовать развитию инфраструктуры [5].

Далее рассмотрим отрицательные корреляции. Присутствует отрицательная корреляция между ценностью «Конформность» ($p \leq 0,05$) и компонентом идентичности «Я как друг/подруга». В сознании студентов друзья или подруги не оказывают влияния на их собственное поведение. В целом, достаточно поверхностное отношение студентов к дружбе и её пониманию могло способствовать получению такого результата.

Отрицательная корреляция между ценностями «Стимуляция» ($p \leq 0,05$), «Достижения» ($p \leq 0,01$) и идентичностью «Я как представитель своего народа». Возможно, для русских студентов, стремящихся к достижениям и успеху, этническая проявленность является фактором, сдерживающим их развитие. Многие молодые люди считают, что традиции их народа уже давно устарели и распространены только среди старшего поколения [10]. Имеется отрицательная взаимосвязь между ценностью «Власть» ($p \leq 0,05$) и идентичностью «Я как уникальная личность». В современном обществе, где стремление к власти и успеху становится все более значимым, индивидуальность и самобытность теряются в массовости и конформизме. Возможно, поэтому стремление к власти и достижению возможного положения в обществе может стать препятствием для развития и выражения своей уникальности.

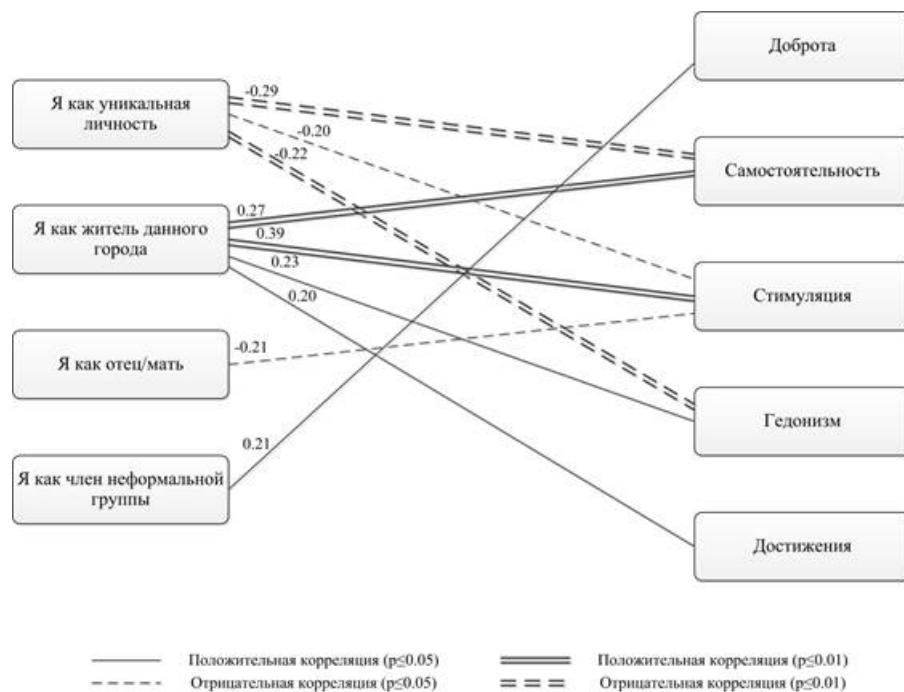

Рисунок 2 – Корреляционная плеяды идентичности и ценностей на уровне индивидуальных приоритетов по методике «Ценностный опросник Ш. Шварца» у студенческой молодежи 1 группы

Как видно из рисунка 2 присутствует большее количество взаимосвязей между ценностями на индивидуальном уровне по Шварцу и идентичностью студентов 1 группы. Значимая корреляция присутствует между ценностью «Доброта» ($p \leq 0,05$) и идентичностью «Я как член неформальной группы». Данная корреляционная связь была выявлена у студенческой молодежи и на уровне нормативных идеалов. Исходя из этого, мы можем предположить, что ценность доброта проявляется уже на поведенческом уровне и зависит от группового давления, когда на нормативном уровне она присутствует, но возможно не была проявлена в поведении личности.

Преобладает взаимосвязь между идентичностью «Я как житель данного города» и ценностями «Самостоятельность» ($p \leq 0,01$), «Стимуляция» ($p \leq 0,01$), «Гедонизм» ($p \leq 0,05$), «Достижения» ($p \leq 0,05$). Такие результаты могут быть обусловлены особенностями Читы как города, которому необходима модернизация и развитие. Конечно, здесь требуются новые специалисты, которые смогут внести новые проекты и предложения, что в последующем может быть связано для них как с достижениями, так и с получением удовольствия в виде материальных и психологических ресурсов [5].

Идентичность «Я как уникальная личность» отрицательно коррелирует с ценностями «Самостоятельность» ($p \leq 0,01$), «Стимуляция» ($p \leq 0,05$), «Гедонизм» ($p \leq 0,05$). И так, студенческой молодежи важно привлекать внимание и оставаться неповторимыми. Они не боятся быть отличными и претерпевать неудобства, они стремятся к саморазвитию и всегда готовы принять вызов новых возможностей.

Преобладает отрицательная взаимосвязь между ценностью «Стимуляция» ($p \leq 0,05$) и идентичностью «Я как отец/мать (будущий отец/мать)». Возможно, полученный результат может быть связан с высокими ожиданиями или, наоборот, с недостатком внимания и заботы от своих родителей, что в дальнейшем повлияло на ценность стимуляция.

Далее рассмотрим результаты взаимосвязи идентичности и ценностей на нормативном и индивидуальном уровнях у студенческой молодежи 2 группы (см. рис. 3, 4).

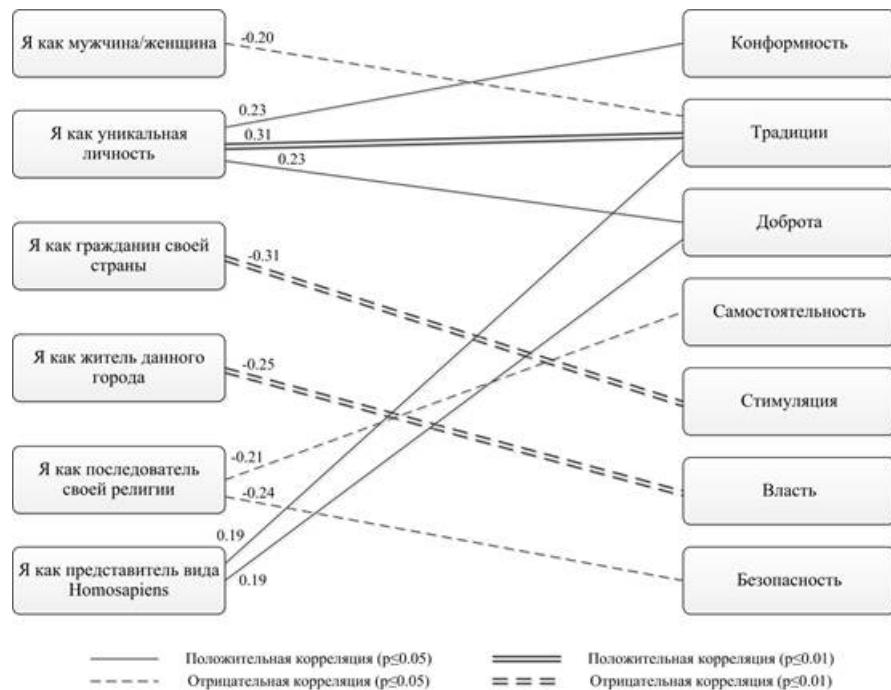

Рисунок 3 – Корреляционная плеяда идентичности и ценностей на уровне нормативных идеалов по методике «Ценностный опросник Ш. Шварца» у студенческой молодежи 2 группы

По полученным результатам рисунка 3 видно, что присутствует значимая взаимосвязь между идентичностью «Я как уникальная личность» и ценностями «Конформность» ($p \leq 0,05$), «Традиции» ($p \leq 0,01$), «Доброта» ($p \leq 0,05$). Преобладает взаимосвязь между идентичностью «Представитель вида Homosapiens» и ценностями «Традиции» ($p \leq 0,05$), «Доброта» ($p \leq 0,05$). Мы предполагаем, что здесь прослеживаются особенности восприятия бурятского народа – уникальная личность ассоциируется с родом, семьей, которая будет оказывать влияние на поведение, традиции, которые непременно нужно читать и доброта, которую следует проявлять [26; 11].

Ценность «Традиции» ($p \leq 0,05$) отрицательно коррелирует с идентичностью «Я как мужчина/женщина». Присутствует отрицательная корреляция между ценностью «Стимуляция» ($p \leq 0,01$) и идентичностью «Я как гражданин своей страны». Студенческая молодежь ощущают себя гражданином своей страны, но у них присутствуют переживания за свое будущее, они не склонны к новизне. Возможно, это связано с тем, что основная выборка студентов первый курс, которые приехали из других городов. Смена места жительства повлияло на них, так как на новом месте только появляются друзья, родственники находятся далеко, произошли изменения бытовых условий.

Ценность «Власть» ($p \leq 0,01$) отрицательно коррелирует с идентичностью «Я как житель данного города». Мы предполагаем, что в основном студенты приезжие из других городов, поэтому не идентифицируют себя жителями данного города. Они только знакомятся с предметами гордости, узнают то, чем гордятся горожане, приобщаются к общей истории города, посещают массовые городские мероприятия, изучают символику, лексику и т. д. Ценность власть проявлена с точки зрения с занимаемого статуса, то есть им важно сохранить свой общественный имидж, получить общественное признание.

Преобладает отрицательная взаимосвязь между компонентом идентичности «Я как последователь своей религии» и ценостями «Безопасность» ($p \leq 0,05$), «Самостоятельность» ($p \leq 0,05$). Буряты, как представители Сибири имеют свои уникальные традиции и верования, которые тесно связаны с их идентичностью. Возможно, в современном обществе с усилением межкультурных контактов и глобализацией, многие буряты сталкиваются с вызовами сохранения своей национальной и религиозной идентичности. В связи с этим, они могут сталкиваться с конфликтом между своими традиционными ценностями и современными представлениями о безопасности и самостоятельности. Но, с другой стороны, буряты традиционно ценят свободу и независимость. Их культура пропитана идеей самостоятельности и самоопределения. Они стремятся сохранить свою автономность, сохраняя свою идентичность и традиции, и уважая свою веру [1].

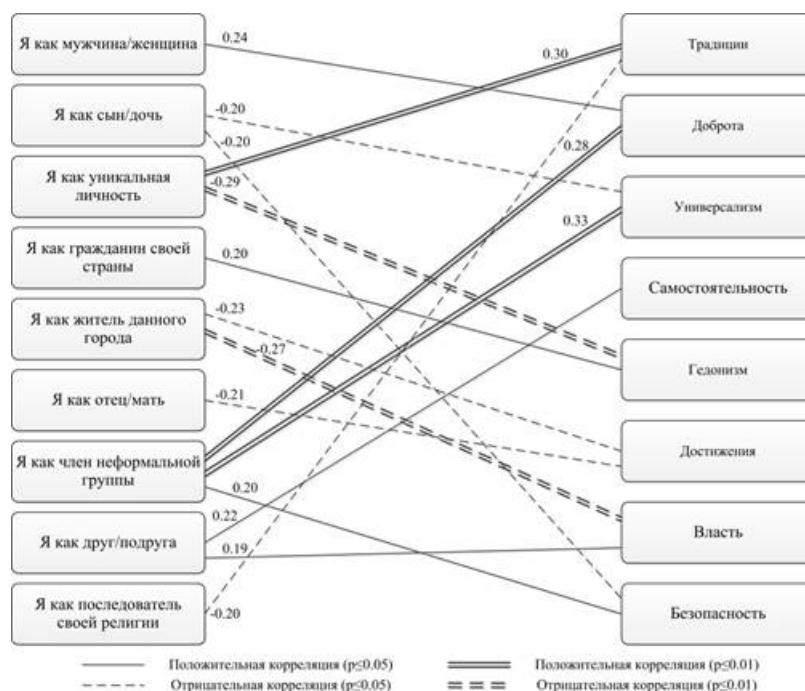

Рисунок 4 – Корреляционная плеяда идентичности и ценностей на уровне индивидуальных приоритетов по методике «Ценностный опросник Ш. Шварца» у

студенческой молодежи 2 группы

Анализ полученных данных показал, что преобладает взаимосвязь между ценностью «Доброта» ($p \leq 0,05$) и идентичностями «Я как мужчина/женщина», «Я как член неформальной группы». Ценность «Традиции» ($p \leq 0,01$) коррелирует с идентичностью «Я как уникальная личность». Мы считаем, что это связано с особенностями бурятского народа, так как они уважают и хранят свои традиции и обычаи, передавая их из поколения в поколение. Эта ценность выражается в сохранении уникального наследия, которое является неотъемлемой частью их культурной идентичности.

Ценность «Гедонизм» ($p \leq 0,05$) коррелирует с идентичностью «Я как гражданин своей страны». Присутствует взаимосвязь между идентичностью «Я как член неформальной группы» и ценностями «Универсализм» ($p \leq 0,01$), «Безопасность» ($p \leq 0,05$). Идентичность «Я как друг/подруга» коррелирует с ценностями «Самостоятельность» ($p \leq 0,05$), «Власть» ($p \leq 0,05$). Как видно из полученной корреляции для студенческой молодежи бурятской культуры ценность самостоятельность для них важна. Возможно, они способны уже самостоятельно принимать решения, достигать свои поставленные цели и решать возникающие проблемы. Когда друг или подруга проявляет самостоятельность, то это может способствовать укреплению их идентичности. Они могут видеть такого человека как надежного, независимого партнера, способного решать проблемы и справляться с трудностями без посторонней помощи.

Имеются отрицательные взаимосвязи между идентичностью «Я как сын/дочь» и ценностями «Универсализм» ($p \leq 0,05$), «Безопасность» ($p \leq 0,05$). Возможно, это связано с тем, что молодые люди только отделились от своих родителей, и не ощущают ту безопасность, которая у них присутствовала раньше. Ценность «Гедонизм» ($p \leq 0,01$) отрицательно коррелирует с идентичностью «Я как уникальная личность». Преобладает отрицательная взаимосвязь между идентичностью «Я как житель данного города» и ценностями «Достижения» ($p \leq 0,05$), «Власть» ($p \leq 0,01$). У данной выборки на нормативном уровне также была выявлена отрицательная взаимосвязь между идентичностью «Я как житель данного города» и ценностью «Власть». На индивидуальном уровне у студенческой молодежи присутствует это в их сознании и как мы обозначали выше, они только начали знакомиться с особенностями города, в котором проживают на данный момент.

Присутствует отрицательная корреляция между ценностью «Достижения» ($p \leq 0,05$) и компонентом идентичности «я как отец/мать (будущий отец/мать)». Ценность «Традиции» ($p \leq 0,05$), отрицательно коррелирует с идентичностью «Я как последователь своей религии». Возможно, это связано со сменой приоритетов в жизни молодежи. Так как, в современном мире общество ставит перед ними новые задачи и цели, которые связаны с карьерой и материальной успешностью, нежели с развитием духовно-нравственных ценностей. И соответственно в борьбе за этими целями некоторые молодые люди меньше отдают внимание формированию религиозной идентичности.

Таким образом, корреляционный анализ показал, что существует взаимосвязь между компонентами идентичности и ценностными ориентациями.

Полученные в нашем исследовании результаты, с одной стороны, подтверждают, что идентичность и ценностные ориентации коррелируют между собой, с другой стороны, позволяют конкретизировать их специфику в современных условиях. Идентичность и ценностные ориентации представителей русской и бурятской студенческой молодежи имеют схожие компоненты характера народа, то есть психологических особенностей и

черт поведения, а также самосознание народа (представления о типичных чертах своей общности). Наряду с этим выявлены некоторые отличия в компонентах идентичности и ценностных ориентаций.

Интересны отличия во взаимосвязях ценности «Стимуляция» на уровне нормативных идеалов по методике «Ценностный опросник Ш. Шварца» между русской и бурятской выборками. У бурятских респондентов данная ценность значимо отрицательно связана только с идентичностью «Я как гражданин своей страны», а в русской выборке ценность стимуляция значимо положительно связана с идентичностями «Я как студент», «Я как житель данного города», также значимо отрицательна с идентичностью «Я как представитель своего народа». Полученные различия, по нашему мнению, можно объяснить сменой жительства студентов бурятской культуры, так как, большинство из них не являются жителями города Читы. Об этом говорят и отрицательные взаимосвязи идентичности «Я как житель данного города» с ценостями «Власть» и «Достижения». Студенческая молодежь только знакомится с историей города, с его традициями, обычаями и так далее.

Установлено также, что ценность «Традиции» на уровне нормативных идеалов по методике «Ценностный опросник Ш. Шварца» в бурятской выборке имеет значимые взаимосвязи между идентичностями «Я как уникальная личность», «Я как представитель вида *Homosapiens*», равно как значимо отрицательно данная ценность связана с идентичностью «Я как мужчина/женщина». В русской выборке значимые положительные и отрицательные корреляционные связи по этой ценности отсутствуют. То есть у русских респондентов ценность «Традиции» не фигурирует в их иерархической системе ценностей. В своих работах И.Е. Гончар, В.В. Стебляк пишут о том, что действительно в настоящее время культурно-исторические традиции потеряли свою значимость и не отвечают интересам современной молодежи [10]. Также возможно, эти различия обусловлены этнокультурными факторами. Согласно исследованиям Т.Д. Мухиной особенностью самосознания бурят России является этничность: сохранение родоплеменных ориентаций и выраженной родоцентрической идентификации [24].

Выявлены инварианты идентичности и ценностных ориентаций на уровне индивидуальных приоритетов у студенческой молодежи русской и бурятской культур. Значимые корреляции присутствуют между ценностью доброта и идентичностью «Я как член неформальной группы». Возможно, это говорит о том, что молодежь, вступая в определенные группы, чувствуют поддержку от сверстников, возможность рассчитывать на их помощь, а также поделиться своими переживаниями и успехами. Имеются инварианты отрицательных взаимосвязей между ценностью гедонизм и идентичностью «Я как уникальная личность».

Внутри каждой культуры присутствуют инварианты идентичности и ценностных ориентаций на уровнях нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов. Например, у русской культуры преобладает взаимосвязь между идентичностью «Я как житель данного города» и ценностью «Стимуляция» на обоих уровнях, между идентичностью «Я как член неформальной группы» и ценностью «Доброта». У бурятской культуры выражены следующие корреляционные связи между идентичностью «Я как уникальная личность» и ценностью «Традиции», идентичностью «Я как житель данного города» и ценностью «Власть».

Таким образом, возможно полученные результаты свидетельствуют о том, что, во-первых, данная выборка в основном находится в возрастном диапазоне 17–18 лет. Во-вторых, большинство студенческой молодежи не являются жителями данного города, а

приезжающими с других регионов. В-третьих, большую роль играет отлучение от родительского дома. В-четвертых, информационная среда, которая несет большую часть негативной информации.

Заключение

Результаты проведенного исследования подтверждают, что идентичность – это иерархическая и динамическая система, в которой происходит осознание личности принадлежности себя к определенной группе или культуре, а также понимание «кто Я?» и «какой Я?». Согласно теоретическому анализу ценностные ориентации представляют собой установки и убеждения, которые определяют наши жизненные решения, помогают определить наше место в мире и цель в жизни. Они играют ключевую роль в формировании нашей личности, а также идентичности. В свою очередь ценностные ориентации могут различаться у разных людей и культур.

Эмпирические результаты исследования показали, что существует взаимосвязь между компонентами идентичности и ценностными ориентациями. Выявлены различия между двумя выборками по компонентам идентичности «Я как студент», «Я как житель данного города», «Я как последователь своей религии» и ценностной ориентацией «Стимуляция». Это свидетельствуют о том, что студенческая молодежь русской культуры на данный момент идентифицируют себя со статусом студента, они чувствуют сопричастность к своей религии, с которой себя отождествляют. Представители бурятской культуры идентифицируют себя с уникальной личностью, представителем вида Homosapiens. Респонденты ценят значимость своего рода, свои традиционные ценности, религиозные верования, национальную культуру.

По результатам корреляционного анализа в выборках русских и бурят выявлены этнокультурные отличия в связях компонентов идентичности «Я как последователь своей религии» и ценности «Традиции». Для молодых людей русской культуры ценность «Традиции» не носит актуальный характер на данный момент, хотя они идентифицируют себя религиозным человеком. В свою очередь у студенческой молодежи бурятской культуры ценность «Традиции» по положительным корреляционным связям выступает на уровень выше, чем у русской выборки.

Мы предполагаем, что обнаруженные корреляции указывают на то, что современная студенческая молодежь обеих культур руководствуются такими ценностями, как конформность, доброта, стимуляция, самостоятельность, гедонизм, достижения. Так как именно эти ценности фигурировали чаще всего в положительных корреляционных связях. В тоже время необходимо обратить свое внимание на полученные отрицательные корреляционные связи компонентов идентичности «Я как гражданин своей страны», «Я как последователь своей религии», «Я как житель данного города». Возможно, на данные результаты могли повлиять несколько факторов. Это отлучение от родительского дома, возрастной диапазон респондентов, смена места жительства, социум.

Библиография

1. Антонов В. И., Очирова О. А., Петрова А. А. Особенности национальной идентичности российских этносов: уровни и факторы (на примере современных бурят) // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 2 (34). С. 116–121.
2. Баева Л. В. Ценности как экзистенциальный выбор [Электронный ресурс] // Ценности и смыслы. 2011. № 6 (15).
3. Белянская Т. Э. Социально-психологические характеристики студенческого возраста. Ученые записки. // Электронный научный журнал Курского государственного

- университета. 2020. № 3 (55). С. 220–227.
4. Березутский Ю. В., Стасюк Е. В. Особенности формирования и содержания самоидентификации молодежи: теоретический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2012. № 4. С. 106–113.
5. Бреславский А.С. Итоги советской урбанизации Читинской области: структура, численность и функциональное значение городских поселений // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 5. С.157-167. DOI: 10.7256/2454-0609.2020.5.34014 URL: https://e-notabene.ru/hsmag/article_34014.html
6. Бубнова С. С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. 1999. № 5. Т. 20. С. 38–44.
7. Величко Г. А. Система ценностей современной молодёжи и особенности её патриотического сознания. Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления. // Материалы международной научно-практической конференции. Витебск: 2021. С. 166–169.
8. Гарбузова Г. В. Процесс формирования профессиональной идентичности студентов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2017. № 185. С. 340.
9. Гизатова Г. К., Иванова О. Г. Трансформация идентичности российского общества в условиях глобализации [Электронный ресурс] // ВЭПС. 2009. № 2.
10. Гончар И. Е., Стебляк В. В. Исследование ценностной картины мира современной российской молодежи / Молодёжь третьего тысячелетия // Сборник научных статей XLVII региональной студенческой научно-практической конференции. В 2-х частях. Омск. 2023. С. 608–611.
11. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра: монография / Л. М. Дробижева [и др.]. М. : 2013. 485 с.
12. Дьяков Д. Г. Опыт разработки модели самоидентификации в русле культурно-исторического подхода // Молодежь в науке. Приложение к журналу «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». 2012. Ч. 2. С. 71–75.
13. Егорычев А. М., Мардахаев Л. В. Духовные ценности в русском мире: условия выживания и развития в XXI веке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. № 6 (814). С. 61–71.
14. Елисеев А. Л., Костина Н. Б. Влияние русской православной церкви на общественное сознание через систему государственного образования в XX-XXI веках / Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее // Сборник статей XI Международной научно-практической конференции. 2017. С. 231–233.
15. Ерина И. А., Абдуллаева Н. И. Ценностные ориентации в аспекте гендерной идентичности студенческой молодёжи // Вестник Российской нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2021. № 4. С. 22–31. DOI: 10.25586/RNU.V925X.21.04.P.022
16. Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе: монография. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 335 с.
17. Злоказов К. В. Вопросы развития идентичности в работах последователей Эрикsona [Электронный ресурс] // Педагогическое образование в России. 2015. № 9.
18. Иванова Н. Л., Булгаков И. А. Социальная и профессиональная идентичность личности в психологических исследованиях: проблема соотношения // Мир психологии. 2023. № 3 (114). С. 216–230.
19. Иванова Н. Л., Мортон Т. Проблема социальной идентичности в исследовании организаций: основные подходы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 3. С. 89–102.

20. Карадашев В. Н. Концепция ценностей культуры Ш. Шварца // Вопросы психологии. 2009. № 1. С. 81–96.
21. Кон И. С. Открытие «Я». М. : Политиздат, 1978. 367 с.
22. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2009. 367 с.
23. Мазур Е. Ю. Проблема соотношения понятий «Идентичность», «Идентификация» и их психологическое содержание [Электронный ресурс] // МНКО. 2012. №2.
24. Мухина В. П., Дугарова Т. Ц. Ментальные особенности современных бурят России [Электронный ресурс] // Развитие личности. 2010. №2.
25. Мухлынкина Ю. В. Социально-философский анализ структуры этнической идентичности // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2014. №8. С. 87-92.
26. На пути к профессиональному совершенству: становление профессиональной идентичности психолога / А. П. Сухоносов [и др.] // Hominum. 2022. № 4. С. 125-144.
27. Нугаева О. Г., Криводонова Ю. Е. Психологическая сущность и соотнесение понятий «Ценности» и «Ценностные ориентации» [Электронный ресурс] // Специальное образование. 2012. №2.
28. Оломский А. А. Зарубежные подходы к изучению идентичности личности в психологии / Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях // Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2017. С. 156-161.
29. Петрова Е. И. Понятие и основные характеристики этнической и национальной идентичности в условиях интенсивных межкультурных коммуникаций / Межкультурный диалог и вызовы современности: другость и инаковость в своём и родном // Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции. под общ. ред. В. П. Степанова, С. М. Губаненковой. 2019. С. 105-111.
30. Разорина Д. Н. Проблема структуры и динамики идентичности в современной зарубежной социальной психологии [Электронный ресурс] // СибСкрипт. 2015. №3-3 (63).
31. Самойличенко Е. Е., Бунина А. В., Левчук Е. Ю. Материальные и духовные ценности российской молодежи в условиях общественной нестабильности / Управление территориями и хозяйствующими субъектами в условиях экономической нестабильности: глобальные вызовы и механизмы развития // Материалы научно-практической конференции. Департамент государственной службы и кадровой политики Вологодской области; Российская академия народного хозяйства и государства и государственной службы дарственной службы при Президенте Российской Федерации, Вологодский филиал; Ассоциация выпускников Президентской программы подготовки управляемых кадров «Авангард». 2016. С. 12-19.
32. Сапожникова Р. Б. Анализ понятия "идентичность": теоретические и методологические основания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. №1 (46). С. 13-17.
33. Семенова К. Г. Теоретические аспекты ценностных ориентаций в концепциях зарубежных и отечественных исследователей [Электронный ресурс] // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2023. №3.
34. Слободчиков В. И. Проблемы развития и воспитания личности в студенческом возрасте // Социальное воспитание. 2017. №2 (10). С. 4-9.
35. Смолина Т. Л. Этническая идентичность как социально-психологический феномен: обзор методов исследования // Психология образования в поликультурном пространстве. 2022. №2 (58). С. 35-43.
36. Стефаненко Т. Г. Компоненты этнической идентичности: когнитивный, аффективный, поведенческий // Мир психологии. 2004. № 3 (39). С. 38-43.

37. Сурина И. А. Ценностные ориентации как предмет социологического исследования. М.: Голос, 1996. 130 с.
38. Теняева О. В. Формирование гражданского общества в контексте развития гражданской идентичности молодежи // Инициатива в науке как новая стратегия развития системы знаний. Сборник научных трудов. Казань, 2019. С. 88-92.
39. Торабаева М. Х. Роль ценностных ориентаций в формировании опосредованной взаимосвязи между социальной и экзистенциальной идентичностью [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. №2.
40. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: Пер. С англ. М.: ACT, 2017. 736 с.
41. Хачатрян Л. В. Основные подходы к осмыслинию феномена идентичности: манускрипт. 2019. Т. 12. № 7. С. 123-12.
42. Хинтикка Я. Рене мыслит, следовательно, Картизий существует [Электронный ресурс] URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=988&Itemid=1 (дата обращения: 17.12.2023 г.).
43. Ценностные ориентации как основа становления аксиологического профиля гражданской идентичности педагога / А. К. Крупченко [и др.] // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11. № 3 (44).
44. Шпунтова В. В. Двойственность ценностей [Электронный ресурс] // Вестник СамГУ. 2006. №10-2.
45. Шубина О. А. Особенности общения в юношеском возрасте (на примере изучения студенческой молодежи) // Педагогика и психология. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. № 1. С. 85-89.
46. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. 2-е изд. М.: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. 352 с.
47. Яницкий М. С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. №1 (81). С. 194-206. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются идентичность и ценностные ориентации русской и бурятской студенческой молодежи.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод сравнения, метод анализа, а также следующие методики: «ценностный опросник Ш. Шварца, опросник идентичности по 16 категориям (М.С. Яницкий и др.)», а для обработки и анализа полученных данных были применены методы математической статистики.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях интенсивных социальных изменений вопросы идентичности, а также сущность и содержание ценностных ориентаций личности характеризуются серьёзными трансформационными процессами. Кроме того, идентичность и ценностные ориентации личности характеризуется социокультурными особенностями с учетом возрастных и национальных культурных различий. Необходимо принимать во внимание, что молодёжь как особая социальная группа находится под влиянием постоянных повышенных нагрузок, что создает благоприятную среду для проявления рискованного поведения, кризисных ситуаций, стресса и т.п. В этом контексте изучение особенностей

идентичности и ценностных ориентаций русской и бурятской студенческой молодежи, представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике «взаимосвязи компонентов идентичности и ценностных ориентаций студенческой молодежи в различных этнокультурных группах». В исследования приняли участие студенты двух образовательных организаций, а именно, обучающиеся в ЧГМА и ЗабГУ (город Чита). Возраст студентов составил от 17 до 26 лет, по каждой национальной группе было обследовано по 100 человек, а общая выборка составила 200 студентов.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме, использованием терминологии, характеризующей предмет исследования, а также описанием полученных результатов.

Структура статьи, к сожалению, лишь частично выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает в себя введение, организацию и методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, выводы и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность имеет выявленная тенденция, отражающая, что «преобладает корреляция между ценностью «Доброта» ($p \leq 0,05$) и компонентами идентичности «Я как член неформальной группы», «Я как последователь своей религии». Религия играет значительную роль в формировании ценностей и мировоззрения отдельного индивида, а также определяет его отношение к окружающему миру и другим людям. Доброта является неразрывно связанным атрибутом русской культуры и религии, придает людям возможность проявлять сострадание, заботу и отзывчивость».

Библиография содержит 47 источников, включающих в себя преимущественно отечественные периодические и непериодические издания, а также электронные ресурсы.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих различные подходы к рассмотрению вопросов идентичности и ценностных ориентаций личности, их особенностей применительно к молодёжи с учетом этнокультурных факторов. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «обнаруженные корреляции указывают на то, что современная студенческая молодежь обеих культур руководствуются такими ценностями, как конформность, доброта, стимуляция, самостоятельность, гедонизм, достижения, так как, именно, эти ценности фигурировали чаще всего в положительных корреляционных связях. В тоже время необходимо обратить свое внимание на полученные отрицательные корреляционные связи компонентов идентичности «Я как гражданин своей страны», «Я как последователь своей религии», «Я как житель данного города»».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководителями, администрацией образовательных организаций, специалистами по работе со студентами, психологами, социальными педагогами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что особое внимание целесообразно было бы уделить структуре научной статьи и отдельным ее элементам, в частности, представить и выделить отдельным заголовком обзор

литературы; раздел «Организация исследования и методы» целесообразно было бы озаглавить «Материалы и методы исследования», кроме представленных выводов целесообразно было бы сформулировать обобщающее заключение по проведенному исследованию. Сокращенное название образовательных организаций «ЧГМА и ЗабГУ» целесообразно было бы написать полностью, чтобы было больше ясности об особенностях и характеристиках сравниваемых групп студентов, которые приняли участие в исследовании. Возможно, в качестве рекомендации, целесообразно было бы пересмотреть название статьи и сделать его более обобщенным, отказавшись в названии от упоминания сравниваемых групп, раскрыть этот аспект и конкретизировать его в самом содержании исследования. Библиографический список для такого вида научно-исследовательской работы как статья стоило бы пересмотреть в сторону сокращения. В самом названии можно использовать, например, вместо слов «...русской и бурятской студенческой молодежи» слова «...студенческой молодежи в различных этнокультурных группах». Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устраниТЬ, доработать текст статьи, в плане его структуры, а саму рукопись рекомендуется вернуть на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья выполнена на актуальную в практическом отношении тему, поскольку искажения стереотипов осознания собственной идентичности в последнее время нередко выступают в качестве конфликтных разногласий между некоторыми этнокультурными группами. По существу, в данной статье речь идет именно о гетеро – и аутостереотипах представителей этнокультур. Ценностные ориентации в данном случае дополняют общую картину осознания собственной идентичности.

Поэтому автор правильно пишет, что исследование идентичности и ценностных ориентаций студенческой молодежи представляет собой актуальную проблему, требующую углубленного анализа. Связано это с тем, что в современном обществе ценностные ориентации и идентичность студенческой молодежи значительно отличаются от тех ценностей, которые доминировали раньше.

Отмечается, что исследование ценностных ориентаций и идентичности студенческой молодежи представляет собой важную задачу, которая позволит более глубоко изучить молодежную культуру и понять, какими ценностями руководствуется современная молодежь. С таким подходом можно только согласиться, как и с формулировкой цели исследования – «изучение взаимосвязи компонентов идентичности и ценностных ориентаций студенческой молодежи в различных этнокультурных группах». Но в формулировке цели слово «изучение» целесообразно заменить на «выявление».

При обосновании актуальности исследования автор ссылается на мнение отечественных и зарубежных исследователей, тем самым аргументируя и обосновывая необходимость разработки заявленной цели.

В статье представлен хорошо выполненный обзор литературных данных, что свидетельствует об умении автора работать с литературой, анализировать противоречивые данные и делать критические умозаключения.

В частности, показано, что в психологической науке идентичность рассматривают в следующих аспектах - «Я-образ», «Я-концепция» и др. В социальной психологии идёт иное выражение данного понятия: «социальный статус», «социальная роль»,

«социальная группа» и т.д. В работах американского психолога У. Джеймса идентичность была представлена в виде понятия «Я-концепция». При этом наибольшее внимание уделяется вопросам самосознания, целостности Я-концепции, образу Я, характеру взаимодействия с социальной средой, положению человека в обществе. Это со ссылками на литературу.

Сам же автор придерживается позиции о том, что на протяжении всей жизни идентичность может подвергаться изменениям и формированию, ей присущи непрерывность и целостность. Личности важно осознавать свою принадлежность к определенной группе или культуре, а также понимать «кто Я?» и «какой Я?». В принципе, это верно.

В качестве достоинства статьи можно считать показанное в ней обоснование избранных методов исследования, что очень важно. С помощью этих методов автор обследовал 200 человек, из которых 100 человек – представители русской культуры (первая группа); 100 человек – представители бурятской культуры (вторая группа). Полученные данные были подвергнуты корреляционному анализу и в конечном виде представлены рисунками. Всего имеется четыре рисунка, которые понятны по содержанию и легко читается.

Стиль изложения материала научно-исследовательский.

Структура работы в целом соответствует тем логическим требованиям, которым должна соответствовать научная публикация.

Содержание свидетельствует, что автор проделал большую работу и ему удалось установить, что имеются инварианты идентичности и ценностных ориентаций на уровне индивидуальных приоритетов у студенческой молодежи русской и бурятской культур. Значимые корреляции присутствуют между ценностью доброты и идентичностью «Я как член неформальной группы» и другими.

Результаты проведенного исследования подтверждают, что идентичность – это иерархическая и динамическая система, в которой происходит осознание личности принадлежности себя к определенной группе или культуре, а также понимание «кто Я?» и «какой Я?».

По результатам корреляционного анализа в выборках русских и бурят выявлены этнокультурные отличия в связях компонентов идентичности «Я как последователь своей религии» и ценности «Традиции». Для молодых людей русской культуры ценность «Традиции» не носит актуальный характер на данный момент, хотя они идентифицируют себя религиозным человеком. В свою очередь у студенческой молодежи бурятской культуры ценность «Традиции» по положительным корреляционным связям выступает на уровень выше, чем у русской выборки.

Детальный анализ результатов исследования показал, что выявленные корреляции и различия могут стать объектом работы с учетом этнокультурной идентичности, что крайне необходимо во избежание недопустимости антагонистических противоречий в этом отношении.

В тексте имеется заключение, в котором автор, по существу, представил выводы своего исследования. Выводы логично следуют из данных, полученных в ходе исследования.

Библиографический список состоит из литературных источников по теме исследования. Но их очень много и поэтому данный список можно вполне сократить за счет тех работ, которые первостепенного значения к данной проблеме не имеют.

Данная статья имеет незначительное количество замечаний, в том числе и по наличию орфографических ошибок, она актуальна и интересна по своему содержанию, в связи с чем ее можно рекомендовать к опубликованию.

Психолог*Правильная ссылка на статью:*

Юдина Н.А., Дагбаева С.Б. Психологическая готовность к исследовательской деятельности у педагогов дополнительного образования: структурно-содержательные характеристики // Психолог. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.6.72786 EDN: YFBWAB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72786

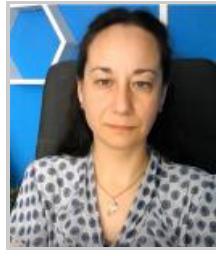
Психологическая готовность к исследовательской деятельности у педагогов дополнительного образования: структурно-содержательные характеристики

Юдина Наталья Александровна

ORCID: 0000-0002-3909-6754

аспирант; кафедра теоретической и прикладной психологии; Забайкальский государственный университет

672038, Россия, Забайкальский край, г. Чита, микрорайон Светлый, 108

una-82@mail.ru**Дагбаева Соэлма Батомункуевна**

ORCID: 0000-0003-1696-2370

доктор психологических наук

зав. кафедрой; кафедра теоретической и прикладной психологии; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Забайкальский государственный университет»

672000, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129, ауд. 508

soela@bk.ru[Статья из рубрики "Психология и педагогика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8701.2024.6.72786

EDN:

YFBWAB

Дата направления статьи в редакцию:

20-12-2024

Дата публикации:

29-12-2024

Аннотация: Профессиональный стандарт "Педагог дополнительного образования детей

"и взрослых" обозначает одной из трудовых функций педагога дополнительного образования проведение исследований рынка труда услуг дополнительного образования. Опираясь на данный факт, в статье представлен краткий теоретический анализ исследовательской деятельности, а также понятие психологической готовности. На основе проведенного исследования сформулирована модель психологической готовности педагога дополнительного образования, состоящая из нескольких структурных компонентов: мотивационного, когнитивного, творческого и операционального. Целью исследования является описание структурных компонентов модели готовности педагога дополнительного образования к исследовательской деятельности. Объектом исследования является психологическая готовность педагога дополнительного образования к исследовательской деятельности. Предметом исследования выступают структурные компоненты модели психологической готовности педагога дополнительного образования к исследовательской деятельности. Методология исследования определяется субъектно-деятельностным подходом, а также принципами детерминизма, развития и единства сознания и деятельности. Исследование проводится с помощью анализа и систематизации литературы по теме, а также с использованием метода моделирования психологических явлений. Новизной в представленной модели является выделение творческого компонента в исследовательской деятельности педагога дополнительного образования. В результате исследования выявлены структурные компоненты модели психологической готовности педагога дополнительного образования к исследовательской деятельности. При проведении исследования было установлено, что в научной литературе исследовательская деятельность в дополнительном образовании рассматривается либо с точки зрения деятельности обучающегося, либо как наставничество или тьюторство. Спроектированная модель психологической готовности к исследовательской деятельности педагога дополнительного образования наиболее полно учитывает все стороны данного явления. Психологическая готовность педагогов дополнительного образования к исследовательской деятельности нами понимается как психологическое состояние предрасположенности, настрой на выполнение исследовательской деятельности, включающий в себя мотивацию, знания о её содержании, владение базовыми умениями исследовательской деятельности.

Ключевые слова:

психологическая готовность, исследовательская деятельность, дополнительное образование, исследовательская культура, характеристики, модель психологической готовности, психологическое состояние, структурные компоненты, профессиональная компетентность, мотивация

Введение

Одной из важнейших проблем современного общества является постоянная трансформация системы образования, и как следствие видоизменяется деятельность педагога. Формирование профессиональных компетенций, профессионального развития педагога невозможно без непрерывного саморазвития и самосовершенствования профессиональной компетентности. Педагог дополнительного образования, как активный участник педагогического процесса, является центральной фигурой в любых преобразованиях в области образования и общества. Эти преобразования требуют от него переосмыслиния своей деятельности в соответствии с новыми педагогическими

ценностями, среди которых важным аспектом являются навыки научно-исследовательской деятельности. От педагога дополнительного образования сегодня требуется активно включаться в современные социальные процессы и реализовывать свой творческий и профессиональный потенциал. Одним из векторов развития компетенций и компетентностей является психологическая готовность к исследовательской деятельности педагога дополнительного образования. Согласно профессиональному стандарту «Педагог дополнительного образования детей и взрослых», утвержденному приказом Министерства труда и социальной защиты РФ № 652 н от 22 сентября 2021 года, одной из трудовых функций педагога дополнительного образования является «Организация и проведение исследований рынка услуг дополнительного образования детей и взрослых», которая требует наличия соответствующих исследовательских знаний и умений. В процессе работы с педагогами дополнительного образования, а именно по результатам профессиональных конкурсов, были выявлены некоторые затруднения в их исследовательской деятельности.

Обзор литературы

Проблема формирования психологической готовности к исследовательской деятельности у педагогов дополнительного образования исследована недостаточно ввиду того, что чаще всего основным объектом изучения является исследовательская деятельность обучающихся, а не самого педагога. Между тем сам характер деятельности педагога дополнительного образования, связанный с творчеством, нуждается в потенциалах обогащения и такие потенциалы содержатся в исследовательской деятельности, которую он может выполнять.

В научной литературе накоплен большой объем научных работ по проблеме формирования исследовательской культуры. Шихова О.М., проводя анализ антропологической сущности исследовательской культуры характеризует «биологические свойства на уровне личности: направленность исследовательских действий на внешний мир, ориентировано-поисковый характер поведения, побуждение к раскрытию «тай» окружающего мира, познанию и выявлению его различных свойств. Неотъемлемыми составляющими процесса исследования являются субъект как носитель индивидуального сознания и познавательного опыта, предмет познания, способы раскрытия его характеристики» [25].

Исследовательская культура с точки зрения социологии «есть процесс, определяющий развитие исследовательского сознания и познавательного опыта личности в учебной, научной и профессиональной деятельности» [7]. В контексте педагогики исследовательская культура подразумевает навык критического мышления, анализа и интерпретации информации, проведения исследований, принятия обоснованных решений и постоянного совершенствования своих профессиональных умений и знаний [7]. Маркова В.И. дает следующее определение исследовательской культуры: «это интегративная, динамическая личностная характеристика, включающая педагогические ценности, исследовательские способы решения творческих профессиональных задач, творческую активность и меру самореализации в инновационной педагогической деятельности» [11].

В научной литературе (Маркова В.И., Гамидов Л.Ш., Магомедалиева М.Р., Кучмезов Р.А., Ушакова Н.Н.) выделяются разнообразные структурные компоненты исследовательской культуры. Исследовательская культура выступает связующим звеном между процессом обучения и научной деятельностью, облегчая согласование подходов, инструментов и

целей воспитания и обучения [12].

В иностранных публикациях исследовательскую деятельность предлагают рассматривать как особую форму интеллектуально-творческой активности, возникающую в результате работы механизмов поисковой активности и опирающуюся на исследовательское поведение. Крейг А. Мертлер в своей статье [29] говорит о том, что в современной образовательной организации востребован преподаватель, обладающий исследовательской компетентностью. С точки зрения автора, исследовательская компетентность учителя – это коллективное качество, включающее в себя готовность и умение организовывать научные исследования для более эффективного педагогического процесса, а также способность организовывать учебно-исследовательскую деятельность школьников.

При анализе научной литературе нами были выделены несколько ракурсов рассмотрения исследовательской деятельности. К первой группе мы отнесли научные статьи, посвященные описанию исследовательской деятельности обучающихся в системе дополнительного образования [2, 10, 15]. Другая группа научных статей рассматривает педагога дополнительного образования как наставника, тьютора в исследовательской деятельности, но не самого исследователя [9, 18, 19, 23]. Таким образом, можно сделать вывод, что специфика исследовательской деятельности именно педагогов дополнительного образования изучена недостаточно.

Анализ научной литературы показал наличие **противоречий**:

между требованиями профессионального стандарта «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» к выполнению исследовательской деятельности в различных направлениях и отсутствием психологической готовности педагога дополнительного образования к выполнению исследовательской деятельности, недостаточностью подготовки к ней, недостаточностью необходимых компетенций;

между необходимостью научного понимания психологической готовности к исследовательской деятельности и отсутствием единства в трактовке данного понятия, а также недостатком знаний о формировании психологической готовности к исследовательской деятельности у педагогов дополнительного образования;

между необходимостью формирования психологической готовности к исследовательской деятельности у педагогов дополнительного образования и отсутствием конкретных программ, направленных на решение этой проблемы.

Выявленные противоречия помогли определить проблему исследования, которая может быть сформулирована следующим образом: какие структурные и содержательные характеристики определяют готовность педагога дополнительного образования к исследовательской деятельности?

Целью исследования является описание структурных компонентов модели готовности педагога дополнительного образования к исследовательской деятельности. Объектом исследования является психологическая готовность педагога дополнительного образования к исследовательской деятельности. Предметом исследования является структурные компоненты модели психологической готовности педагога дополнительного образования к исследовательской деятельности.

Материалы и методы исследования

Методология исследования определяется субъектно-деятельностным подходом, а также принципами детерминизма, развития и единства сознания и деятельности. Исследование проводится с помощью анализа и систематизации литературы по теме, а также с использованием метода моделирования психологических явлений. Основная идея исследования заключается в том, что психологическая готовность педагогов дополнительного образования к исследовательской деятельности представляется в виде модели, имеющей несколько структурных компонентов: мотивационный, когнитивный, творческий и операциональный.

В качестве аргументов выдвинутому тезису видится следующее обоснование проблематики. Формирование профессиональной компетентности педагога на основе исследовательской деятельности происходит тогда, когда он включается в исследование. На данном этапе деятельности проявляется мотивационный компонент модели, когда педагог дополнительного образования рефлексивно оценивает свою профессиональную деятельность, ставит цели и задачи. Далее включается когнитивный компонент модели, при котором педагог находит приемлемые методы исследования. Творческий и операциональный компоненты модели психологической готовности к исследовательской деятельности проявляются при конструировании необходимого инструментария. Таким образом, профессиональная деятельность педагога дополнительного образования служит ориентиром для его исследовательской работы, а результаты исследований, в свою очередь, влияют на его педагогическую практику, внедряя инновации в образовательный процесс. Это создает замкнутый цикл, в котором исследования и практика взаимно обогащают друг друга.

Результаты исследования и их обсуждение

Практика показывает, что очень часто исследовательская деятельность педагога реализуется репродуктивными методами, которые не позволяют эффективно сформировать профессиональные компетенции. Педагог как объект образовательного процесса должен в своей деятельности проводить корректировку инструментария в зависимости от своих исследовательских целей. Отсутствие или недостаточная информированность, ориентация только на использование готового инструмента приводит к снижению качества исследовательской деятельности и не способствует формированию профессиональных компетентностей у субъектов образовательного процесса. Это актуализирует деятельность/работу по подготовке самого субъекта образовательного процесса к использованию инструментария изучения практики и профессионального самообразования.

В научной литературе понятие психологической готовности рассматривается достаточно широко. Нами были встречены такие определения психологической готовности как условия выполнения деятельности [5], многослойные образования [13], комплекс личностных характеристик и профессиональных умений [17] и другие. В некоторых исследованиях выделяют два подхода к пониманию психологической готовности: функциональный и личностный [6]. Функциональный подход трактует готовность как специфическое психическое состояние, которое обеспечивает высокий уровень достижений при его формировании. В отличие от него, личностный подход рассматривает психологическую готовность как комплексное образование личности, в которое входят мотивация, когнитивные способности, эмоционально-волевые качества, а также набор умений, навыков и личностных качеств, соответствующих требованиям и условиям деятельности.

На основании вышеизложенного и при анализе структурно-содержательных характеристик, было выведено следующее определение. Психологическая готовность педагогов дополнительного образования к исследовательской деятельности нами понимается как психологическое состояние предрасположенности, настрой на выполнение исследовательской деятельности, включающий в себя мотивацию, знания о её содержании, владение базовыми умениями исследовательской деятельности. Соответственно, в ходе проведения исследования и анализа научной литературы, нами выделены следующие структурные компоненты модели психологической готовности педагога дополнительного образования к исследовательской деятельности:

1. Мотивационный, включающий в себя осознание (побуждение) для конкретного человека в осуществлении исследовательской деятельности.
2. Когнитивный, включающий в себя определенный объем знаний и понятий, необходимых для понимания исследовательских методов и подходов.
3. Практическая компетентность, которая позволяет педагогу применять свои умения и навыки для проведения исследований и достижения конкретных целей.
4. Творческий потенциал, который необходим для инновационного применения исследовательских результатов и подходов в практической деятельности педагога дополнительного образования.

Для определения уровня сформированности психологической готовности к исследовательской деятельности педагога дополнительного образования необходимо проводить диагностические измерения, используя соответствующие инструменты измерения. Это может быть анкета, тест, диагностика и др. На данном этапе нами выделены показатели, описывающие структурные компоненты представленной модели психологической готовности к исследовательской деятельности у педагога дополнительного образования. Мотивационный компонент нами представляется в виде осознания особого смысла данного вида деятельности, ее ценности для педагога дополнительного образования. Данный компонент занимает первостепенное место в представленной модели, так как определяет и задает вектор развития. Когнитивный компонент представляется нам как сумма накопленных знаний и понятий, имеющихся у исследователя. Соответственно, чем выше уровень данного компонента у исследователя, тем более вариативны используемые методы и приемы в процессе исследования. Практический компонент состоит из тех навыков и умений, которыми оперирует исследователь для достижения поставленных целей. Выделяемый нами творческий компонент модели психологической готовности к исследовательской деятельности у педагога дополнительного образования содержит необходимый потенциал для выражения креативности в сфере дополнительного образования.

Таким образом, педагог дополнительного образования, обладая высоким уровнем профессионализма, ведет исследовательскую деятельность, решая такие задачи, как анализ образовательных и воспитательных ситуаций для выявления проблем; планирование своей работы с обучающимися; оценка эффективности и полезности выбранных технологий и методов для решения конкретных педагогических задач; сбор информации о своих учениках, их родителях и образовательной среде; поиск способов активизации познавательной и самостоятельной деятельности обучающихся; и самое важное – разработка и внедрение новшеств в свою практику. В процессе своей исследовательской деятельности педагог решает исследовательские задачи, формулирует цели и способы их достижения, подбирает определенные методы выполнения исследовательских действий, оценивает полученные результаты.

На основе результатов исследования можно предложить следующие практические

рекомендации:

1. Разработка программ повышения квалификации. Программы должны быть направлены на развитие всех компонентов психологической готовности: мотивационного, когнитивного, творческого и операционального. Необходимо использование интерактивных методов, таких как мастер-классы, тренинги, проектная работа, чтобы педагоги могли применять полученные знания на практике. Например, внедрение курсов по исследовательским методам, анализу данных и инновационным подходам в образовании.
2. Диагностика уровня готовности. Существует потребность в разработке анкет, тестов и диагностических методик для оценки уровня готовности педагогов к исследовательской деятельности. При этом важно проведение диагностики на регулярной основе, чтобы отслеживать прогресс и корректировать программы обучения и использование опросников для оценки мотивации педагогов и их знаний в области исследовательских методов.
3. Создание условий для исследовательской деятельности. Обеспечение педагогов доступом к научной литературе, базам данных и исследовательским инструментам. Создание методических объединений, где педагоги могут делиться опытом и получать консультации от более опытных коллег. Организация семинаров с участием научных сотрудников и экспертов в области образования.
4. Мотивация педагогов. Внедрение системы поощрений для педагогов, активно занимающихся исследовательской деятельностью (например, премии, грамоты, возможность участия в конференциях). Осознание важности исследовательской деятельности. Проведение разъяснительной работы о значимости исследовательской деятельности для профессионального роста и улучшения качества образования. Организация конкурсов на лучший исследовательский проект среди педагогов.
5. Интеграция исследовательской деятельности в образовательный процесс. Поощрение педагогов к внедрению результатов исследований в свою практику, например, через разработку новых методик обучения. Установление связей с вузами и научными институтами для совместных исследований и обмена опытом. Создание проектов, в которых педагоги и учащиеся совместно проводят исследования, например, в области экологии или краеведения.
6. Развитие творческого потенциала. Внедрение методов, стимулирующих творческое мышление, таких как мозговой штурм, ТРИЗ (теория решения изобретательских задач) и др. Создание условий для реализации инновационных идей педагогов, например, через гранты или конкурсы. Организация фестивалей педагогических идей, где педагоги могут представить свои инновационные разработки.
7. Мониторинг и оценка эффективности. Регулярный сбор обратной связи от педагогов о том, насколько программы и условия способствуют их готовности к исследовательской деятельности. На основе полученных данных вносить изменения в программы повышения квалификации и методы поддержки педагогов. Проведение ежегодных опросов среди педагогов для оценки их удовлетворённости программами и выявления новых потребностей.

Таким образом, для повышения психологической готовности педагогов дополнительного образования к исследовательской деятельности необходимо комплексное воздействие на все структурные компоненты готовности: мотивацию, знания, практические навыки и

творческий потенциал. Реализация предложенных рекомендаций позволит не только повысить уровень готовности педагогов, но и улучшить качество образовательного процесса в целом.

Так, например, в Забайкальском крае учебно-исследовательская деятельность в системе дополнительного образования организуется и проводится на базе разнообразных образовательных организаций. Для расширения возможностей исследовательской деятельности данные организации активно сотрудничают с научными организациями и институтами: например, особо охраняемые природные территории – заповедники Даурский и Сохондинский, национальный парк Алханай и т.д., Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт природных ресурсов, экологии и криологии Сибирского отделения Российской академии наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Забайкальский государственный университет» и др. Это позволяет обучающимся получать консультации от опытных специалистов, участвовать в научных конференциях и публиковать свои работы. Одним из организаторов таких мероприятий является Государственное учреждение дополнительного образования «Забайкальский детско-юношеский центр», который значится региональным оператором разнообразных всероссийских мероприятий, в том числе Всероссийский конкурс юных исследователей окружающей среды им. Б.В. Всесвятского (с международным участием), Всероссийский юниорский лесной конкурс «Подрост» («За сохранение природы и бережное отношение к лесным богатствам»), Российский открытый молодежный водный конкурс (международный) и др.

Тематика исследований в Забайкалье охватывает широкий спектр естественнонаучных направлений. Среди них: экология и охрана окружающей среды; биология и экология живых организмов; метеорология и климатология; гидрология и гидрогеология, лесоведение и лесоводство. При проведении исследований обучающимися используются различные методы и подходы. Это могут быть полевые наблюдения, лабораторные эксперименты, математическое моделирование и анализ данных. Результаты своих исследований обучающиеся представляют на различных краевых заочных конкурсах, научно-практических конференциях, слетах и т.д.

Таким образом, все вышеизложенное позволило выявить многомерность понятия психологической готовности, выделить структурно-содержательные характеристики модели психологической готовности к исследовательской деятельности педагога дополнительного образования, включающей в себя мотивационный, когнитивный, творческий и операциональный компоненты. В качестве рекомендаций предлагается прохождение диагностики уровня психологической готовности к исследовательской деятельности педагогами дополнительного образования. При обнаружении профессиональных дефицитов возможно повышение квалификации по специально разработанной программе по формированию психологической готовности к исследовательской деятельности педагогов дополнительного образования в Государственном учреждении дополнительного профессионального образования «Институт развития образования Забайкальского края».

Заключение

Понятие психологической готовности является междисциплинарным. Его рассматривают в военной, спортивной, педагогической, экономической психологии и других отраслях психологического знания. Психологическая готовность обычно изучается в контексте психических состояний и рассматривается как ключевой фактор, который влияет на то,

как человек может реализовать свои потенциальные возможности в конкретной ситуации или условиях. Другими словами, психологическая готовность является посредником между внутренними ресурсами человека и его способностью эффективно действовать в конкретном контексте. Психологическую готовность к исследовательской деятельности необходимо рассматривать в контексте мотивационного, когнитивного, творческого и операционального компонентов состояния личности.

Исследовательская деятельность в дополнительном образовании представлена в таких направленностях как социально-гуманитарная, естественнонаучная, туристско-краеведческая, техническая. Отдельные исследования встречаются в художественной направленности дополнительного образования. Однако в большинстве проанализированных материалов идет описание результатов исследовательской деятельности обучающихся. Педагог дополнительного образования выступает в роли руководителя исследования, не включаясь в сам исследовательский процесс. К задачам дополнительного образования относится формирование интереса к познавательной, творческой, экспериментально-исследовательской деятельности, совершенствование исследовательских умений обучающихся, развитие их творческих способностей и личностных качеств. Поэтому очень важно определить уровень психологической готовности педагога дополнительного образования к исследовательской деятельности и повысить его.

Таким образом, проведенное исследование обозначило ряд проблем в формулировании понятия психологической готовности у педагогов дополнительного образования к исследовательской деятельности. Для их решения необходимо более подробно описать содержание структурных компонентов модели исследовательской деятельности педагога дополнительного образования, выделить индикаторы и показатели.

Библиография

1. Алипханова Ф.Н., Квитковская А.А., Пивнева С.В. Формирование исследовательской компетентности у будущих учителей [Электронный ресурс] // МНКО. 2024. №1 (104).
2. Блинкова И.С. Учебно-исследовательская и проектная деятельность как средство совершенствования профессиональной компетентности педагога дополнительного образования // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2018. №9. С. 146-150.
3. Гамидов Л.Ш., Магомедалиева М.Р., Кучмезов Р.А. Сущность и структура понятия «исследовательская культура студента вуза» [Электронный ресурс] // МНКО. 2020. №6 (85).
4. Декина Е.В. Формирование мотивации к инновационной деятельности у педагогов дополнительного образования // Концепт. 2022. №4. С. 35-48.
5. Жанкина Ю.В. Анализ содержания и структуры компонентов психологической готовности сотрудников внеучебной охраны к решению профессиональных задач [Электронный ресурс] // МНИЖ. 2023. №4(130).
6. Захарова Е.А., Сорокина Т.М., Юдина Е.А. Исследовательские действия в структуре психологической готовности к профессии будущего врача // Вестник Мининского университета. 2019. Т.7, №3. С. 9.
7. Лебедева Н. А., Гришаева Ю. М. Исследовательская культура как базис для подготовки специалистов-новаторов в сфере электроэнергетики // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Том 7. Выпуск 9. С. 959-965.
8. Лебедева Н.Г. Результаты изучения уровня сформированности исследовательской компетентности у будущих педагогов дополнительного образования при работе с одаренными детьми [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №78-3.

9. Леонова М.В., Макшакова Е.А., Фирсова Т.В. Исследовательская деятельность в работе педагога дополнительного образования // Образовательная среда сегодня: теория и практика: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 13 октября 2021 года. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2021. С. 35-37.
10. Литовченко Л.П., Калкинова Г.Т. Влияние исследовательской деятельности педагога дополнительного образования на качество художественного творчества детей // Международный журнал экспериментального образования. 2014. №5. С.159-161.
11. Маркова В.И. Формирование исследовательской культуры учителя в системе повышения квалификации: автореферат дис. канд. пед. наук 13.00 08. Киров, 2007. 24 с.
12. Николайчук Д.Г., Федяй Д.С., Шрамкова О.В. Специфика формирования исследовательской культуры современного педагога [Электронный ресурс] // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 5 (50).
13. Поленякин И.В. Психологическая готовность студентов педагогических вузов к наставнической деятельности [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2024. №84-1.
14. Пухаева И.У. Проблемы развития исследовательской деятельности будущих учителей общеобразовательной школы [Электронный ресурс] // МНКО. 2020. №2 (81).
15. Решетова Е.Е. Психологическая готовность педагогов дополнительного образования к культурологической работе с подростками: диссертация кандидата психологических наук: 19.00.07. Нижний Новгород, 2014. 178 с.
16. Сайдзода М.С., Дехконова С.К. Формирование готовности педагогов к инновационной деятельности в дополнительных образовательных учреждениях [Электронный ресурс] // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2021. №3 (68).
17. Стукаленко Н.М., Лепешев Д.В., Просандеева И.А. Формирование психологической готовности студентов к педагогической деятельности в инклюзивном образовании [Электронный ресурс] // Наука и реальность. 2022. №4(12).
18. Субочева М.Л., Раҳматуллина О.Р. Подготовка педагогов дополнительного образования к организации проектной деятельности в условиях дистанционного обучения [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №75-1.
19. Тивикова С.К., Бондарева И.И., Колесова О.В. Становление исследовательской позиции педагога в условиях дополнительного профессионального образования [Электронный ресурс] // Нижегородское образование. 2020. №1.
20. Фирсова Е.А. Формирование исследовательской культуры у старшеклассников в условиях научного общества учащихся: автореферат дис. канд. пед. наук 13.00.01. Саратов, 2018. 23 с.
21. Формирование исследовательской культуры студентов вузов: Сборник научных публикаций научно-педагогических сотрудников вузов / Под ред. В.М. Лопухова. Барнаул: Типография АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 2019. С.23
22. Халиуллина Л.Р. Развитие исследовательского мышления будущих учителей (бакалавров) как условие эффективности реализации ими трудовых действий [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №74-4.
23. Хачанянц С.Б. Психологические исследования профессии педагога дополнительного образования [Электронный ресурс] // Ярославский педагогический вестник. 2021. №4 (121).
24. Шапова Т.Н. Формирование исследовательской культуры будущего педагога-музыканта в процессе профессиональной подготовки в вузе: автореферат дис. канд.

- пед. наук 13.00 08. Томск, 2010. 24 с.
25. Шихова О.Н. Исследовательская культура современной студенческой молодежи: социологический анализ: автореферат дис. канд. социол. наук 22.00.06. Екатеринбург, 2014. 24 с.
26. Bell, A.R. Is there a 'magic link' between research activity, professional teaching qualifications and student satisfaction? / A.R. Bell, C. Brooks // Higher Education Policy, 2019. 32 (2). pp. 227-248. ISSN 1740-3863 doi: <https://doi.org/10.1057/s41307-018-0081-0> Available at <https://centaur.reading.ac.uk/74997/>
27. Cordova, R. The Effects of Professional Development on Collective Teacher Efficacy / R. Cordova // Retrieved from Sophia, 2021. the St. Catherine University repository website: <https://sophia.stkate.edu/maed/399>
28. McKinney, P. Inquiry-based learning in Higher Education / P. McKinney // In: Aston, S. and Walsh, A., (eds.) Library Pedagogies: Personal reflections from library practitioners. Innovative Libraries Press, Huddersfield, 2021. pp. 301-325.
29. Mertler, C.A. Action Research as Teacher Inquiry: A Viable Strategy for Resolving Problems of Practice / C.A. Mertler // Practical Assessment, Research, and Evaluation: 2021. Vol. 26, Article 19. DOI: <https://doi.org/10.7275/22014442> Available at: <https://scholarworks.umass.edu/pare/vol26/iss1/19>
30. Stebick, D. Teacher Inquiry: A Catalyst for Professional Development / D. Stebick, J. Hart, L. Glick, J. Kindervatter, J. Nagel, C. Patrick // An Online Journal for Teacher Research: 2022. Vol. 24: Iss. 1. <https://doi.org/10.4148/2470-6353.1350>
31. Wilson, C.E., The Effects of Inquiry-Based Learning and Student Achievement in the Science Classroom / C.E. Wilson // Student Research Submissions. 2020. https://scholar.umw.edu/student_research/370

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является психологическая готовность к исследовательской деятельности у педагогов дополнительного образования в контексте структурно-содержательных характеристик.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье в рамках субъектно-деятельностного подхода были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод систематизации и метод моделирования.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях социальных трансформаций система образования претерпевает серьезные изменения. Эти постоянные изменения в сфере образования детерминируют новые требования к профессиональным качествам педагогов, в том числе и к исследовательской деятельности педагогических работников. С этой точки зрения изучение психологической готовности к исследовательской деятельности у педагогов дополнительного образования в контексте структурно-содержательных характеристик представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике психологической готовности к исследовательской деятельности у педагогов дополнительного образования, а также «описании структурных компонентов модели готовности педагога дополнительного образования к исследовательской деятельности». Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной

терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования.

Структуру статьи, в целом можно считать выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, материалы и методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет авторское определение психологической готовности педагогов дополнительного образования к исследовательской деятельности, которая «понимается как психологическое состояние предрасположенности, настрой на выполнение исследовательской деятельности, включающий в себя мотивацию, знания о её содержании, владение базовыми умениями исследовательской деятельности».

Библиография содержит 31 источник, включающий в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания, в том числе и электронные ресурсы.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие различные аспекты психологическая готовность к исследовательской деятельности педагогов, а также некоторые особенности этого состояния применительно к педагогическим работникам дополнительного образования. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «психологическая готовность обычно изучается в контексте психических состояний и рассматривается как ключевой фактор, который влияет на то, как человек может реализовать свои потенциальные возможности в конкретной ситуации или условиях. Другими словами, психологическая готовность является посредником между внутренними ресурсами человека и его способностью эффективно действовать в конкретном контексте. Психологическую готовность к исследовательской деятельности необходимо рассматривать в контексте мотивационного, когнитивного, творческого и операционального компонентов состояния личности».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и педагогами организаций дополнительного образования, психологами, социологами, методистами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что целесообразно было бы сформулировать отдельно общие выводы по результатам проведенного исследования, а не ограничиваться кратким заключением, а также включить в рукопись практические рекомендации по особенностям организации исследовательской деятельности педагогов дополнительного образования. При оформлении библиографии необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить библиографические источники в соответствии с этими требованиями, особое внимание при этом уделить источникам, которые являются электронными ресурсами. Кроме того, в статье встречаются незначительные опечатки и технические ошибки, в том числе в названии статьи «...структурно-содержательные...» и по тексту рукописи, но в используемом контексте указанное слово должно быть написано через дефис, то есть «структурно-содержательные». Также был обнаружен пропуск предлога, а именно, «... недостаточностью подготовки ней, ...». Необходимо обратить внимание на то, что объем представленной рукописи не позволяет полно и всесторонне раскрыть заявленную тему исследования. Указанные недостатки не снижают научную значимость самого

исследования, однако их необходимо оперативно устраниć, доработать текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Психологическая готовность к исследовательской деятельности у педагогов дополнительного образования: структурно-содержательные характеристики». Работа содержит: постановку проблемы, проведение теоретического анализа, описание материалов и методов исследования, а также полученных результатов с обсуждением.

Предмет исследования. Работа нацелена на осуществление описания структурных компонентов модели готовности педагога дополнительного образования к исследовательской деятельности. В качестве объекта исследования выступает психологическая готовность педагога дополнительного образования к исследовательской деятельности, а предмета - структурные компоненты модели психологической готовности педагога дополнительного образования к исследовательской деятельности.

Методология исследования. Методология исследования определена субъектно-деятельностным подходом, принципами детерминизма, развития и единства сознания и деятельности. Исследование было проведено с помощью анализа и систематизации научной литературы по выдвинутой теме, а также с использованием метода моделирования психологических явлений. В качестве основной идеи исследования выступает то, что психологическая готовность педагогов дополнительного образования к исследовательской деятельности представляется в виде модели, имеющей несколько структурных компонентов (мотивационный, когнитивный, творческий и операциональный).

Актуальность исследования. Проведенный анализ научной литературы показал наличие противоречий:

между требованиями профессионального стандарта «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» к выполнению исследовательской деятельности в различных направлениях и отсутствием психологической готовности педагога дополнительного образования к выполнению исследовательской деятельности, недостаточностью подготовки к ней, недостаточностью необходимых компетенций;

между необходимостью научного понимания психологической готовности к исследовательской деятельности и отсутствием единства в трактовке данного понятия, а также недостатком знаний о формировании психологической готовности к исследовательской деятельности у педагогов дополнительного образования;

между необходимостью формирования психологической готовности к исследовательской деятельности у педагогов дополнительного образования и отсутствием конкретных программ, направленных на решение этой проблемы.

Выявленные противоречия позволили автору определить актуальность и определить проблему исследования: какие структурные и содержательные характеристики определяют готовность педагога дополнительного образования к исследовательской деятельности.

Научная новизна исследования. Проведенное исследование позволило выявить многомерность понятия психологической готовности, выделить структурно-содержательные характеристики модели психологической готовности к

исследовательской деятельности педагога дополнительного образования. Предложены рекомендации на основании полученных результатов.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для того, чтобы раскрыть предмет исследования.

Во введении определена проблема исследования. В представленном теоретическом обзоре представлены основные подходы к выделенной теме. Особое внимание было удалено описанию организации и методологии исследования, а также обсуждению полученных результатов. Особое внимание было посвящено описанию содержания основных компонентов.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 31 отечественный и зарубежный источник, значительная часть которых издана за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы. Помимо этого, представлены также авторефераты диссертаций. Источники оформлены, в основном, некорректно. Например, если отмечается [Электронный ресурс], то должна быть представлена также ссылка.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

1) Более подробно описать полученные результаты, представив их в таблицах и рисунках.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами самосовершенствования профессиональной компетентности. Затронутая тема была рассмотрена в контексте изучения профессионального развития и саморазвития педагогов дополнительного образования. Причем, особое внимание было удалено структурно-содержательным характеристикам психологической готовности к исследовательской деятельности. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психолог*Правильная ссылка на статью:*

Макарчук А.И., Мильчарек Т.П., Халитова К.Р., Френкель М.В., Цветкова О.А. Исследование когнитивной модели патриотического отношения в ценностно-смысло́вой сфере личности у студентов высших учебных заведений // Психолог. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.6.72809 EDN: ICZDHF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72809

Исследование когнитивной модели патриотического отношения в ценностно-смысло́вой сфере личности у студентов высших учебных заведений

Макарчук Анастасия Игоревна

ассистент; кафедра «Психология труда и организационная психология»; ФГАОУ ВО «Омский государственный технический университет»
аспирант; кафедра «Психология труда и организационная психология»; ФГАОУ ВО «Омский государственный технический университет»

644050, Россия, Омская область, г. Омск, пр-т Мира, 30А, оф. 207

✉ makarchukanastasi@yandex.ru

Мильчарек Тадэуш Петрович

ORCID: 0000-0002-3894-8118

кандидат философских наук

зав. кафедрой; кафедра «Психология труда и организационная психология»; ФГАОУ ВО «Омский государственный технический университет»
доцент; кафедра «Психология труда и организационная психология»; ФГАОУ ВО «Омский государственный технический университет»

644050, Россия, Омская область, г. Омск, пр-т Мира, 30А, оф. 207

✉ milcharek@mail.ru

Халитова Карина Рахимовна

аспирант; кафедра «Психология труда и организационная психология»; ФГАОУ ВО «Омский государственный технический университет»
педагог-психолог ; отдел молодежной политики; ФГАОУ ВО «Омский государственный технический университет»

644050, Россия, Омская область, г. Омск, пр-т Мира, 30А, оф. 207

✉ halitova.karina@mail.ru

Френкель Мария Владимировна

старший преподаватель; кафедра «Психология труда и организационная психология»; ФГАОУ ВО «Омский государственный технический университет»
аспирант; кафедра «История, философия и социальные коммуникации»; ФГАОУ ВО «Омский государственный технический университет»

644050, Россия, Омская область, г. Омск, пр-т Мира, 30А, оф. 207

✉ frenkel_m@mail.ru

Цветкова Ольга Алексеевна

ORCID: 0000-0001-5985-3006

старший преподаватель; кафедра Психология труда и организационная психология; Омский государственный технический университет

644050, Россия, Омская область, г. Омск, пр-т Мира, 30А, оф. 207

✉ zvetol@mail.ru

[Статья из рубрики "Колонка главного редактора"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.6.72809

EDN:

ICZDHF

Дата направления статьи в редакцию:

22-12-2024

Аннотация: Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме патриотического воспитания молодежи. В статье предпринят новый подход к исследованию патриотического отношения, переосмысливаются понятия «патриотизм» и «патриотическое отношение». В качестве основных составляющих патриотического отношения рассматривались любовь к Родине, верность, готовность служить ей, признание ее ценности для личности. При этом патриотизм понимается нами не как что-то инородное по отношению к личности и в ходе патриотического воспитания извне ей насаждаемое. Во всех проявлениях патриотизм признавался как личностно-детерминированный феномен: любое его проявление возникает дабы удовлетворить собственные потребности личности. Патриотическое отношение, включающее установки, ценности, убеждения, будучи сформированным и включенным в систему отношений личности, находит отражение в деятельности и поведении. Поэтому важным является исследовать патриотическое отношение как внутрисистемное образование. Предметом исследования выступили когнитивные модели патриотизма и патриотического отношения в ценностно-смысловой сфере личности студентов. Предпринята попытка реконструкции субъективных моделей патриотического отношения в ценностно-смысловой сфере личности. Применение репертуарных личностных методик позволило заключить, что патриотическое отношение как компонент ценностно-смысловой сферы личности является уникальным и имеет свою системную организацию, одним из важнейших компонентов которой является ценностно-смысловая составляющая, поскольку именно она направляет поведение и деятельность личности, служит инструментом принятия решений. В системах личностных конструктов студенты связывают патриотизм с имеющей негативную коннотацию ригидностью. Противоположный полюс патриотизма – миграционные установки – в семантическом пространстве связываются с потребностями в свободной самореализации и безопасности. В целом же смысловые модели патриотического отношения в семантическом пространстве имеют высокую вариативность, и одинаковая словесная означенность связанных с ним конструктов имеет совершенно разное содержательное наполнение. Так серьезность в одном конструкте несет смысл негативных эмоциональных проявлений, тогда как в другом употребляется для обозначения вызывающего доверие. Слабая проявленность патриотического отношения в личностных системах конструктов говорит о важности продолжения работы по патриотическому воспитанию молодежи. Одним из эффективных

принципов этой работы может служить субъектно-деятельностный принцип.

Ключевые слова:

патриотизм, патриотическое отношение, патриотическое воспитание, ценностно-смысловая сфера личности, миграционные установки, когнитивная модель, репертуарные личностные методики, конструкт, система конструктов, ценностные ориентации

Актуальность. В настоящее время патриотическое воспитание молодежи является одним из основных направлений внутренней политики нашего государства. За последнее десятилетие создано множество нормативно-правовых документов, задающих государственным органам и институтам вектор работы в этой области, а именно Федеральные законы «О молодежной политике в Российской Федерации», «Об образовании в Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и др.

В соответствии со стратегией развития воспитания до 2025 года «приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины». То есть формирование патриотического отношения: чувства гордости за свою страну, уважения к истории, государственным символам и памятникам Отечества и т. д является приоритетной задачей РФ.

Патриотизм - многоаспектное понятие и может определяться, как чувство любви и преданности к Родине, как отношение, как социальный долг, как психологическая готовность к служению Родине, как нравственный общественный и политический принцип, как моральная позиция [\[1-6\]](#).

Среди психологов наибольший вклад в осмысление этой проблемы внесли В.А. Кольцова, В.А. Соснин, С.И. Кудинов, И.Б. Кудинова, С.А. Гаврилушкин, С.В. Мещерякова, А.В. Потемкин, Т.В. Беспалов, Г.В. Здерева, В.В. Дулина, А.Н. Вырщикова.

Интерес представляет также позиция Н. М. Карамзина, утверждавшего, что патриотизм интенционален у каждого человека, а не навязывается государством или правящей элитой. Напротив, на каждом ментальном уровне – физическом, моральном, политическом – происходит самостоятельная генерация субъектом патриотизма символов Родины [\[7\]](#).

Помимо символической системы, которая является неотъемлемым атрибутом онтологической консолидации социума, есть и особенные методы и механизмы, на основании которых мы производим разделение феномена патриотизма на уровни. Онтологической основой политического уровня патриотизма является государство. Именно оно создает антропологическую модель гражданина, необходимую для собственного существования [\[8-12\]](#).

В психологии возраст, приходящийся на студенческий период, принято считать

переходным, объединяющим юношество и раннюю зрелость [\[13-14\]](#). Здесь у человека складывается «Я - концепция», происходит становление идентичности. Он овладевает набором социальных ролей взрослого, как правило, происходит самоопределение в профессии [\[15-16\]](#).

В позднем юношеском возрасте формируется система ценностей и этических принципов, выступающих ориентирами поведения. Это способствует развитию нравственных чувств (симпатия или антипатия, уважение или презрение, благодарность или неблагодарность), которые лежат в основе патриотизма, гуманности, долга, чести и совести. Одним словом, формируется мировоззрение, система ценностей, важной составляющей которой, является гражданская позиция.

В психологии категория ценностей может рассматриваться как, осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни; руководящие принципы жизни определяющие, как нужно себя вести, желательное состояние или образ жизни; стандарты, которые руководят выбором или оценкой поступков, людей, событий, воплощение общественных идеалов и выступающих как эталон должного [\[17-19\]](#).

М. Рокич определял в терминальных ценностях личностные и социальные, а в инструментальных моральные и ценностные. Соответственно, патриотическое отношение входит в группу терминальных ценностей: патриотизм как идея, убеждение о том, что мне важно. Одновременно с этим относится и к инструментальным, которые связаны с образом действий и достижением цели: патриотизм как убеждение, которое направляет деятельность и помогает принять решение. Таким образом, патриотическое отношение охватывает оба рода ценностных ориентаций.

Рассматривая сквозь призму ценностей феномен патриотизма Б. Ерасов, выделяя такие ценности как моральные, витальные, политические, эстетические, социальные, отнес патриотизм к социальным ценностям.

Согласно Д.А. Леонтьеву, личностные ценности являются одновременно и источниками, и носителями значимых для человека смыслов [\[20\]](#). В психологии нет единой точки зрения, каково соотношение понятий ценность и смысл. Отмечается, что эти структуры являются взаимообусловленными личностными динамическими образованиями. В данном исследовании нас интересует, представлен ли конструкт патриотизма у опрошенных и какое место он занимает в ценностно-смысловой сфере личности студентов высших учебных заведений.

Цели и методы исследования

Цель исследования: исследование когнитивной модели патриотического отношения в ценностно-смысловой сфере личности у студентов высших учебных заведений

Объект исследования: ценностно-смысловая сфера личности

Предмет исследования: когнитивной модели патриотического отношения в ценностно-смысловой сфере личности у студентов высших учебных заведений

Научная новизна

В исследовании предпринимается попытка воссоздания индивидуальных когнитивных моделей патриотизма как составляющего системы конструктов личности, ценностно-смысловой сферы личности.

Методология и методы исследования

Исследование патриотического отношения студентов высших учебных заведений предполагает применение комплексного методологического подхода, учитывающего многомерность и динамичность феномена патриотизма.

Теоретико-методологическую основу данного исследования составили концепции ценностно-смысловой сферы личности Б. С. Братуся, М. Рокича, Б. Ерасова, Д.А. Леонтьева, а также подход Н. М. Карамзина к феномену патриотического отношения. Важно было рассмотреть психологические аспекты патриотизма под призмой особенностей студенческого возраста (Э. Эриксон, И.С. Кон).

Идентифицируя себя с определенной общностью, человек получает удовлетворение потребностей в принадлежности, принятии, тождественности (А. Маслоу и Э. Фромм). Так происходит формирование патриотического отношения. Компоненты патриотического отношения (В. В. Столин, Э. Фромм): любовь; уважение; близость; забота; ответственность; знание [\[21-22\]](#).

Патриотические установки, смыслы и ценности, которые находят отражение в социальных потребностях, являются базовым компонентом патриотизма. Поэтому целесообразно исследовать патриотизм как ценностно-смысловое отношение.

Многие исследователи обращают внимание на деятельностный компонент патриотизма, выражаящийся в поступках и действиях. Они связывают патриотизм со служением, способностью и готовностью пожертвовать своими интересами в пользу интересов Родины. Патриотизм не только выражает социальные чувства любви к Родине и высшие убеждения, но и указывает на готовность человека действовать (М. Рокич).

Согласно представлениям теории Дж. Келли, конструкт выступает для человека не всегда в полной мере как отличительный признак, с помощью которого этот человек оценивает значимые объекты реальности (объективной или субъективной) и принимает решения [\[23\]](#). Таким образом, система конструктов определяет поведение личности. В этом смысле Дж. Келли уподобляет конструкт отношению и установке. Система конструктов представляется важной сферой исследования, когда задачей ученого является предсказание поведения личности в сложном феноменологическом поле. Выступая инструментом принятия решений, система конструктов предопределяет, направляет поведение личности, и в связи с этим реконструкция когнитивной модели личности, на основе которой происходит принятие решений, является более точным способом предсказания ее поведения, нежели реконструкция отдельно взятой установки или изолированно определяемого отношения. Тем не менее, следует оговориться, что даже полная достоверная модель системы личностных конструктов не обеспечит исследователя стопроцентно точным предсказательным материалом. Представляя собой динамическое образование, система конструктов постоянно находится в движении: человек открывает для себя новые знания и способы взаимодействия с миром, пересматривает конструкты, утратившие свою референтность. Однако, даже с учетом указанных ограничений, данный подход является перспективным для решения целого ряда задач, связанных с эффективным предсказанием поведения человека не в искусственно созданных, лабораторных условиях, а в реальной жизни.

В то же самое время, широко распространенные опросы часто побуждают человека смоделировать некоторую искусственную для него ситуацию, и, мысля в рамках воссозданной модели, дать некоторый ответ относительно способа мысли или действия в

этой искусственной ситуации. Подавляющее большинство опрашиваемых с успехом справляется с этой задачей, однако продуцируемые респондентами ответы мало говорят исследователю о том, как поведет себя человек в реальной жизни. Дж. Келли связывает это явление с нерелевантностью предлагаемых личности конструктов и (или) несформированностью у него собственных конструктов для принятия решения в предлагаемой ситуации. Формируемый в процессе исследования конструкт остается для личности ненужным, бесполезным, и не встраивается ею в систему, поскольку личность не находит применения этому конструктору в собственной жизни. Однако при частом повторении опросов, особенно на сходные темы, сформированный когда-то конструкт вполне может направлять поведение личности в сходной ситуации опроса. И тогда вполне вероятно, что человек будет давать сходные ответы на сходные вопросы, однако за пределы ситуации опроса конструкт не будет вынесен, и при внешне кажущихся высоких надежности и валидности результатов исследования не давать представлений о реальной картине.

В связи с этим, для определения эффективности реализуемых программ, в качестве промежуточного или контрольного среза, а также для более точного, «прицельного» формирования этих программ, представляется важным выяснить, нашло ли место патриотическое отношение в системе конструктов учащихся, в системе жизненных ценностей, и если да, то каково место патриотического отношения в когнитивных моделях учащихся, в какие конструкты оно включается, с какими личностными конструктами связано, каково индивидуальное смысловое наполнение ценности патриотического отношения для личности. Также важным представляется изучение особенностей ценностно-смысловой сферы студентов, отвергающих для себя патриотические ценности.

Методы и методики: Чтобы выяснить, представлено ли патриотическое отношение в базовой системе конструктов личности использовалась методика ролевых репертуарных решеток Дж. Келли. Исходя из представления о том, что функционирующий в обществе патриотизм является одной из значимых социальных ценностей (Б. Ерасов), стоит ожидать, что данный конструкт, будучи сформированным, найдет свое проявление в системе конструктов, релевантных для личности в отношении базовых социальных ролей.

Для выявления системы конструктов испытуемого применялся метод триад. Для прояснения, уточнения содержательного наполнения конструктов после заполнения бланков с респондентами проводилась беседа.

Чтобы выяснить, включается ли патриотическое отношение студентами в систему основных жизненных ценностей мы модифицировали методику Дж. Келли следующим образом:

Попросив представить студентов, вся их жизнь в целом удалась, мы предложили им перечислить 10 вещей (любых, хоть материальных, хоть идеальных, любых), которые должны для этого у респондента быть. После этого респондентам предлагалось посмотреть на список и определить, есть ли какие-то условия, при которых та или иная вещь будет нужна. Тем самым мы получали возможность фиксировать связи между ценностными конструктами, непосредственно отмечаемые респондентами. Затем, для раскрытия смыслового наполнения ценностного конструкта, мы попросили в отношении каждой ценности написать: - что будет, если это будет; и - что будет, если этого не будет. Таким образом были получены биполярные ценностные конструкты, связи между которыми определялись, помимо опоры на непосредственные указания респондентов, сходством содержательного наполнения жизненных ценностей.

Выборку исследования составили 68 студентов разных вузов города Омска.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ ролевых репертуарных решеток студентов показал, что патриотическое отношение как конструкт оказался релевантен лишь для 2 студентов, что составило всего 2,9% выборки. То есть менее, чем у 3% студентов патриотизм, патриотическое отношение представляет собой интенциональную структуру, используется в повседневной жизни как инструмент принятия решений, направляется поведение.

У первого студента патриотизм вошел в конструкт Патриот - Мечтательный. В целом система конструктов этого студента выглядит так:

1. «Мечтательный – Патриот»
2. «Милый – Серьезный»
3. «Понимающий – Взрывной»
4. «Спокойный – Конфликтующий»
5. «Не верный – Верный»
6. «Рассудительный – Рациональный»*
7. «Теплый – Сплетник»
8. «Смотрит на других – Амбициозный»
9. «Благоверный – Гулящий»

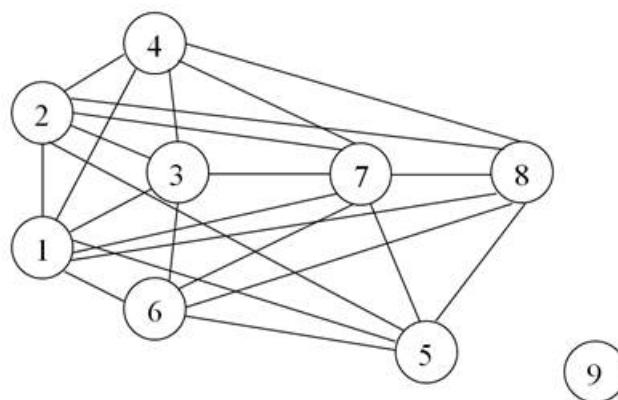

Рисунок 1 – Система конструктов студента 1

На Рис. 1 мы видим, что в системе конструктов этого студента помимо конструкта 9 (Благоверный – Гулящий), все остальные более или менее тесно связаны между собой, и образуют группу. Изучаемый нами конструкт 1 – «Мечтательный – Патриот» оказался наиболее близко связанным с конструктом 2 – «Милый – Серьезный». При этом полюс «Патриот» соотносится с «Серьезный», тогда как «Мечтательный» связывается с «Милый».

Помимо этого, конструкт «Мечтательный – Патриот» достаточно близок к конструктам «Понимающий – Взрывной», «Спокойный – Конфликтующий», «Рассудительный – Рациональный». Полюсу «Патриот» соответственно ближе «Взрывной»,

«Конфликтующий», «Рациональный».

Следующим по удаленности от интересующего нас конструкта оказались конструкты «Теплый – Сплетник» и «Не верный – Верный», где «Патриот» ближе к полюсам «Верный» и «Сплетник» соответственно; а за ним по дистанции следует связь с конструктом «Смотрит на других – Амбициозный», где к патриотизму более близок полюс амбициозности.

Таким образом получается, что смысловое наполнение образа «Патриот» для данного студента включает такие характеристики как импульсивность, прагматичность, консервативность, склонность следовать своим взглядам и убеждениям, даже если они вступают в противоречие со взглядами и убеждениями других людей, делают «Патриота» «неудобным», приводят к конфликтам, «задевают», «ранят чувства» других. Прагматичность по большей части касается ориентации при принятии решений на пользу для себя (в большей степени) и убыток для других (в меньшей). Под пользой и убытком подразумевается материальная выгода или потери, а также приобретение или утрата перспектив карьерного роста/продвижения по социальной лестнице. Он не склонен хранить чужие секреты, по пути к достижению целей может «пойти по головам». Следует отметить, что эмоционально ближе для самого испытуемого обратный полюс конструкта, включающего патриотическое отношение – «мечтательный». Данный респондент больше ценит в людях чуткость, пластичность, вдумчивость, критичность, умение считаться с мнением и интересами других.

Система конструктов второго студента оказалась такой:

1. «Любит Родину – Хочет уехать из России»
2. «Серьезный – Ему нельзя доверять»
3. «Мутный – Четкий»
4. «Первый – Не рвачествует»
5. «Солидный – Ни то ни се»
6. «Родные – Знакомы по школе»
7. «Творческий – Не любит меняться»

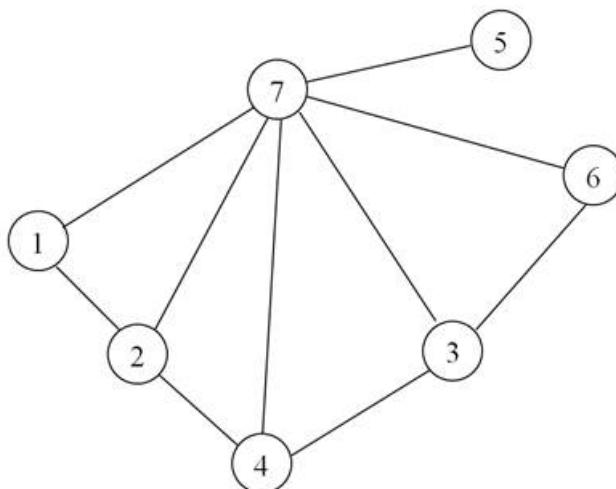

Рисунок 2 – Система конструктов студента 2

Конструкты в данном случае имеют не столь обширные взаимосвязи, однако не включают и изолированных конструктов, как это было в первом случае (Рис. 2). «Ядерным», то есть, вероятно, наиболее ранним, обретшим наибольшее число связей для данного студента выступает конструкт «Творческий – Не любит меняться». При этом полюс «Творческий» имеет в целом большую эмоциональную привлекательность для респондента, связан с явно позитивно оцениваемым полюсом «Родные» конструкта №6 «Родные – Знакомы по школе», но при этом связан также с полюсами «Ему нельзя доверять» и «Ни то ни се».

Здесь мы видим, что патриотическое отношение противопоставляется положительным миграционным установкам. Сама формулировка полюса указывает на субъективно более позитивную эмоциональную оценку патриотизма, в сравнении с оценкой первого студента. Однако содержательный анализ связей в системе конструктов показал неоднозначность эмоциональной оценки данного полюса конструкта.

В системе конструктов полярная пара «Любит Родину – Хочет уехать из России» связана только с конструктами «Серьезный – Ему нельзя доверять» - ближе, и «Не любит меняться – Творческий». Полюс патриотического отношения при этом для респондента ближе к «Серьезный» и «Не любит меняться». И если в отношении полюса «Серьезный» сомнений в его большей субъективной привлекательности для респондента нет, то полюс «Не любит меняться» имеет для рассматриваемого студента пусть и неоднозначную, но преимущественно – негативную коннотацию. Такие результаты позволяют говорить об амбивалентности эмоционального отношения при преобладании позитивной оценки патриотизма.

В целом же патриот в системе конструктов этого студента представляет человека в чем-то недостаточно гибкого и склонного к новаторству, творчеству, но такого, на которого можно положиться, который в погоне за собственным успехом не будет надрываться сам, вступать в конфликты и активно конкурировать с другими.

Сравнивая модели патриотического отношения в системах личностных конструктов этих двух студентов можно заметить, что в обоих случаях студенты связали патриотическое отношение с полюсом «Серьезный», однако содержательно это совершенно разные конструкты: в первом случае серьезному противопоставляется милый, во втором – человек, которому нельзя доверять. Погружаясь же в смысловое наполнение словесных обозначений конструктов, мы увидим, что схожим в конструктах патриотизма этих студентов является связь с полюсами конструктов, говорящих о ригидности и получающих негативные субъективные оценки респондентов.

Среди основных жизненных ценностей участников исследования соответствующих патриотическому отношению обнаружено не было. Однако у 3 респондентов проявленным оказался противоположный полюс патриотизма – установка на внешнюю миграцию – т.е. ценности и планы, связанные с переездом на постоянное место жительства в другую страну.

В системе ценностей первого респондента доминируют комфортные для личности социальные отношения с ближайшим окружением, личная успешность, материальное благополучие. Материальная обеспеченность должна удовлетворять потребность в безопасности; отношения с ближайшим окружением должны служить источником наслаждений за счет удовлетворения потребности в доверии, любви, принятия; личные успехи – служить удовлетворению потребности в уважении и самоуважении. При этом недостижения в сфере материального достатка символизируют для респондента большое

количество трудностей и тревогу по поводу возможности их преодоления; отсутствие близких, теплых доверительных отношений с близкими – страдания; отсутствие личных достижений – умеренную дисфорию. Эмиграция символизирует для этого студента большую свободу для самореализации, тогда как недостижение представляется фактом огорчающим, и вызывающим тревогу по поводу успешности попыток самореализации.

Второй респондент характеризуется преобладанием просоциальных установок и ценностей, для него важным является помочь близким и просто нуждающимся, быть полезным, оказывать поддержку. Такие ценности не сродни жертвенности, респондент может поступиться своими удобствами и желаниями, но не готов положить свою жизнь на алтарь благодетельства. Недостижение этих целей соотносится с разочарованием в себе, тяжелыми негативными переживаниями, то есть именно данные ценности сейчас определяются как главные для респондента. Как и для первого респондента этой группы, для данного студента важными являются материальные ценности, однако они по большей части служат цели удовлетворения потребности в признании, высоком социальном статусе. Недостижение в данной сфере расценивается как малосущественное, побуждает искать иные способы самореализации. Эмиграция для этого студента служит цели обретения большей свободы самореализации и удовлетворению потребности в безопасности. Недостижение этой цели отвергается.

Для третьего студента наиболее важными оказались ценности свободной самореализации, безопасного существования, благополучия близких. Свободная самореализация означает для респондента отсутствие страха за себя и близких при проявлении собственной аутентичности (демонстрации собственных взглядов, идей, убеждений), отсутствие тревоги за то, что какие-то его идеи и достижения могут быть использованы в разрез с принципами гуманизма. То есть за данной провозглашаемой ценностью стоит та же потребность в безопасности. Это подтверждает представление студента о том, что при недостижении он будет жить в страхе.

Выводы

1. Ценностно-смысловая сфера личности и компоненты ее составляющие – это то, что создается и изменяется самой личностью. Изучив систему базовых конструктов отдельных личностей, мы можем заключить, что патриотическое отношение, входящее в данную сферу, также уникально и имеет свою системную организацию.
2. Патриотическое отношение включает в себя эмоциональный, основанный на ценностно-смысловом, когнитивный и поведенческий аспекты. Ценностно-смысловой аспект предполагает самостоятельно-спродуцированную систему базовых личностных конструктов, отражающихся в базовых социальных ролях данной личности. Данные конструкты направляют поведение и деятельность личности, помогают принять о том, как действовать в различных ситуациях.
3. Интенциональное патриотическое отношение сформировано у студентов вузов слабо.
4. Концепт «Патриот» связан с концептом «Серьезный» (в значении «негибкий»). Одна индивидуальная смысловая модель предполагает, что патриот соотносится с такими качествами как взрывной, конфликтующий, рациональный. Другая индивидуальная смысловая модель отражает связи другого характера – «Серьезный», то есть верный своим убеждениям, поэтому ему можно доверять, и «Не любит меняться». То есть смысловое отношение к конструктам, несмотря на внешнюю схожесть понятий, очень отличается и при этом имеет разную эмоциональную окраску.

5. Наряду с патриотическим отношением были выявлены миграционные установки и обнаружена их взаимосвязь. Так, в концепте «Любит Родину» – «Хочет уехать из России», студент негативно оценивает последний полюс. Миграционные установки в семантическом пространстве связываются с потребностями в свободной самореализации и безопасности

Заключение

Формирование патриотического отношения – это сложный, многоэтапный процесс, важной составляющей которого является проживание личностью ситуаций, где патриотизм обуславливает значимый выбор и предопределяет его правильность, становясь, таким образом, релевантным конструктом, встраиваясь в систему личностных конструктов, на которую человек опирается, осуществляя жизненные выборы. В этом аспекте объектная система патриотического воспитания является неэффективной: формируя знания о внешних по отношению к личности объектах, некоторое эмоциональное отношение к ним, такая система не создает прецедентов личностных выборов и оценок в контексте обыденной жизни молодежи. То есть такая система не предполагает проявление субъектности студентов. Вероятно, для того, чтобы патриотическое отношение оказалось встроенным в индивидуальную систему конструктов необходимы другие формы воспитательного воздействия, корни которого должны брать свое начало с раннего семейного воспитания.

Библиография

1. Мясищев, В. Н. Психология отношений: избранные психологические труды / В. Н. Мясищев. – Москва: Институт практической психологии. 1998. 368 с. – ISBN 978-5-89502-790-5 (МПСИ)
2. Теряева О. А., Ломова О. А. Исследование позитивно-ценостного отношения студентов вузов к патриотизму // Перспективы науки и образования. 2024. № 1 (67). С. 70-93.
3. Карпова М. К. Патриотические настроения современной молодежи: вызовы времени // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12. № 4. С. 53-65.
4. Черноусова, И. Д. Современное значение патриотизма (социально-философский аспект) / И. Д. Черноусова, А. А. Черноусов // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2024. – № 3(40). С. 94-97.
5. Saidov, B. Patriotism as a psychological phenomenon. ISJ Theoretical & Applied Science, 2022. No 10 (114). Pp. 587-592.
6. Tashpulatovich , K. E. Patriotism as an Attributive Sign of Forms of Social Consciousness, Miasto Przyszłości. 2024. No. 45. Pp. 478-483.
7. Душкин, А. М. Социально-антропологические аспекты патриотизма в работах Н. М. Карамзина / А. М. Душкин // Реальность. Человек. Культура: трансформация человека. VIII Ореховские чтения : материалы Всерос. науч. конф.– Омск : Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2016. С. 83-86.
8. Kuvondikov, S. S. Analysis of national and foreign experiments on the diagnosis of processes for the development of a sense of patriotism. American Journal of Interdisciplinary Research and Development. 2023. No 16. Pp. 243-248.
9. Dirksmeier, P. The relationship between patriotism and regional identification: a cross-country analysis. Ann Reg Sci. 2023. No. 71, Pp. 343-362.
10. Finell, E. & Stevenson, C. Interpersonal bonds with fellow nationals, blind patriotism and preference for Immigrants' acculturation. Scandinavian Journal of Psychology. 2022. No. 63, Pp. 383-392.

11. Piwoni, E., & Mußotter, M. The evolution of the civic–ethnic distinction as a partial success story: Lessons for the nationalism–patriotism distinction. *Nations and Nationalism*. 2023. No. 29(3). Pp. 906–921.
12. Mußotter, M. On nation, homeland, and democracy: Toward a novel three-factor measurement model for nationalism and patriotism. Evidence from two representative studies. *Political Psychology*. 2024. No. 45, Pp. 903–921.
13. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон – Москва: Прогресс, 1996. 344 с.
14. Кон, И. С. Психология юношеского возраста: (Проблемы формирования личности): Учебное пособие для студентов пед. ин-тов / И. С. Кон. – Москва: Просвещение, 1979. – 175 с.
15. Jost, J. T., Baldassarri, D. S., & Druckman, J. N. Cognitive-motivational mechanisms of political polarization in social-communicative contexts. *Nature Reviews Psychology*. 2022. No 1(10), Pp. 560-576. URL: <https://doi.org/10.1038/s44159-022-00093-5>
16. Воскрекасенко, О. А. Диагностика патриотизма студенческой молодёжи в системе профессионального воспитания в высшей школе / О. А. Воскрекасенко, В. В. Константинов, А. А. Пашин, К. Р. Тренгулов // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 5. С. 47.
17. Братусь, Б. С. Нравственное сознание личности / Нравственное сознание личности / Б. С. Братусь. – Москва: Знание, 1985. 64 с.
18. Карандашев, В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В. Н. Карандашев. – Санкт – Петербург: Речь, 2004. 70 с.
19. Рокич, М. Природа человеческих ценностей / М. Рокич // Свободная пресса. 1973. № 5. С. 20–28.
20. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения / А. Н. Леонтьев. – Москва: Изд-во «Педагогика», 1983. 392 с.
21. Столин, В.В. Самосознание личности. / В.В. Столин – Москва: Изд-во Моск. ун-та. 1983. 284 с.
22. Фромм, Э. Здоровое общество/ Э. Фромм – Москва: АСТ, 2019. 479 с.
23. Франселла, Ф., Баннистер, Д. Новый метод исследования личности: Руководство по репертуарным личностным методикам/ Ф Франселла, Д. Баннистер – Москва: Прогресс, 1987. 236 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Исследование когнитивной модели патриотического отношения в ценностно-смысловой сфере личности у студентов высших учебных заведений»

Предмет исследования – в статье обозначен достаточно четко – это когнитивная модель патриотического отношения в ценностно-смысловой сфере личности у студентов высших учебных заведений.

Методология исследования построена на традиционных методах психологического исследования. В первой части есть короткое описание важности подхода и темы.

Прикладная часть в исследовании представлена изучением выборки из 68 студентов. Автор использовал комплекс методов диагностики:

- Для выявления системы конструктов испытуемого применялся метод триад.
- Для прояснения, уточнения содержательного наполнения конструктов после

заполнения бланков с респондентами проводилась беседа.

- Для выявления патриотическое отношение студентами в структуре системы основных жизненных ценностей применена модифицированная методика Дж. Келли.

Методы математической обработки в статье использованы ограниченно – средние значения, процентные данные. Можно было бы применить факторный анализ.

Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения. Автор обосновывает актуальность темы продуманными аргументами – ссылки на ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», «Об образовании в Российской Федерации», на Стратегию развития воспитания и пр.

Научная новизна потенциально может быть в представленной работе. Автор предпринимает вполне удачную попытку воссоздания индивидуальных когнитивных моделей патриотизма как составляющего системы конструктов личности, ценностно-смысловой сферы личности.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет традиционную структуру – вводная, основная и заключительная части.

Вводная часть обосновывает выбор темы. Она достаточно проработана.

В основной части статьи автор характеризует подходы отечественных ученых к понятию патриотизма (В.А. Кольцова, В.А. Соснин, С.И. Кудинов, И.Б. Кудинова, С.А. Гаврилушкин, С.В. Мещерякова, А.В. Потемкин и др.), а также уделяет внимание возрастному контексту темы. Показана важность позднего юношеского возраста в формировании системы ценностей и патриотизма как центрального феномена, пронизывающего моральные, политические, эстетические и другие ценности.

В прикладной части исследования автор работает над целью - исследование когнитивной модели патриотического отношения в ценностно-смысловой сфере личности у студентов высших учебных заведений.

Исследовательская часть представлена логически грамотно, в ней содержатся графические материалы. Которые облегчают пониманию сути выводов, сделанных автором.

Вывод, который делает автор по результатам исследования, является четким и структурированным. Его обоснованность не вызывает сомнений.

Стиль изложения материала соответствует требованиям научности, но при этом он содержит опечатки. Рекомендую исправить их в формулировке предмета исследования.

Библиография

Насчитывает 23 наименование литературных источников, среди которых представлены фундаментальные работы отечественных учёных (например, А.Н.Леонтьева), статьи в журналах и публикации в сборниках конференций.

Апелляция к оппонентам – статья соответствует требованиям, предъявляемым к статьям для публикации в журналах из перечня ВАК, и рекомендуется к публикации после исправления незначительных опечаток в тексте.

Выводы, интерес читательской аудитории – статья вызовет интерес читательской аудитории, заинтересованной в изучении роли патриотизма в формировании ценностей молодежи. Она будет полезна широкому круг лиц - психологам, преподавателям, учителям, а также представителям молодежных сообществ «Росмолодежь», «Движение первых» и пр.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Афанасьева О.Ф. Взаимосвязи виктимного поведения и школьной тревожности в подростковом возрасте // Психолог. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.6.72086 EDN: HRJVB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72086

Взаимосвязи виктимного поведения и школьной тревожности в подростковом возрасте

Афанасьева Ольга Федоровна

ORCID: 0009-0006-8552-9107

аспирант; гуманитарный институт (психолого-педагогическое направление); Российский новый университет

105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, 22

bmv600@list.ru

[Статья из рубрики "Социальные страсти"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.6.72086

EDN:

HRJVB

Дата направления статьи в редакцию:

26-10-2024

Аннотация: Предметом исследования стало не только виктимное поведение подростков, но и особенности проявления психологических предикторов виктимного поведения подростков. Понимая, что предикторы - это такие независимые переменные, изменения которых приводят к изменениям других зависимых переменных, важность их выявления очевидна. В данном исследовании мы ограничились выявлением предикторов в рамках взаимодействия виктимного поведения и школьной тревожности. Первым этапом исследования было эмпирическое исследование моделей и степени выраженности виктимного поведения, а также выявление переменных школьной тревожности у подростков. Далее в рамках множественного регрессионного анализа, с помощью прямого пошагового метода, который выбирает вводимые переменные, основываясь на критерии ввода, был произведен отбор предикторов из переменных школьной тревожности, которые вносят значимый вклад в виктимное поведение подростков. Для проведения эмпирического исследования использовались методики «Склонность к виктимному поведению» (О.О. Андронникова, 2006) и методика диагностики уровня

школьной тревожности (Beeman N. Phillips, 1970). Для измерения силы линейной корреляционной связи количественных признаков использовался линейный коэффициент корреляции Пирсона. Для выявления предикторов виктимного поведения использовали регрессионный анализ. В современном мире проблематика виктимности особенно среди подростков остается актуальной. Анализ научной литературы и результаты эмпирических исследований за последние 5 лет это подтверждают. Научный интерес в данной проблематике представляет степень влияния психологических предикторов на становление разных видов виктимного поведения у подростков. Представленное исследование отражает ситуацию в различных регионах России на современном этапе. Проведенный корреляционный анализ позволил выявить специфические особенности взаимосвязей показателей виктимного поведения и переменных школьной тревожности. Методом множественной регрессии установлена достоверная значимость вклада психологических предикторов (переменных школьной тревожности: страх не соответствовать ожиданиям окружающих, проблемы и страхи в отношениях с учителями, страх самовыражения, переживание социального стресса, фрустрация потребности в достижении успеха, страх ситуации проверки знаний) в формирование различных видов виктимного поведения: агрессивное и пассивное виктимное поведение, реализованная виктимность. Полученные результаты являются важной информацией для психологов и педагогов в работе с подростками в рамках профилактической работы, а также для разработки мер для девиктимизации.

Ключевые слова:

виктимное поведение, жертва, подростковый возраст, девиантное поведение, личностные особенности, социализация, тревожность, фрустрация, деструктивное поведение, психологическое сопровождение

Введение. Произошедшие в российском обществе изменения явились предпосылкой усиления интереса различных специалистов к социальным аспектам жизни человека, таким, как обеспечение его жизненной и профессиональной безопасности, социальной защищенности, поддержки, уверенности. Происходящие общественные изменения, в свою очередь, обусловливают социально-экономические, социально-психологические, информационные последствия, отражающиеся на социализации человека в обществе. Подобного рода трансформации могут определять не только положительные, но и негативные последствия в формировании личности современных детей и подростков. Одним из таких последствий можно назвать проявление виктимного поведения личности подрастающего поколения.

Обзор литературы. Под виктимным поведением понимается такое поведение личности (ребенка, взрослого), которое может быть приобретенным и характеризуется склонностью чаще других людей быть в таких жизненных ситуациях, в которых эта личность становится жертвой [1, 2, 3, 4, 5]. В настоящее время можно отметить, что в научной психолого-педагогической литературе существуют различного рода противоречия, связанные с: различным пониманием понятий «виктимность» и «виктимное поведение»; наличием различных подходов к изучению виктимности в российской психологической практике; недостаточной проработанностью методов диагностики различных аспектов проявления виктимного поведения, в том числе на разных возрастных этапах; учетом факторов, которые обуславливают и инициируют виктимное поведение и др. Следует подчеркнуть, что сегодня (согласно Указу

Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года») в современном российском обществе сейчас ставятся приоритетные акценты на психолого-педагогическом сопровождении детей и молодежи в процессе деквиктимизации, разработке превентивных мер виктимизации, профилактике деструктивного поведения для полноценного раскрытия способностей подрастающего поколения, формирования психически здоровой и адаптированной к требованиям социума личности [6].

В современных социально-экономических реалиях от человека на разных возрастных этапах, в большинстве случаев, требуется высокий уровень жизнестойкости и саморегуляции, умение совладать со стрессовыми ситуациями, необходимость ставить определенные задачи и искать оптимальные способы их решения. Вместе с тем, приходится констатировать, не всегда это возможно реализовать.

Долгое время жертва рассматривалась при анализе преступлений и изучением таких вопросов занимались криминалистические структуры [7, 8]. С середины XX века акценты виктимизации сместились на изучение структуры личности самой жертвы. Зарубежные исследователи особое внимание уделяют проблемам насилия в семье (жестокое обращение с женщинами и детьми), а также вопросам буллинга в учебных заведениях в связи с расовыми расслоениями и возросшим количеством школьников с избыточным весом [9, 10, 11]. В отечественной науке, помимо вопросов жестокого обращения и буллинга, особое внимание уделяют личностным характеристикам жертвы [12, 13, 14, 15, 16].

Независимо от целей и задач исследования виктимности, ученые отмечают, что человек с виктимным поведением не имеет возможности в силу эндо- и экзогенных факторов противостоять внешнему воздействию, и это обстоятельство впоследствии приводит к негативным для индивида последствиям в психическом и физическом здоровье: повышается риск развития тревожности, деформаций личности, проявляются функциональные нарушения, самоповреждения вплоть до летального исхода [17, 18].

Важным предиктором виктимного поведения выступает сформированная «Я-концепция» личности подростка в контексте построения межличностных отношений с другими [19]. Становление и формирование социального «Я» приобретает приоритетное значение именно в подростковом возрасте, когда идет усвоение определенных социокультурных норм для поведения в обществе и выбор оптимальных стратегий взаимодействия и форматов поведения с различными людьми и в различных жизненных ситуациях в ходе социализации, рефлексия и анализ себя как личности.

Исследования показывают, что виктимное поведение личности, в том числе и у взрослых, может быть связано с измененным форматом восприятия себя, своего «Я» в разрезе прошлого, настоящего времени и будущих перспектив развития [20, 21, 22, 23]. При этом основными характеристиками виктимной личности, в таком ракурсе, могут выступать недостаточная сформированность личностной идентичности, постоянная ориентация на внешние обстоятельства (а не на свои личностные качества и способности), недостаточно сформированная стрессоустойчивость к изменяющимся условиям внешней социальной среды, личностная склонность к переживаниям и социальной изоляции от внешнего окружения, низкий уровень социальных интеракций с различными группами лиц.

Методология исследования. В период с 2022 по 2024 гг. нами проводилось исследование некоторых психологических предикторов виктимного поведения подростков. Эмпирическая часть исследования проводилась среди подростков общеобразовательных школ российских регионов (Брянская область, Калужская область, Республика Марий Эл). Всего в исследовании приняло участие 236 человек, из них 120 учащихся 6-х классов и 116 человек 8-х классов. Из 236 человек: 112 человек мужского пола, 124 человека женского пола. Были использованы следующие методы исследования: беседа с респондентами (учащимися и учителями); опросные методы; психодиагностическое обследование; качественный и количественный анализ полученных результатов. Для проведения эмпирического исследования использовались психодиагностические методики «Склонность к виктимному поведению» (О.О. Андронникова, 2006) для выявления модели виктимного поведения и методика диагностики уровня школьной тревожности (Beeman N. Phillips, 1970) для выявления уровня и характера тревожности.

Результаты исследования и их обсуждение. Прежде, чем будут представлены результаты регрессионного анализа, целью которого было определение психологических предикторов в рамках нашего исследования, считаем целесообразным показать какие виды виктимного поведения и в какой степени были выявлены в референтной группе. В представленной таблице 1 отображены модели и степень выраженности виктимного поведения в динамике подросткового периода. Среди шестиклассников и восьмиклассников различия в проявлении виктимного поведения различных типов незначительны. Особое внимание хотелось бы обратить на то, что у испытуемых преобладает склонность к пассивному, осторожному, безынициативному поведению. У таких подростков преимущественно защитное, обособленное поведение, затруднена возможность собственной реализации, что повышает риск развития негативного жизненного сценария и вероятность стать жертвой.

Таблица 1. Виды и степень выраженности виктимного поведения у подростков в 6-х и 8-х классах.

Модели и уровни		Количество чел (236)		Проценты (%)	
		6-е классы (120)	8-е классы (116)	6-е классы	8-е классы
Модели виктимного поведения	Агрессивная	B	3	7	1,3
		C	51	64	21,6
		H	66	45	28,0
	Активная	B	12	18	5,1
		C	61	62	25,8
		H	47	36	20,0
	Пассивная	B	13	8	5,5
		C	72	50	30,5
		H	36	57	15,3
	Инициативная	B	37	25	15,7
		C	73	73	30,9
		H	10	18	4,3
	Некритичная	B	5	1	2,1
		C	58	58	24,5
		H	57	57	24,2

Реализованная виктимность	B	17	6	7,2	2,5
	C	43	38	18,2	16,1
	H	60	72	25,4	30,5

Целью нашего исследования было выявить взаимосвязи виктимного поведения и школьной тревожности, а также определить значимость некоторых психологических предикторов виктимного поведения подростков. Поэтому подробно остановимся на полученных результатах.

Для измерения силы линейной корреляционной связи количественных признаков у обучающихся использовался линейный коэффициент корреляции Пирсона r_{xy} . В качестве исходных данных были использованы показатели виктимного поведения (агрессивная виктимность, активная виктимность, инициативная виктимность, пассивная виктимность, некритичная виктимность, реализованная виктимность) и показатели тревожного поведения (общая тревожность в школе, переживания социального стресса, фрустрация потребности в достижении успеха, страх самовыражения, страх ситуации проверки знаний, страх не соответствовать ожиданиям окружающих, низкая физиологическая сопротивляемость стрессу, проблемы и страхи в отношениях с учителями). Поскольку научный интерес представляют только достоверно значимые взаимосвязи между переменными, анализу были подвергнуты корреляции на уровне $p < 0,05$, $p < 0,01$ и $p < 0,001$ среди каждой группы обучающихся.

В группе обучающихся 6-х классов по результатам корреляционного анализа были установлены следующие достоверно значимые связи.

Между агрессивным виктимным поведением и следующими показателями тревожности: переживание социального стресса ($r = 0,37$; $p \leq 0,05$), фрустрация потребности в достижении успеха ($r = 0,38$; $p \leq 0,05$), страх не соответствовать ожиданиям окружающих ($r = 0,44$; $p \leq 0,01$).

Активное виктимное поведение не выявило взаимосвязей с показателями тревожности на достоверном уровне значимости.

Инициативное виктимное поведение не выявило взаимосвязей с показателями тревожности на достоверном уровне значимости.

Пассивное виктимное поведение выявило следующие взаимосвязи: с общей тревожностью ($r = 0,35$; $p \leq 0,05$), переживанием социального стресса ($r = 0,45$; $p \leq 0,01$), с фрустрацией потребности в достижении успеха ($r = 0,49$; $p \leq 0,01$), страхом самовыражения ($r = 0,51$; $p \leq 0,01$), страхом проверки знаний ($r = 0,32$; $p \leq 0,05$), страхом не соответствовать ожиданиям окружающих ($r = 0,39$; $p \leq 0,05$).

Некритичное виктимное поведение выявило одну взаимосвязь: с фрустрацией потребности в достижении успеха ($r = 0,31$; $p \leq 0,05$).

Реализованная виктимность обнаружила несколько взаимосвязей: с общей тревожностью ($r = 0,31$; $p \leq 0,05$), переживанием социального стресса ($r = 0,29$; $p \leq 0,05$), с фрустрацией потребности в достижении успеха ($r = 0,47$; $p \leq 0,01$), страхом самовыражения ($r = 0,35$; $p \leq 0,05$), страхом проверки знаний ($r = 0,32$; $p \leq 0,05$), страхом не соответствовать ожиданиям окружающих ($r = 0,46$; $p \leq 0,01$), низкой физиологической сопротивляемостью стрессу ($r = 0,29$; $p \leq 0,05$).

Наглядно полученные взаимосвязи в группе обучающихся 6-х классов можно

представить в виде коррелограммы (см. рис. 1).

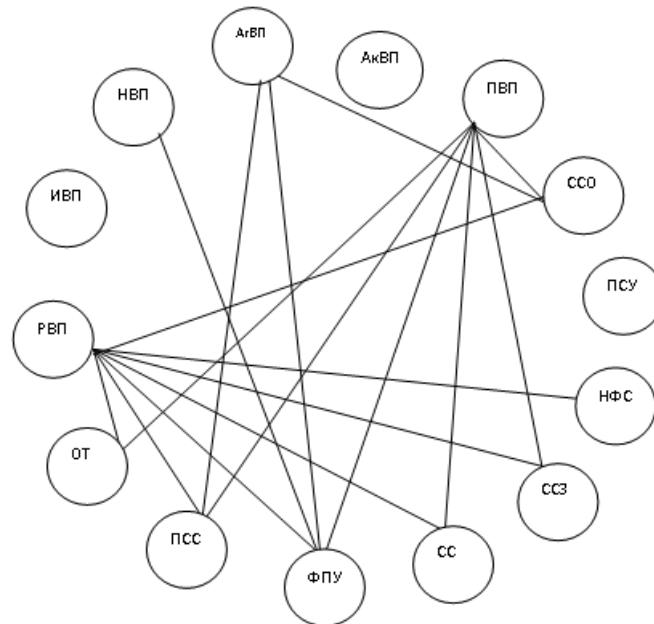

Рис. 1. Корреляционная плеяда значимых взаимосвязей в группе обучающихся 6-х классов.

Примечания:

АгВП – агрессивное виктимное поведение

АкВП – активное виктимное поведение

НВП – некритичное виктимное поведение

ПВП – пассивное виктимное поведение

ИВП – инициативное виктимное поведение

РВП – реализованное виктимное поведение

ОТ – общая тревожность

ПСС – переживание социального стресса

ФПУ – фruстрация потребности в достижении успеха

СС – страх самовыражения

СС3 – страх ситуации проверки знаний

ССО – страх не соответствовать ожиданиям окружающих

НФС – низкая физиологическая сопротивляемость стрессу

ПСУ – проблемы и страхи в отношениях с учителями

Далее представим выявленные взаимосвязи между переменными в группе обучающихся 8-х классов.

Агрессивное виктимное поведение обнаружило следующие взаимосвязи: фрустрация потребности в достижении успеха ($r = 0,31; p \leq 0,05$), страх не соответствовать

ожиданиям окружающих ($r = 0,41$; $p \leq 0,01$), страхи и проблемы в отношениях с учителями ($r = 0,43$; $p \leq 0,01$).

Активное виктимное поведение не выявило взаимосвязей с показателями тревожности на достоверном уровне значимости. Инициативное виктимное поведение имеет одну взаимосвязь со страхом самовыражения ($r = 0,31$; $p \leq 0,05$). Пассивное виктимное поведение имеет взаимосвязи со всеми показателями тревожности и все на высоком уровне значимости $p \leq 0,01$: общая тревожность ($r = 0,73$; $p \leq 0,01$), переживание социального стресса ($r = 0,54$; $p \leq 0,01$), фрустрация потребности в достижении успеха ($r = 0,41$; $p \leq 0,01$), страх самовыражения ($r = 0,57$; $p \leq 0,01$), страх проверки знаний ($r = 0,65$; $p \leq 0,01$), страх не соответствовать ожиданиям окружающих ($r = 0,57$; $p \leq 0,01$), низкая физиологическая сопротивляемость стресса ($r = 0,71$; $p \leq 0,01$), страхи и проблемы в отношениях с учителями ($r = 0,45$; $p \leq 0,01$).

Некритичное виктимное поведение не выявило взаимосвязей с показателями тревожности на достоверном уровне значимости.

Реализованная виктимность имеет взаимосвязи со всеми показателями тревожности и все на высоком уровне значимости $p \leq 0,01$: общая тревожность ($r = 0,65$; $p \leq 0,01$), переживание социального стресса ($r = 0,45$; $p \leq 0,01$), фрустрация потребности в достижении успеха ($r = 0,44$; $p \leq 0,01$), страх самовыражения ($r = 0,54$; $p \leq 0,01$), страх проверки знаний ($r = 0,58$; $p \leq 0,01$), страх не соответствовать ожиданиям окружающих ($r = 0,55$; $p \leq 0,01$), низкая физиологическая сопротивляемость стресса ($r = 0,64$; $p \leq 0,01$), страхи и проблемы в отношениях с учителями ($r = 0,58$; $p \leq 0,01$).

Наглядно полученные взаимосвязи в группе обучающихся 8-х классов можно представить в виде коррелограммы (см. рис. 2).

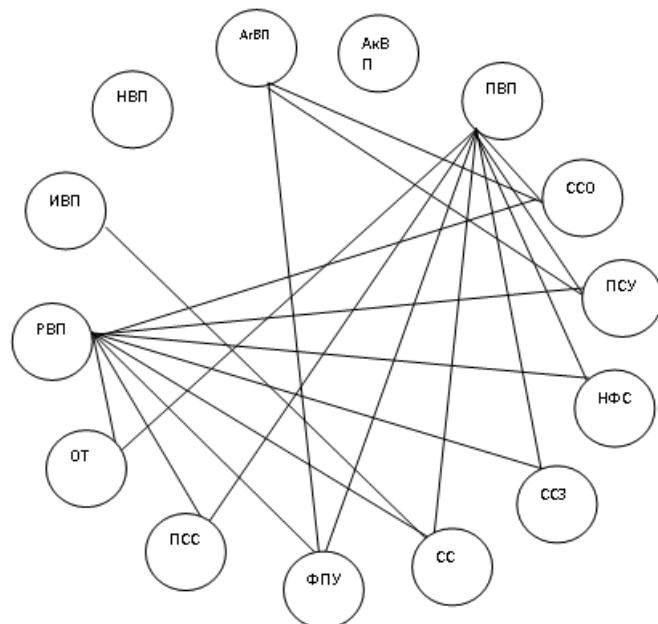

Рис. 2. Корреляционная плеяда значимых взаимосвязей в группе обучающихся 8-х классов.

Примечания:

АгВП – агрессивное виктимное поведение

АкВП – активное виктимное поведение

НВП – некритичное виктимное поведение
 ПВП – пассивное виктимное поведение
 ИВП – инициативное виктимное поведение
 РВП – реализованное виктимное поведение
 ОТ – общая тревожность
 ПСС – переживание социального стресса
 ФПУ – фрустрация потребности в достижении успеха
 СС – страх самовыражения
 ССЗ – страх ситуации проверки знаний
 ССО – страх не соответствовать ожиданиям окружающих
 НФС – низкая физиологическая сопротивляемость стрессу
 ПСУ – проблемы и страхи в отношениях с учителями

Таким образом, проведенный корреляционный анализ в двух группах обучающихся (6-е и 8-е классы) позволил выявить специфические особенности взаимосвязей показателей виктимного поведения и переменных школьной тревожности.

Для прогнозирования видов виктимного поведения в нашем исследовании мы использовали регрессионный анализ, который ориентирован на планирование и прогнозирование [24]. Прогнозирование типов виктимного поведения человека опирается на факторное влияние основных предикторов, выражающих сущность происходящих виктимных изменений.

Для нас представляет научный интерес уточнить вклад и степень влияния психологических предикторов на становление разных видов виктимного поведения у подростков. Под предикторами мы понимаем такие независимые переменные, изменения которых приводят к изменениям других зависимых переменных.

Результаты множественной регрессии по методике «Склонность к виктимному поведению» для подросткового возраста и опросника уровня школьной тревожности Филлипса представлены в таблице.

Для множественного регрессионного анализа был использован прямой пошаговый метод, который выбирает вводимые переменные, основываясь на критерии ввода. Цель – отбор предикторов из небольшого количества переменных, которые вносят значимый вклад в вариацию переменной зависимой. Как видно из таблицы 2, по каждой зависимой переменной определены только значимые предикторы (независимые переменные).

Таблица 2. Результаты множественной регрессии: значимый вклад предикторов (переменных опросника уровня школьной тревожности Филлипса) в виктимное поведение в подростковом возрасте.

Зависимая переменная	R	R²	Предикторы (независимые переменные)	B
-----------------------------	----------	----------------------	--	----------

Агрессивное виктимное поведение	0,243	0,223	Страх не соответствовать ожиданиям окружающих	0,473***
			Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу	-0,349**
			Проблемы и страхи в отношениях с учителями	0,225*
Активное виктимное поведение	-	-	Предикторы не выявлены на достоверном уровне значимости	-
Инициативное виктимное поведение	-	-	Предикторы не выявлены на достоверном уровне значимости	-
Пассивное виктимное поведение	0,384	0,367	Страх самовыражения	0,333***
			Переживание социального стресса	0,243**
			Фрустрация потребности в достижении успеха	0,205*
Некритичное виктимное поведение	-	-	Предикторы не выявлены на достоверном уровне значимости	-
Реализованная виктимность	0,301	0,288	Страх не соответствовать ожиданиям окружающих	0,387***
			Страх ситуации проверки знаний	0,214*

Примечание:

β – стандартный коэффициент регрессии; R^2 – коэффициент детерминации; p – уровень значимости коэффициента β : * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Агрессивное виктимное поведение обусловлено влиянием следующих предикторов: страх не соответствовать ожиданиям окружающих, низкая физиологическая сопротивляемость стрессу, проблемы и страхи в отношениях с учителями. Значение R^2 показывает, что 22,3% дисперсии зависимой переменной обусловлено влиянием данных предикторов.

Активное, инициативное и некритичное виктимное поведение не выявило влияния предикторов – переменных по методике диагностике уровня школьной тревожности Филлипса.

По шкале «Пассивное виктимное поведение» из числа переменных опросника Филлипса были выявлены три предиктора: страх самовыражения ($\beta=0,333$), переживание социального стресса ($\beta=0,243$), фрустрация потребности в достижении успеха ($\beta=0,205$). Значение R^2 показывает, что 36,7% дисперсии переменной «Пассивное виктимное поведение» обусловлено влиянием вышеуказанных предикторов. Каждая из независимых переменных вносит разный вклад в оценку зависимой переменной.

И, наконец, шкала «Реализованная виктимность» обусловлена влиянием двух предикторов: страх не соответствовать ожиданиям окружающих ($\beta=0,387$) и страх ситуации проверки знаний ($\beta=0,214$).

Выводы и заключение. В ходе проведенного эмпирического исследования выявлены

различные типы виктимного поведения и высокий уровень общей тревожности у подростков 6-х и 8-х классов. Установлены корреляционные связи виктимного поведения и общей школьной тревожности среди 6-х классов, 8-классов. Использование t-критерия Стьюдента методом попарного сравнения позволило выявить различия психологических предикторов в двух группах обучающихся (6-е и 8-е классы) между собой. Проведенный корреляционный анализ позволил выявить специфические особенности взаимосвязей показателей виктимного поведения и переменных школьной тревожности. Методом множественной регрессии установлена достоверная значимость вклада психологических предикторов (переменных школьной тревожности: страх не соответствовать ожиданиям окружающих, проблемы и страхи в отношениях с учителями, страх самовыражения, переживание социального стресса, фрустрация потребности в достижении успеха, страх ситуации проверки знаний) в формирование различных видов виктимного поведения: агрессивное виктимное поведение, пассивное виктимное поведение, реализованная виктимность.

Сегодня в меняющемся мире возникает достаточно острая необходимость проводить эмпирические исследования свойств личности в различной динамике. Это позволит своевременно выявлять и уточнять предикторы, влияющие на развитие и становление личности. Полученные результаты проведенного исследования возрастной динамики виктимности свидетельствуют о том, что виктимность влияет на деформацию межличностных отношений, в частности в школе, и является значимым препятствием для социальной адаптации. Виктимность не временное явление, присущее человеку на каком-то определенном возрастном этапе. Опасным является тот факт, что люди, независимо от возраста, могут находиться в предвиктимном состоянии и при определенных неблагоприятных условиях жизни потенциальная виктимность трансформируется в реализованную, что приводит к негативным последствиям. Результаты проведенного исследования важны для практического применения, в первую очередь, в деятельности психологов и педагогов, работающих с различным возрастным контингентом, особенно с обучающимися в рамках психологической профилактической работы. Период обучения в школе должен стать стартовой точкой для внедрения превентивных мер по предотвращению виктимизации и деквиктимизации, включая диагностическую и профилактическую работу.

Библиография

1. Демидова-Петрова Е.В. Виктимность несовершеннолетних в современной России: особенности, основные причины // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 3 (152). С. 201-206.
2. Андронникова О.О., Перевозкина Ю.М., Леонова О.И. Детско-родительские отношения и индивидуальный опыт как структурные детерминанты виктимизации в юношеском возрасте // Российский психологический журнал. 2023. Том 20. № 1. С. 202-217.
3. Malamut S.T., Trach J., Garandeau C.F., Salmivalli Ch. Examining the potential mental health costs of defending victims of bullying: a longitudinal analysis // Research on child and adolescent psychopathology. 2021. Vol. 49. Issue 9. P. 1197-1210.
4. Judith A. Stein, Richard L. Dukes, Jazmin I. Warren. Adolescent Male Bullies, Victims, and Bully-Victims: A Comparison of Psychosocial and Behavioral Characteristics // Journal of Pediatric Psychology, Volume 32, Issue 3, 1 April 2007, pp. 273-282.
5. Беляева О.А., Бугайчук Т.В., Цымбалюк А.Э., Юферова М.А. Социально-психологические факторы деликвентности в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 2022. Том 68. № 6. С. 3-13.
6. Feoktistova S.V., Vasiliyeva N., Mishina M.M., Vorobieva K.A. Batkolina V.V., Usoltseva E.V. Innovative technologies in psychological support of children and adolescents at risk /

- 9th international conference on cognitive, social and behavioural sciences (ICCSBS 2020), Moscow, 07.12.2020 – 08.12.2020. Moscow: European Publisher, 2020. P. 192-197.
7. Васькин Д.А., Звягин В.А. Профилактика виктимного поведения // Право и государство: теории и практика. 2024. № 1 (229). С. 248-250.
8. Демидова-Петрова Е.В. Виктимность несовершеннолетних в современной России: особенности, основные причины // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 3 (152). С. 201-206.
9. Bayborodova L., Kusnetsoba O., Cherniavskaya A., Belkina V., Kharisova I. Forming of self-regulation of primary schoolchildren in the educational process / 4th International Multidisciplinary Scientific Conference On Social Sciences And Arts Sgem, Albena, Bulgaria, 24.08.2017 – 30.08.2017. Sofia: СТЕФ92 Технолоджи, 2017. P. 239-246.
10. Fox J.K., Ryan J.L., Martin Burch J., Halpern L.F. The role of parental overcontrol in the relationship between peer victimization, social threat cognitions, and social anxiety in school-age children // School mental health. 2022. Vol. 14. Issue 1. P. 201-212.
11. Bacanli F. Personality characteristics as predictors of personal indecisiveness // Journal of Career Development. 2006. Vol. 32. № 4. P. 320-332.
12. Аракелян К.Н., Шаболтас А.В. Внутрисемейные факторы виктимизации личности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2015. Том 8. № 1. С. 50-55.
13. Демкина Е.В., Шебанец Е.Ю., Паатова М.Э. Профилактика виктимной гендерной социализации подростков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2023. № 2 (318). С. 25-32.
14. Данилевская А.А., Григорьева А.А. Особенности детско-родительских отношений у подростков со склонностью к виктимному поведению // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2024. Том 12. № 1 (44). С. 59-68.
15. Каган В.Е. Психогенные формы школьной дезадаптации // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 89-95.
16. Малкина-Пых И.Г. Виктимология: психология поведения жертвы (комплексный анализ феномена жертвы, подходы к индивидуальному консультированию, упражнения и техники): монография. М.: Эксмо. 2010. 864 с.
17. Одинцова М.А. Психологические особенности виктимной личности // Вопросы психологии. 2012. № 3. С. 59-67.
18. Деговцев Н.С. Средовые и внутриличностные предикторы становления самооценки в подростковом возрасте // Ученые записки университете им. П.Ф. Лесгафта. 2023. № 5 (219). С. 508-513.
19. Рean A.A. Семья как фактор профилактики и риска виктимного поведения // Национальный психологический журнал. 2015. № 1 (17). С. 3-8.
20. Руденский Е.В. Социально-психологическая виктимология личности: пропедевтика: монография. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2015. 146 с.
21. Симановский А.Э. Сценарный подход к профилактике и коррекции агрессивного и виктимного поведения детей: монография. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2023. 179 с.
22. Кирюшин Д.В., Кирюшина Е.Е., Потапов М.В., Корж Е.М. К проблеме формирования личности подростка, воспитывающегося в неблагополучной семье // Современное педагогическое образование. 2023. № 1. С. 52-54.
23. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Статистические методы в психологии: учебник и практикум для бакалавриата, специалитета и магистратуры; 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 311 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются взаимосвязи виктимного поведения и школьной тревожности в подростковом возрасте.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также « беседа с респондентами (учащимися и учителями); опросные методы; психодиагностическое обследование; качественный и количественный анализ полученных результатов. Для проведения эмпирического исследования использовались психодиагностические методики « Склонность к виктимному поведению » (О.О. Андронникова, 2006) для выявления модели виктимного поведения и методика диагностики уровня школьной тревожности (Beeman N. Phillips, 1970) для выявления уровня и характера тревожности», методы математической статистики.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку современная социальная реальность характеризуется множеством социальных изменений, которые несут в себе значительные нагрузки и риски, оказывающие большое влияние на личность, ее развитие и психоэмоциональное состояние. В связи с этим возрастает интерес к исследованию таких понятий, как «виктимное поведение», «тревожность», которые выступают своего рода негативными последствиями социальных трансформаций для личности. Поэтому изучение взаимосвязи виктимного поведения и школьной тревожности в подростковом возрасте представляет научно-исследовательский интерес среди различных ученых.

Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике «некоторых психологических предикторов виктимного поведения подростков» общеобразовательных школ «российских регионов (Брянская область, Калужская область, Республика Марий Эл). Всего в исследовании приняло участие 236 человек, из них 120 учащихся 6-х классов и 116 человек 8-х классов» и последующем авторском анализе полученных результатов.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме, а также с применением терминологии, характеризующей предмет исследования и демонстрацией результатов исследования.

Структура рукописи, к сожалению, не выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре представленного исследования можно условно выделить вводную часть, основную часть, заключительную часть и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет авторский акцент на то, что «виктимное поведение личности, в том числе и у взрослых, может быть связано с измененным форматом восприятия себя, своего «Я» в разрезе прошлого, настоящего времени и будущих перспектив развития. При этом основными характеристиками виктимной личности, в таком ракурсе, могут выступать недостаточная сформированность личностной идентичности, постоянная ориентация на внешние обстоятельства (а не на свои личностные качества и способности), недостаточно сформированная стрессоустойчивость к изменяющимся условиям внешней социальной среды, личностная склонность к переживаниям и социальной изоляции от внешнего окружения, низкий уровень социальных интеракций с различными группами лиц».

Библиография содержит 23 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные

периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих различные подходы к пониманию виктимности, виктимной личности, виктимного поведения. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «в ходе проведенного эмпирического исследования выявлены различные типы виктимного поведения и высокий уровень общей тревожности у подростков 6-х и 8-х классов. Установлены корреляционные связи виктимного поведения и общей школьной тревожности среди 6-х классов, 8-классов. Использование t -критерия Стьюдента методом попарного сравнения позволило выявить различия психологических предикторов в двух группах обучающихся (6-е и 8-е классы) между собой. Проведенный корреляционный анализ позволил выявить специфические особенности взаимосвязей показателей виктимного поведения и переменных школьной тревожности. Методом множественной регрессии установлена достоверная значимость вклада психологических предикторов (переменных школьной тревожности: страх не соответствовать ожиданиям окружающих, проблемы и страхи в отношениях с учителями, страх самовыражения, переживание социального стресса, фruстрация потребности в достижении успеха, страх ситуации проверки знаний) в формирование различных видов виктимного поведения: агрессивное виктимное поведение, пассивное виктимное поведение, реализованная виктимность».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством школ и школьными учителями, классными руководителями, кураторами, социальными педагогами, социологами, психологами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в представленной статьи фактически отсутствует четкая структура, не обозначены, либо отсутствуют структурные элементы, которые должны быть в структуре научной статьи. В частности, необходимо сделать соответствующие дополнения в тексте, обозначить их заголовками, в частности, выделить введение, обзор литературы, методологию исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, выводы, а также сформулировать обобщающее заключение, а не завершать исследование предложениями направлений «превентивной работы по психологическому сопровождению подростков, склонных к виктимному поведению». При оформлении таблиц и рисунков необходимо обратить внимание на требования действующих ГОСТов, оформить их в соответствии с этими требованиями. В тексте статьи встречаются незначительные технические ошибки и опечатки. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить, дополнить и доработать текст статьи в части ее структуры и отдельных структурных элементов. Рукопись рекомендуется вернуть на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья написана на весьма актуальную тему. Предмет работы фактически вынесен в заголовок и соответствует содержанию статьи. Методология прописана четко и ясно.

Можно проследить логику и ход исследования, понять, откуда взялся результаты. Единственное небольшое замечание в данном случае это то, что цель исследования четко прописана в разделе результаты.в прошедшем времени. Цель исследования следовало прописать заранее. В разделе методологии. Это же касается изучения вклада предикторов. Об этом написано лишь в разделе результатов, надо было отдельно выделить цель и задачи. Но в целом логика работы ясная, поэтому это замечание нельзя назвать серьезным.

Актуальность исследования явным образом продемонстрирована. Как через обзор научной литературы, так и с практической точки зрения через ссылку к актуальной ситуации.

Научная новизна исследования также продемонстрирована. Возможно, стоило несколько акцентировать, подчеркнуть вклад исследования именно в науку, что оно привносит в целом в область исследования тревожности и виктимности.

Стиль статьи научный, статья написана хорошим языком. Структура статьи соответствует требованиям к структуре научных статей. Единственное, возможно, статья бы выиграла от того, что результаты и обсуждение результатов было бы дано двумя разными разделами, обсуждение было бы как-то отдельно подчёркнуто. Сейчас обсуждение результатов как будто немного размашано на раздел "результаты" и раздел "заключение", однако это не снижает общего качества статьи. Иллюстративные материалы четкие и понятные, дают хорошее представление об исследовании. Единственное, в случае с рисунком два описание сокращений лучше было бы для большей читабельности вынести над рисунком, чтобы человек мог знакомиться с рисунком уже зная сокращения.

Как видно из статьи само исследование также проведено корректно, статистический аппарат применен верно, подобраны адекватные методы математической обработки результатов и они корректно и полно представлены. Это оставляет возможность для воспроизведения результатов на иных выборках, что является несомненным плюсом статьи.

Библиография статьи небольшая, но подбрана адекватно, содержит 23 источника, включая иностранные, что в целом достаточно для эмпирической работы. Значительное число источников не старше 10 лет, что является несомненным плюсом работы. К сожалению, отсутствует апелляция к оппонентам и дискуссия, сопоставление результатов исследования с подобными исследованиями, проведенными в России или за рубежом, а ведь это могло бы существенно усилить статью. Но в целом достоинства статьи скрашивают этот недостаток, его нельзя назвать дисквалифицирующим. На наш взгляд, статья будет представлять интерес для читательской аудитории, особенно для исследователей и практиков в области школьной психологии. Недостатки и высказанные нами замечания не умаляют достоинств статьи, которая безусловно рекомендуется к печати.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Болаева Г.Б. Психологическое благополучие и представления о жизни у студентов разных национальностей // Психолог. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.6.72423 EDN: HIKKQB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72423

Психологическое благополучие и представления о жизни у студентов разных национальностей

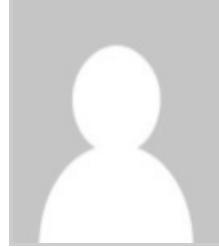
Болаева Герел Баатровна

ORCID: 0009-0000-8972-8943

старший преподаватель; факультет педагогического образования и биологии; Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Гагарина, 17, кв. 17

✉ gbbolaeva@gmail.com

[Статья из рубрики "Национальный менталитет"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.6.72423

EDN:

HIKKQB

Дата направления статьи в редакцию:

21-11-2024

Аннотация: Предметом исследования в данной научной работе рассматриваются особенности психологического благополучия личности и представлений о собственной жизни у русских и калмыцких студентов. Целью исследования является изучение особенностей психологического благополучия личности и представлений о собственной жизни у русских и калмыцких студентов. В качестве задач исследования мы определили, следующие пункты: во-первых, проанализировать особенности уровневых показателей психологического благополучия личности в группах русских и калмыцких студентов; во-вторых, выделить особенности показателей представлений о собственной жизни в группах русских и калмыцких студентов; в-третьих, сравнить особенности показателей взаимосвязей между показателями психологического благополучия личности и представлениями о собственной жизни в группах русских и калмыцких студентов.

Выборку составили две группы студентов в возрасте от 18-23 лет, всего 80 респондентов. Методы исследования – опросник «Шкала психологического благополучия» (автор К.Рифф, адаптация Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко) и

проективная рисуночная методика «Моя жизнь» (авторы: С.А. Безгодова, А.В. Микляева, С.М. Яцышин.). Тема представлена сравнительно небольшим количеством исследований, а также в связи с актуальностью анализа особенностей психологического благополучия представителей разных национальных групп и отсутствием исследований по данной теме. Значимых различий в показателях психологического благополучия, включая общий уровень психологического благополучия в группах русских и калмыцких студентов обнаружено не было. Отсутствуют значимые различия и в особенностях представлений студентов выделенных групп о собственной жизни, в частности в оценке общей характеристики жизни, эмоционального фона жизни, осмысленности жизни и «границ» с миром и социумом. Были получены данные о специфике взаимосвязей между показателями психологического благополучия и параметрами представлений о собственной жизни. Проведенное пилотажное исследование открывает дальнейшие возможности по изучению темы взаимосвязи психологического благополучия и представлений о собственной жизни человека с учетом как собственно качественных особенностей взаимосвязей, так и влияния различных факторов внутреннего и средового характера на эти особенности.

Ключевые слова:

психологическое благополучие личности, границы с миром, общая характеристика жизни, эмоциональный фон жизни, осмысленность жизни, границы с социумом, русские студенты, калмыцкие студенты, национальность, национальные группы

Введение.

В современной психологии понятие «психологическое благополучие личности» (ПБЛ) уже прочно обосновалось в исследованиях отечественных ученых и активно применяется на практике. За последние двадцать лет оформилась достаточно дифференцированная система представлений как о конструкте «психологическое благополучие», в целом [1-7], так и о дифференциально-психологических, социально-психологических факторах, влияющих на уровневые и качественные особенности психологического благополучия личности [8-11]. Для диагностики ПБЛ традиционно используется методика, предложенная К. Рифф (1995), и адаптированная для отечественной выборки [10-14]. Кроме традиционной методики К. Рифф, в арсенал методических инструментов для изучения особенностей психологического благополучия сравнительно недавно включена методика PERMA-profiler [15]. Разработанные методики позволяют в целом рассматривать психологическое благополучие личности как субъективно оцениваемую «успешность», «полноценность» реализации потенциальных возможностей личности. К. Рифф давала такое определение психологическому благополучию личности — это наличие у человека специфических, устойчивых психологических черт, позволяющих ему функционировать значимо более успешно, чем при их отсутствии. В качестве основных составляющих психологического благополучия выделены шесть: позитивные отношения с другими (наличие теплых и доверительных отношений с другими); автономия (независимость); управление средой (способность человека эффективно применять внешние ресурсы); целенаправленность жизни (высокоразвитая способность к рефлексии, осмысленность); личностный рост (эффективное использование личностных черт, развитие талантов); самопринятие (признание себя, позитивное отношения к своим личностным чертам).

Обзор литературы.

Несмотря на богатую палитру исследований в области ПБЛ, с учетом социально-экономического контекста и событий, происходящих в обществе, можно выделять акценты, привлекающие внимание к интерпретации проблемы психологического благополучия личности. Одним из таких акцентов для современной ситуации являются национальные особенности психологического благополучия личности [\[16, 17\]](#). Можно привести пример работы А.Г. Самохваловой, Е.В. Тихомировой, О.Н. Вишневской, Н.С. Шиповой, Э.В. Асриян, которые в своей статье об особенностях психологического благополучия российских и армянских студентов пришли к выводу, что несмотря на наличие сходств в анализе благополучия как результата и цели деятельности и образа будущего, к которому стремится человек, студенты разных национальностей по-разному интерпретируют содержание этого конструкта. Россияне сочетают семейное, личностное и профессиональное благополучие более органично, чем их армянские ровесники. При этом армянские студенты лучше интегрируют успешность в межличностном и внутриличностном взаимодействии тогда, как российские студенты склонны эти параметры разделять [\[18, с. 123\]](#).

В статье Ли Тун и А.Г. Самохваловой показано, что есть общекультурные и специфические характеристики психологического благополучия у российских и китайских студентов в ранней взрослости. Общей культурной чертой, объединяющей русских и китайских студентов, можно назвать снижение общего уровня психологического благополучия. Подчеркивается, что для российских студентов заметна более высокая степень удовлетворенности жизнью. Россияне придают своей жизни полноценный смысл, нацелены на изменение социального статуса в будущем, стремятся к достижению успеха в жизни. Психологическое благополучие у китайских студентов более определено; его можно изобразить как благополучие, ориентированное на социальную желательность, что объяснимо согласно реальному социокультурному контексту их жизни [\[18, с. 65\]](#).

В исследовании Н.Е. Есманской и Нгуен Ван Ут Ньи, описывающем психологическое благополучие современных российских и вьетнамских студентов, было выявлено, что высокий уровень психологического благополучия характерен только для российских студентов, тогда как в группе вьетнамских студентов обнаружено большее количество респондентов с низким уровнем ПБЛ. Подчеркивается, что наиболее высокие показатели в обеих группах касаются шкалы личностного роста [\[19, с. 1\]](#).

В работе М.А. Латышевой и А.М. Суюновой рассматриваются этнические особенности ценностных характеристик психологического благополучия старшеклассников Крыма на примере русских и татар. Данные демонстрируют различия взаимосвязей ценностей на уровне индивидуальных приоритетов с благополучием у русских и крымскотатарских старшеклассников. Обнаружено, что несмотря на близость показателей ценностей респондентов из разных этнических групп на уровне индивидуальных приоритетов, динамические отношения между ценностными типами у подростков-крымских татар носят более выраженный конкурентный характер, чем у их русских сверстников, снижая степень психологического комфорта школьников [\[20, с. 89\]](#).

Учитывая, что тема представлена сравнительно небольшим количеством исследований, а также в связи с актуальностью анализа особенностей психологического благополучия представителей разных национальных групп, мы предприняли эмпирическое исследование психологического благополучия и представлений о собственной жизни

русских и калмыцких студентов.

Уточним, что, согласно Большому универсальному словарю русского языка понятие «национальность» определяется как: «принадлежность к какой-либо нации, народности как этническая характеристика человека» [21, с. 601]. Среди них такие национальности как русские и калмыки. Этот же словарь определяет понятие «русский» как «восточнославянский народ, составляющий основное население России; представители этого народа», а «калмыки» как «народ, составляющий основное население Калмыкии; представители этого народа» [21, с. 530].

Материалы и методы исследования.

Целью исследования является изучение особенностей психологического благополучия и представлений о собственной жизни у русских и калмыцких студентов.

В качестве задач исследования мы определили, во-первых, проанализировать особенности психологического благополучия в группах русских и калмыцких студентов; во-вторых, выделить особенности представлений о жизни в группах русских и калмыцких студентов; в-третьих, сравнить особенности взаимосвязей между показателями психологического благополучия и представлениями о жизни в группах русских и калмыцких студентов.

На основе анализа исследований по проблеме мы сформулировали следующие гипотезы:

- в группах русских и калмыцких студентов могут быть обнаружены значимые различия в уровневых показателях психологического благополучия;
- в группах русских и калмыцких студентов могут быть обнаружены значимые различия в особенностях представлений о жизни;
- взаимосвязи между показателями психологического благополучия и особенностями представлений о жизни в группах русских и калмыцких студентов могут различаться.

Выборку исследования составили две группы студентов в возрасте от 18 до 23 лет по 40 человек:

1 . Группа русских студентов (далее – группа 1), обучающихся в Российской государственный аграрный университет (Московская сельско-хозяйственная академия) им. К.А. Тимирязева, родившихся, проживших большую часть жизни и проживающих в настоящее время в г. Москве. Среди них 11 мужчин (27,5 %) и 29 женщин (72,5 %).

2 . Группа калмыцких студентов (далее – группа 2), обучающихся в Калмыцком государственном университете им. Б.Б. Городовикова, родившихся, проживших большую часть жизни и проживающих в настоящее время в г. Элиста, Республики Калмыкия. Среди них 18 мужчин (45 %) и 22 женщины (55 %).

В качестве методологии исследования были выбраны дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, опросник «Шкала психологического благополучия К. Рифф» (адаптирован Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко) и проективная рисуночная методика «Моя жизнь» (авторы - С.А. Безгодова, А.В. Микляева, С.М. Яцышин), «метод экспертов оценок по дискретной шкале Лайкерта», а для обработки и анализа полученных данных были применены методы математической статистики. Математическая обработка статистических данных проводилась при помощи программы SPSS Statistics 22.0.

Результаты исследования.

Данные о процентном соотношении респондентов с разным уровнем ПБЛ в группах 1 и 2 представлены в таблице 1.

Таблица 1

Соотношение респондентов с разным уровнем ПБЛ в группе 1 и группе 2

Показатель ПБЛ	Русские			Калмыки		
	Низкий уровень, %	Средний уровень, %	Высокий уровень, %	Низкий уровень, %	Средний уровень, %	Высокий уровень, %
Позитивные отношения	45	55	-	25	70	5
Автономия	15	65	20	-	75	25
Управление средой	42,5	55	2,5	30	62,5	7,5
Личностный рост	22,5	72,5	5	20	70	10
Цели в жизни	45	55	-	30	70	-
Самопринятие	37,5	62,5	-	22,5	62,5	15
Общий показатель ПБ	40	60	-	22,5	75	2,5

Для группы 1 характерно отсутствие респондентов с высоким уровнем показателя ПБЛ. Большинство респондентов группы 1 демонстрируют средние значения общего показателя ПБ, а 40% респондентов относятся к группе с низким уровнем ПБЛ. Что касается отдельных шкал, то такая же тенденция, то есть отсутствие либо незначительное количество респондентов с высокими показателями по шкалам, характерна для всей группы. Только 20% респондентов группы 1 демонстрируют высокий уровень ПБЛ по шкале «Автономия». Большинство имеют средние значения по всем шкалам. Что касается низких показателей, то такие показатели характерны для 45% респондентов по шкале «Управление средой», для 45% респондентов по шкале «Позитивные отношения с окружающими» и 42,5% респондентов по шкале «Управление средой».

В группе 2 соотношение показателей по разным уровням ПБЛ по всем шкалам свидетельствует о том, что при незначительном количестве респондентов с низким уровнем ПБЛ (2,5%), основная часть респондентов (62,5%) демонстрируют средний уровень общего показателя психологического благополучия. Наиболее «ресурсным» для группы 2 является показатель «Автономия», поскольку респондентов с низким уровнем по этому показателю нет, а доля респондентов со средним и высоким уровнем составляет 75% и 25% соответственно.

Если говорить об общей тенденции, предваряющей анализ значимых различий в показателях ПБЛ в группах 1 и 2, то можно констатировать более «благоприятную» ситуацию по уровневым показателям ПБЛ в группе 2. Кроме того, если для группы 1 «ресурсным» является показатель «Автономия», то для группы 2, кроме этого показателя, вклад в общий показатель ПБЛ вносят такие шкалы, как «Самопринятие», «Личностный рост» и «Управление средой».

Мы провели анализ значимых различий между показателями ПБЛ двух групп по критерию Манна-Уитни. В результате статистической обработки данных значимых различий между показателями психологического благополучия в выделенных группах обнаружено не было.

Следующая задача исследования посвящена сравнительному анализу особенностей представлений о жизни в группе русских студентов (группа 1) и в группе калмыцких студентов (группа 2). Группа экспертов в количестве 5 человек (студенты профильного факультета Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова) оценивали результаты рисуночной методики «Моя жизнь» с помощью метода экспертных оценок по дискретной шкале Лайкерта по критериям: стабильность-изменчивость, доброжелательность-враждебность мира, эмоциональный фон (позитивный/негативный), активность-пассивность, границы с миром (присутствуют/отсутствуют), границы с социумом (присутствуют/отсутствуют).

Значения полученных в результате экспертной оценки показателей рисуночной методики «Моя жизнь» представлены на рисунке 1.

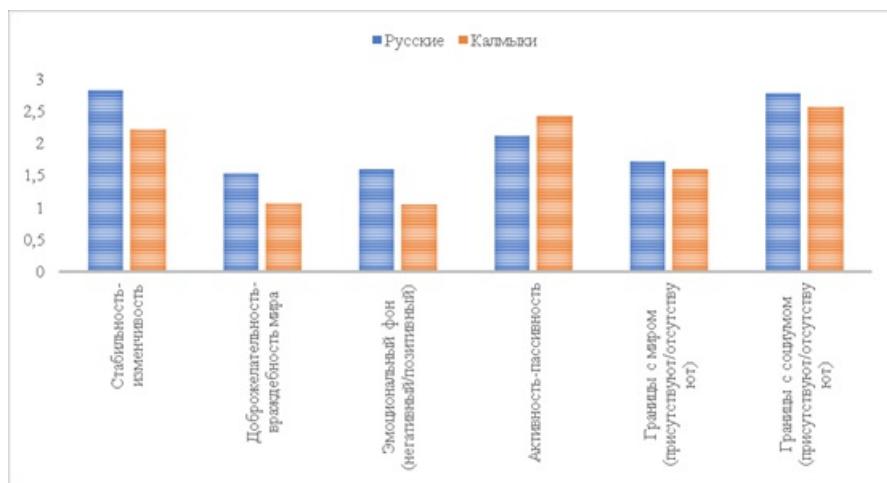

Рисунок 1 - Сравнение средних значений показателей рисуночной методики «Моя жизнь» в группе 1 и группе 2

Есть смысл уточнить, что эксперты оценивали параметры, опираясь на предложенные авторами методики «интерпретационные контексты»: общая характеристика жизни, эмоциональный фон жизни, осмысленность жизни и «границы» собственной жизни и соответствующие этим контекстам показатели. Общий «портрет» собственной жизни для респондентов группы 1 достаточно противоречив. С одной стороны, образ характеризуется высокими показателями по таким дескрипторам, как «стабильная», «доброжелательная», однако доминирует «негативный эмоциональный фон», актуализированы «границы» с миром и социумом. Для группы 2 характерно более «сбалансированное» представление о собственной жизни, связанное с высокими значениями по показателям «доброжелательность» мира и «активность» при тенденции к отсутствию «границ» с миром и социумом.

Проведенный анализ значимых различий между показателями рисуночной методики «Моя жизнь» в двух группах по У критерию Манна-Уитни позволяет констатировать, что значимых различий обнаружено не было.

Самостоятельной задачей исследования явилось изучение корреляционных связей в группах 1 и 2 между показателями ПБЛ и проективной рисуночной методики «Моя жизнь» с целью проверки гипотезы о том, что взаимосвязи между показателями психологического благополучия и особенностями представлений о жизни в группах русских и калмыцких студентов могут различаться. Проведенный корреляционный анализ (по критерию Пирсона) показал, что взаимосвязи между показателями этих методик, а также возрастом респондентов как в группе 1 (табл.2), и в группе 2 (табл.3) различны.

Таблица 2 - Значимые корреляционные связи между показателями ПБЛ и показателями методики «Моя жизнь» в группе 1

	Возраст	Позитивные отношения	Автономия	Управление средой	Личностный рост	Цели в жизни	Сай
Стабильность-изменчивость	-	-	-	,324*	-	-	-
Активность-пассивность	-	-	-	,433**	-	-	-
Границы с социумом (присутствуют/отсутствуют)	-,364*	-	-	-	-	-	-

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Таблица 3 - Значимые корреляционные связи между показателями ПБЛ и показателями методики «Моя жизнь» в группе 2

	Позитивные отношения	Автономия	Управление средой	Личностный рост	Цели в жизни	С
Стабильность-изменчивость	-	-	-	,490**	-	-
Активность-пассивность	-	-	-	-,419**	-	-
Границы с миром (присутствуют/отсутствуют)	-	-	-	-	-	-

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Исходя из полученных данных, можно констатировать, что характеристика стабильности/изменчивости собственной жизни респондентов разных национальностей связаны с разными показателями ПБЛ. В группе 1 показатель ПБЛ «управление средой» положительно связан с показателем «стабильности/изменчивости жизни», то есть чем больше респондент обладает властью и компетенцией в управлении окружением, тем больше изменений в собственной жизни демонстрирует испытуемый. Также чем больше показатель «управлением средой», тем более пассивная жизнь изображается опрашиваемыми, то есть, чем больше контролируется вся внешняя деятельность, тем пассивней человек вступает во взаимодействие с внешним миром. Для группы 1 характерна отрицательную взаимосвязь между возрастом опрашиваемых и присутствием/отсутствием «границ с социумом», то есть чем старше респонденты, тем в представлениях о своей жизни больше актуализируется «граница» по отношению к социуму.

В группе 2 показатель ПБЛ «личностный рост» положительно связан со «стабильностью/изменчивостью жизни», то есть чем выше «личностный рост», тем выше изменчивость жизни у испытуемых или чем больше респондент изменяется в соответствии с собственными познаниями и достижениями, тем большей динамичностью характеризуется его представление о собственной жизни. Показатель «личностный рост» отрицательно связан с «активностью/пассивностью жизни», то есть чем выше субъективная оценка реализации своего личностного потенциала, тем больше

представления о собственной оцениваются по показателю «пассивность». Отрицательный характер взаимосвязи между показателем ПБЛ - «самопринятие» и «границы с миром» свидетельствует о том, что, чем выше человек оценивает свое прошлое, тем более акцентирован показатель наличие «границ» с миром.

Обсуждение результатов исследования.

Возможность полноценной интерпретации полученных данных предполагает основательного обращения к анализу ценностно-смысловой сферы выделенных по этническому признаку групп респондентов и представляет собой перспективной направление дальнейших исследований. Гипотезы о наличии значимых различий у групп 1 и 2 по показателям психологического благополучия личности и особенностей представлений о жизни не подтвердились. Однако, данные, полученные на этом этапе эмпирического исследования, могут свидетельствовать о том, что особенности психологического благополучия молодых людей взаимосвязаны с их представлениями о собственной жизни, причем разные составляющие психологического благополучия находятся во взаимосвязи с различными аспектами представлений о собственной жизни в группах студентов с разными социально-демографическими характеристиками.

Ограничения исследования.

К ограничениям исследования следует отнести, во-первых, небольшой объем выборки и возрастные ограничения. Во-вторых, существуют также ограничения, связанные с возможностями проективных методик и работы по интерпретации результатов. Указанные ограничения могут рассматриваться как ориентиры для направлений дальнейших исследований.

Заключение.

Таким образом, в исследовании получены данные об отсутствии значимых различий в показателях психологического благополучия, включая общий уровень психологического благополучия, а также в представлениях о собственной жизни по параметрам общей характеристики жизни, эмоционального фона жизни, осмыслинности жизни и «границ» с миром и социумом в группах русских и калмыцких студентов. Вместе с тем, в результате корреляционного анализа обнаружено, что для выделенных групп студентов разные показатели психологического благополучия взаимосвязаны с такими особенностями представлений о собственной жизни, как «стабильность – изменчивость» и «активность – пассивность». Для группы русских студентов – это возможность управлять и изменять окружающую среду, тогда как у калмыцких студентов – это стремление к реализации своего потенциала и личностному росту.

Выводы.

Нами были достигнуты задачи: во-первых, проанализировать особенности психологического благополучия в группах русских и калмыцких студентов, где у калмыцких студентов уровневые показатели выше; во-вторых, были выделены особенности представлений о жизни у обеих групп; в-третьих, найдены корреляции у обеих групп между показателями ПБЛ и представлениями о своей жизни. В дальнейшем мы рассматриваем более основательный анализ полученных данных в качестве перспективы дальнейших исследований в области психологического благополучия личности и представлений о собственной жизни у групп русских и калмыцких студентов. Проведенное пилотажное исследование открывает дальнейшие возможности по изучению темы взаимосвязи психологического благополучия и представлений о

собственной жизни человека с учетом как собственно качественных особенностей взаимосвязей, так и влияния различных факторов внутреннего и средового характера на эти особенности. Особого внимание требует анализ диагностических возможностей методических инструментов, в частности, требует уточнения возможность обращения к проективным методикам как вспомогательному психодиагностическому инструментарию.

Библиография

1. Болаева Г.Б. Исследование жизненного пространства личности в истории психологии // Теоретическая и прикладная психология: Традиции и перспективы материалы IX Всероссийской молодежной научно-практической конференции. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2016. С. 38-41.
2. Панюкова Ю.Г., Панина Е.Н., Болаева Г.Б. Проблемы и перспективы исследования феномена благополучия в российской психологии // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 12. С. 79-84.
3. Sarasjärvi, K.K., Elovinio M., Appelqvist-Schmidlechner, K., Solin, P., Tamminen, N., Therman, S. (2023). Exploring the structure and psychometric properties of the Warwick-Edinburgh Mental Well-Being Scale (WEMWBS) in a representative adult population sample. *Psychiatry Research*, 328. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2023.115465>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0165178123004158>).
4. De Vries, L.P., Pelt, D.H.M., Van der Ploeg H.P., Chinapaw, M. J.M, De Geus, E.J.C., Bartels, M. (2022). The association between well-being and a large variation of accelerometer-assessed physical activity and sedentary behavior measures. *Mental Health and Physical Activity*, 22. <https://doi.org/10.1016/j.mhpaa.2022.100446>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1755296622000084>).
5. De Vries, L.P., Van de Weijer, M., Bartels, M. P. (2023). A systematic review of the neural correlates of well-being reveals no consistent associations. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 145. URL: <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2023.105036>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0149763423000052>).
6. Lengieza, M. L., (2024). Eudaimonic self-expansion: The effects of eudaimonic reflections on nature connectedness *Journal of Environmental Psychology*, 94. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2024.102231>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272494424000033>).
7. Upsher, R., Nobili, A., Hughes, G., Byrom, N. A. (2022). Systematic review of interventions embedded in the curriculum to improve university student wellbeing. *Educational Research Review*, 37. URL: <https://doi.org/10.1016/j.edurev.2022.100464>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1747938X22000331>).
8. Jagannath, S., Gatersleben, B., Ratcliffe, E. (2024). Flexibility of the home and residents' psychological wellbeing. *Journal of Environmental Psychology*, 96. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2024.102333>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272494424001063>).
9. Пуговкина О.Д., Шильникова З.Н. Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия // Современная зарубежная психология. № 2, 2014. С. 18-22.
10. Мешкова Т.А., Бакланова, Е.Г. Психологическое благополучие в предпенсионном и пенсионном возрасте: эффекты академического хорового пения // Консультативная психология и психотерапия. 2024. Том 32. № 1. С. 79-102.
11. Biswas, T., Mäkelä, L., Andresen, M. (2022). Work and non-work-related antecedents of expatriates' well-being: A meta-analysis. *Human Resource Management Review*, 32. URL: <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2021.100889> (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1053482221000711>).

12. Жуковская Л. В., Трошихина Е. Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 2. С. 82-93.
13. Лепешинский Н.Н. Адаптация опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф. // Психологический журнал, 2007 г. № 3. С. 24-37.
14. Tejada-Gallardo, C., Blasco-Belled, A., Alsinet, C. (2023) Does mental well-being predict being perceived as a happy peer? A longitudinal social network study. *Personality and Individual Differences, Volume 202*. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111988>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886922004937>).
15. Исаева О.М., Акимова А.Ю., Волкова Е.Н. Факторы психологического благополучия российской молодежи // Психологическая наука и образование. 2022. Том 27. № 4. С. 24-35. URL: <https://doi.org/10.17759/pse.2022270403>
16. Ли Тун, Самохвалова А.Г., Психологическое благополучие российских и китайских студентов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. Т. 28, № 4. С. 65-69. URL: <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-4-65-69>
17. Мартиросян К.В. Суверенность личного пространства как предмет теоретического и эмпирического психологического исследования // Вестник евразийской науки. 2013. № 6 (19). С. 20-25.
18. Самохвалова А.Г., Тихомирова Е.В., Вишневская О.Н., Шипова Н.С., Асриян Э.В. Особенности психологического благополучия российских и армянских студентов // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 2. С. 123-143.
19. Есманская Н. Е., Нгуен Ван Ут Ньи Психологическое благополучие современных российских и вьетнамских студентов (на примере студентов Воронежского государственного университета) / отв. ред. С. А. Водяха. Психологическое благополучие современного человека: материалы Международной заочной научно-практической конференции. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2019.
20. Латышева М. А., Суюнова А. М. Кызы Этнические особенности ценностных характеристик психологического благополучия старшеклассников Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2021. № 4. С. 89-97.
21. Большой универсальный словарь русского языка: в 2-х томах / Под редакцией В. В. Морковкина. Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина. М.: Грамота: АСТ-Пресс Школа, 2023.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются психологическое благополучие и представления о жизни у русских и калмыцких студентов.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также опросник «Шкала психологического благополучия К. Рифф» в адаптации Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко и проективная рисуночная методика «Моя жизнь», «метод экспертов оценок по дискретной шкале Лайкерта», а для обработки и анализа полученных данных были применены методы математической статистики.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях социальных трансформаций сущность и содержание психологического благополучия личности подвержены значительным изменениям. Кроме того, феномен

психологического благополучия личности характеризуется социокультурными особенностями с учетом национальных культурных различий. В этом контексте изучение особенностей психологического благополучия и представлений о жизни на примере русских и калмыцких студентов, представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике «особенностей психологического благополучия и представлений о собственной жизни у русских и калмыцких студентов». В исследования приняли участие студенты двух образовательных организаций, а именно, обучающиеся в РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева (город Москва) и обучающиеся в Калмыцком государственном университете им. Б.Б. Городовикова (город Элиста). Возраст студентов составил от 18 до 23 лет, от каждой образовательной организации было обследовано по 40 человек.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме, использованием терминологии, характеризующей предмет исследования, а также описанием полученных результатов.

Структура статьи, к сожалению, не полностью выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает в себя актуальность, организация исследования, методы исследования, анализ полученных данных, ограничения исследования, заключение и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особый имеет выявленная тенденция, «данные, полученные на этом этапе эмпирического исследования, могут свидетельствовать о том, что особенности психологического благополучия молодых людей взаимосвязаны с их представлениями о собственной жизни, причем разные составляющие психологического благополучия находятся во взаимосвязи с различными аспектами представлений о собственной жизни в группах студентов с разными социально-демографическими характеристики».

Библиография содержит 21 источник, включающий в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих различные подходы к рассмотрению вопросов психологического благополучия личности, особенностей этого феномена и факторов, которые его определяют. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «в исследовании получены данные об отсутствии значимых различий в показателях психологического благополучия, включая общий уровень психологического благополучия, а также в представлениях о собственной жизни по параметрам общей характеристики жизни, эмоционального фона жизни, осмысленности жизни и «границ» с миром и социумом в группах русских и калмыцких студентов. Вместе с тем, в результате корреляционного анализа обнаружено, что для выделенных групп студентов разные показатели психологического благополучия взаимосвязаны с такими особенностями представлений о собственной жизни, как «стабильность – изменчивость» и «активность – пассивность». Для группы русских студентов – это возможность управлять и изменять окружающую среду, тогда как у калмыцких студентов – это стремление к реализации своего потенциала и личностному росту».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководителями, администрации

образовательных организаций, специалистами по работе со студентами, психологами, социальными педагогами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что особое внимание целесообразно было бы уделить структуре научной статьи и отдельным ее элементам, в частности, представить и выделить отдельными заголовками введение (актуальность может входить во введение); обзор литературы; раздел «Организация исследования» целесообразно было бы объединить с методами исследования и озаглавить «Материалы и методы», при этом методы следовало бы описать более подробно именно в этом разделе, поскольку в тексте встречаются упоминание о методах, которые изначально не были указаны в разделе «Методы исследования»; не указаны разделы «Результаты исследования» и «Обсуждение результатов», представлен только «Анализ полученных данных» и «Ограничения исследования»; кроме представленного заключения целесообразно было бы сформулировать выводы по проведенному исследованию. При оформлении таблиц и рисунков необходимо обратить внимание на требования действующих ГОСТов и оформить их в соответствии с этими требованиями. Сокращенное название образовательной организации «РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева» целесообразно было бы написать полностью, как указано название второй образовательной организации, студенты которой сравнивались со студентами первой образовательной организации. Возможно, в качестве рекомендации, целесообразно было бы пересмотреть название статьи и сделать его более обобщенным, отказавшись в названии от упоминания сравниваемых групп, раскрыть этот аспект и конкретизировать его в самом содержании исследования. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить, доработать текст статьи, в плане его структуры, а саму рукопись рекомендуется вернуть на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования:

Методология исследования: качестве методологии исследования были выбраны дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, опросник «Шкала психологического благополучия К. Рифф» (адаптирован Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко) и проектная рисуночная методика «Моя жизнь» (авторы - С.А. Безгодова, А.В. Микляева, С.М. Яцышин), «метод экспертных оценок по дискретной шкале Лайкерта», а для обработки и анализа полученных данных были применены методы математической статистики. Математическая обработка статистических данных проводилась при помощи программы SPSS Statistics 22.0.

Актуальность: эмпирическое исследование психологического благополучия и представлений о собственной жизни русских и калмыцких студентов является актуальным, поскольку тема

представлена сравнительно небольшим количеством исследований, а также в связи с актуальностью анализа особенностей психологического благополучия представителей разных национальных групп.

Научная новизна: заключалась в выявлении корреляции у обеих групп между показателями ПБЛ и представлениями о своей жизни, а также в связи с актуальностью анализа особенностей психологического благополучия представителей разных национальных групп, мы предприняли эмпирическое исследование психологического

благополучия и представлений о собственной жизни русских и калмыцких студентов. Стиль, структура, содержание: статья хорошо структурирована, написана четким и научным языком, выводы обоснованы, литература соответствует, заявленной тематике. Все разделы статьи логически взаимосвязаны, а положения статьи подтверждены цитатами из авторитетных источников и ссылками на научные исследования.

Библиография: цитируемость научных источников – использованы актуальные источники с 2017 по 2023 гг., охватывающие проблематику рассматриваемого направления исследования.

Апелляция к оппонентам: апелляция к оппонентам заявлена на примере широкого и подробного анализа литературы, в том числе и авторов, которые не были упомянуты в списке литературы, но имеющих широкое признание в научной среде. Апелляция к оппонентам выражена при обращении к работам М.А. Латышевой и А.М. Суюновой, где рассматриваются этнические особенности ценностных характеристик психологического благополучия старшеклассников Крыма на примере русских и татар. Д

Выводы, интерес читательской аудитории: в исследовании получены данные об отсутствии значимых различий в показателях психологического благополучия, включая общий уровень психологического благополучия, а также в представлениях о собственной жизни по параметрам общей характеристики жизни, эмоционального фона жизни, осмысленности жизни и «границ» с миром и социумом в группах русских и калмыцких студентов. Вместе с тем, в результате корреляционного анализа обнаружено, что для выделенных групп студентов разные показатели психологического благополучия взаимосвязаны с такими особенностями представлений о собственной жизни, как «стабильность – изменчивость» и «активность – пассивность».

Психолог*Правильная ссылка на статью:*

Кобрянова И.В., Назаров С.С., Серова Ю.С., Фетцова Л.Н., Ятманов А.Н. Математическая модель прогноза нервно-психической устойчивости курсанта // Психолог. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.6.69806
EDN: HIRUTQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69806

Математическая модель прогноза нервно-психической устойчивости курсанта

Кобрянова Ирина Викторовна

кандидат психологических наук

старший научный сотрудник, Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова
194044, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, 6

serziulia@gmail.com

Назаров Сергей Сергеевич

кандидат медицинских наук

старший научный сотрудник, НИИ спасания и подводных технологий
198411, Россия, Санкт-Петербург, г. Ломоносов, ул. Морская, 4

pochta92@mail.ru

Серова Юлия Сергеевна

научный сотрудник, Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова
194044, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, 6

serziulia@gmail.com

Фетцова Люция Наильевна

младший научный сотрудник, Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова
194044, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, 6

serziulia@gmail.com

Ятманов Алексей Николаевич

кандидат медицинских наук

докторант, Военно-медицинская академия
194044, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, 6

yan20220@mail.ru

[Статья из рубрики "Внутренний мир человека"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8701.2024.6.69806

EDN:

HIRUTQ

Дата направления статьи в редакцию:

09-02-2024

Аннотация: Военная служба является особым видом деятельности, высокую роль в которой играет стрессовое воздействие на человека. Статья посвящена изучению влияния когнитивных способностей на нервно-психическую устойчивость у курсантов, как одному из наиболее дискутабельных вопросов в медико-психологическом сопровождении военнослужащих. Предмет исследования: влияние когнитивных способностей на нервно-психическую устойчивость курсантов. Объектом исследования является: 1822 курсанта Военно-морского политехнического института в возрасте от 18 до 26 лет с различным уровнем нервно-психической устойчивости. Разделение выборки на три части произведено по уровню нервно-психической устойчивости. Особое внимание уделяется статистической обработке данных, как важному элементу научного метода познания мира. В статье приведены примеры расчета модели прогноза уровня нервно-психической устойчивости у курсанта. Проведено сравнительное исследование когнитивных способностей курсантов с различным уровнем нервно-психической устойчивости. Математическое моделирование проведено с применением дискриминантного анализа. Предикторами нервно-психической устойчивости курсанта является сочетание показателей их когнитивного развития: способность к установлению логических взаимоотношений между понятиями на основе операций анализа и синтеза, уровень развития вербально-логического мышления; темповые характеристики мыслительной деятельности, уровень развития оперативного мышления и оперативной памяти, а также характеристики внимания; способность к преобразованию зрительных образов в пространстве, уровень развития пространственно-образного мышления. Показано, что уровень коммуникативных способностей увеличивается от низкой к высокой нервно-психической устойчивости. При этом различия между показателями курсантов с высокой нервно-психической устойчивостью различается достоверно по сравнению с курсантами со средней и низкой, различия между группами с низкой и средней устойчивостью определены на уровне тенденции. Получена модель прогноза уровня нервно-психической устойчивости: Лямбда Уилкса: 0,95595 прибл. F (6,3634)=13,799 p

Ключевые слова:

когнитивные способности, нервно-психическая устойчивость, военнослужащий, курсант, медико-психологическое сопровождение, прогноз, математическая модель, влияние, стресс, устойчивость

Военная служба является особым видом деятельности, высокую роль в которой играет стрессовое воздействие на человека [10, 12]. Преодоление стрессовых ситуаций обусловлено уровнем нервно-психической устойчивости (НПУ) [1, 13].

Вопросы нервно-психической устойчивости представлены научными трудами, как зарубежных психологов, педагогов, так и отечественными. Так, по мнению зарубежного психолога, педагога Е.В. Мельник НПУ – совокупность компонентной индивидуализации психолого-педагогической подготовки человека [8]. По словам Л.И. Спивака – она проявляется в склонности к срывам в деятельности нервной системы при значительном психическом и физическом напряжении [2]. Автор видит причину в явных или скрытых нарушениях эмоционально-волевой сфере, а также в интеллектуальной саморегуляции человека. Некоторые ученые утверждают, что НПУ – это фрустрационная толерантность или стрессоустойчивость [14].

В.В. Юсупов нервно-психическую устойчивость сопоставляет с характеристикой, которая обусловливает состояние устойчивого уровня развития когнитивных психических процессов, эмоционально-волевой регуляции и поведенческих реакций в процессе профессиональной деятельности [16]. НПУ определяется как способность человека регулировать свое взаимодействие с окружающей его средой, а также целенаправленно действовать в этой среде [7, 17]. К основным элементам НПУ относят: самооценку, уровень эмоциональной стабильности, наличие социального одобрения со стороны окружающих его людей [5]. Представляет интерес влияние когнитивных способностей на нервно-психическую устойчивость человека [11], что и являлось целью исследования.

Цель работы: разработать математическую модель прогноза нервно-психической устойчивости на основе особенностей когнитивных способностей курсанта.

Материалы и методы. Обследовано 1822 курсантов Военно-морского политехнического института в возрасте от 18 до 26 лет. Уровень нервно-психической устойчивости определяли с помощью методики МЛО «Адаптивность» [3]. Военнослужащие с уровнем НПУ более 7 стен ($n=565$) отнесены к группе «Высокая НПУ», от 4 до 7 стен ($n=1186$) – к группе «Средняя НПУ», к группе «Низкая НПУ» с уровнем менее 4 стен, отнесены 71 обследованный [15]. Когнитивные способности оценивали с помощью методики КР – 3 – 85 [6].

Статистическая обработка проводилась с применением программы Statistica 10,0. Проверку на нормальность распределения проводили с применением критерия Колмогорова-Смирнова. Сравнительный анализ с применением параметрического критерия t-Стьюарта, при проведении множественных сравнений применяли поправку Бонферрони, то есть в трех группах статистически значимым считали различия при $p<0,017$ ($0,05/3=0,017$) [4]. Математическое моделирование проведено на основе дискриминантного анализа [9].

Результаты и их обсуждение. При проведении дискриминантного анализа методом «вперед пошагово» получена модель прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта: Лямбда Уилкса: 0,95595 прибл. $F (6,3634)=13,799$ $p<0,0001$ и определены дискриминантные переменные (табл. 1).

Таблица 1

Дискриминантные переменные

Показатель	Уилкса Лямбда	Частная Лямбда	F- исключ (2,18)	p- уров.	Толер.	1- толер. (R-кв.)
------------	------------------	-------------------	------------------------	-------------	--------	-------------------------

Аналогии	0,9700	0,9855	13,3998	0,0000	0,8299	0,1701
Арифметический счет	0,9619	0,9938	5,6820	0,0035	0,8559	0,1441
«Кубы»	0,9607	0,9950	4,5311	0,0109	0,8957	0,1043

Выявлено, что предикторами нервно-психической устойчивости курсантов военного вуза является сочетание показателей когнитивного развития: способность к установлению логических взаимоотношений между понятиями на основе операций анализа и синтеза, уровень развития вербально-логического мышления – субтест аналогии (Ан); темповые характеристики мыслительной деятельности, уровень развития оперативного мышления и оперативной памяти, а также характеристики внимания – субтест арифметический счет (АС); способность к преобразованию зрительных образов в пространстве, уровень развития пространственно-образного мышления – субтест «кубы» (К).

Показано, что уровень коммуникативных способностей увеличивается от низкой к высокой нервно-психической устойчивости. При этом различия между показателями высокой НПУ различается достоверно ($p<0,017$) по сравнению со средней и низкой выраженностью, различия между группами с низкой и средней устойчивостью определены на уровне тенденции ($0,017 < p < 0,05$) (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ дискриминантных переменных, ($x \pm s$)

Показатель	Низкая НПУ	Средняя НПУ	Высокая НПУ
Аналогии	$5,91 \pm 1,8$	$6,37 \pm 1,9^*$	$6,95 \pm 2,0^{**}$
Арифметический счет	$5,77 \pm 1,6$	$6,18 \pm 1,7^*$	$6,74 \pm 1,7^{**}$
«Кубы»	$5,65 \pm 2,0$	$6,16 \pm 2,1^*$	$6,65 \pm 2,1^{**}$

Примечания: * $p 0,017 < p < 0,05$ с группой «Низкая НПУ»

** $p < 0,017$ с группой «Средняя НПУ» и «Низкая НПУ»

На основе дискриминантной модели прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта обследованный относится к одной из трех групп.

Компоненты классификационных функций: переменные и коэффициенты при переменных, константы трех ЛКФ, для определения прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта представлены в таблице 3.

Таблица 3

Классификационные функции для определения прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта

Показатели	Коэффициенты		
	ЛКФ-1 Низкая НПУ	ЛКФ-2 Средняя НПУ	ЛКФ-3 Высокая НПУ
Аналогии	1,3509	1,409	1,5232
Арифметический счет	0,9796	1,056	1,1434
«Кубы»	0,7689	0,8849	0,9412
Константа	-10,6239	-12,6323	-13,413

Дискриминантная модель имеет прогностическую способность – 68%, при этом ни одно наблюдение из групп средняя и высокая НПУ не было неправильно диагностировано как низкая НПУ. В группе низкая НПУ, правильно определено 53,5 курсантов, что позволяет предположить, что данная модель наиболее эффективно способна определять курсантов данной группы, с целью проведения с ними коррекционных мероприятий (табл. 4).

Таблица 4

Точность распознавания прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта (базовый расчет)

Устойчивость	Точность распознавания, %	Количество обследованных, чел		
		Низкая НПУ	Средняя НПУ	Высокая НПУ
Низкая НПУ	89,63	0	1063	123
Средняя НПУ	53,52	38	33	0
Высокая НПУ	24,42	0	427	138
Всего	68,00	38	1523	261

Алгоритм определения прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта представлен на рисунке 1.

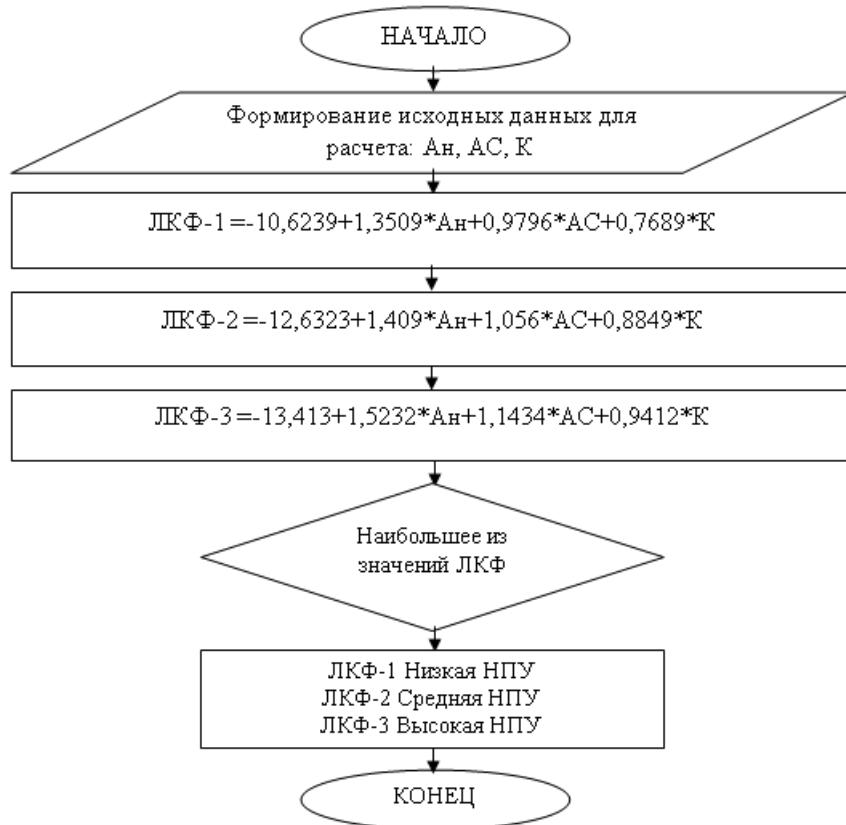

Рис. 1. Алгоритм определения прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта

Для определения прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта производят расчет по всем имеющимся формулам, та группа, результаты которой являются наибольшими и является искомой. Для линейных классификационных функций данная процедура является стандартной.

(ЛКФ-i)_{max}= Низкая НПУ (1), Средняя НПУ (2), Высокая НПУ (3).

Пример 1. У обследуемого определены показатели: А_н = 9, А_С = 9, К = 8. При расчете формул ЛКФ-1 = 17,025; ЛКФ-2 = 15,209; ЛКФ-3 = 18,116. Максимальное число соответствует расчету формулы для ЛКФ-3, таким образом, у обследованного прогнозируется высокая нервно-психическая устойчивость.

Пример 2. У обследуемого определены показатели: А_н = 6, А_С = 7, К = 6. При расчете формул ЛКФ-1 = 7,2923; ЛКФ-2 = 9,5829; ЛКФ-3 = 9,3772. Максимальное число соответствует расчету формулы для ЛКФ-2, таким образом, у обследованного прогнозируется средняя нервно-психическая устойчивость.

Пример 3. У обследуемого определены показатели: А_н = 4, А_С = 4, К = 3. При расчете формул ЛКФ-1 = 1,2372; ЛКФ-2 = -0,75; ЛКФ-3 = 0,077. Максимальное число соответствует расчету формулы для ЛКФ-1, таким образом, у обследованного прогнозируется низкая нервно-психическая устойчивость.

Выводы.

1. Предикторами нервно-психической устойчивости военнослужащих является сочетание показателей когнитивного развития: способность к установлению логических взаимоотношений между понятиями на основе операций анализа и синтеза, уровень развития вербально-логического мышления; темповые характеристики мыслительной деятельности, уровень развития оперативного мышления и оперативной памяти, а также характеристики внимания; способность к преобразованию зрительных образов в пространстве, уровень развития пространственно-образного мышления.
2. Получена модель прогноза уровня нервно-психической устойчивости: Лямбда Уилкса: 0,95595 прибл. F (6,3634)=13,799 p<0,0001, прогностическая способность 68%, что позволяет применять ее в мероприятиях медико-психологического сопровождения курсантов военного вуза.

Библиография

1. Агафонов П.В., Халимов Ю.Ш., Гайдук С.В., Крюков Е.В. Влияние психологических характеристик военнослужащих на адаптацию к условиям Крайнего севера // Морская медицина. 2021. Т. 7. № 3. С. 41-48.
2. Берг Т.Н. Нервно-психическая устойчивость и способы ее выявления. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2005. 63 с.
3. Бильный А.М., Васильков А.М. Психофизиологические предикторы интеграции человека и системы на современных кораблях ВМФ России // Морская медицина. 2018. Т. 4. № 3. С. 64-74.
4. Гржибовский А.М., Горбатова М.А., Наркевич А.Н., Виноградов К.А. Необходимый объем выборки для сравнения средних величин в двух парных группах // Морская медицина. 2020. Т. 6. № 4. С. 82-88.
5. Забродский Д.С., Зайцев А.Г., Сошкин П.А. Основополагающие принципы обеспечения индивидуального здоровья: обзор // Морская медицина. 2022. Т. 8. № 3. С. 7-21.
6. Колякин В.В., Баурова Н.Н., Зун С.А. Оптимизация массовых психопрофилактических обследований курсантов военных вузов // Морская медицина. 2015. Т. 1. № 4. С. 9-12.
7. Кочубейник Н.В., Степанов В.А., Скляров В.Н., Линченко С.Н., Карабанян К.С. Применение инновационных баротерапевтических средств в коррекции пограничных функциональных состояний лиц опасных профессий // Морская медицина. 2022. Т. 8. № 1. С. 38-43.

8. Мельник Е.В., Силич Е.В. Нервно-психическая устойчивость как компонент индивидуализации психологической подготовки спортсменов // Вестник Гродненского университета Янки Купалы. Серия 3. Физиология, педагогика, психология. 2009. 3(88). С. 138-142.
9. Митькина Е.А., Козлова Ю.Г., Горбатова М.А., Гржибовский А.М. Анализ надежности оценки дихотомических исходов: размер выборки и расчет каппа-статистики // Морская медицина. 2023. Т. 9. № 3. С. 102-112.
10. Мосягин И.Г. Роль и место морской медицины // Морская медицина. 2023. Т. 9. № 3. С. 7-12.
11. Осипова А.А., Тюрбеева Д.С. Психологические особенности совладающего поведения военнослужащих // Живая психология. 2023. Т. 10. № 1 (41). С. 15-23.
12. Рахманов Р.С., Богомолова Е.С., Разгулин С.А., Спирин С.А. Оценка реакции организма плавсостава при работах в море по интегральным показателям здоровья: когортное исследование // Морская медицина. 2023. Т. 9. № 3. С. 56-63.
13. Тягнерев А.Т., Безкишкий Э.Н., Лобозова О.В., Степанов В.А., Линченко С.Н., Афендиков С.Г., Карабанян К.С. Проблема контроля функционального состояния и работоспособности плавсостава Военно-морского флота в процессе профессиональной деятельности // Морская медицина. 2019. Т. 5. № 4. С. 74-83.
14. Холматова К.К., Харькова О.А., Горбатова М.А., Гржибовский А.М. Гибридные исследования в медицине и здравоохранении // Морская медицина. 2022. Т. 8. № 3. С. 105-117.
15. Фертикова Т.Е. Состояние здоровья студентов и здоровьесберегающие технологии: региональный опыт вузов России // Морская медицина. 2019. Т. 5. № 2. С. 34-44.
16. Чермянин С.В., Корзунин В.А., Юсупов В.В. Методологические аспекты диагностики нервно-психической неустойчивости у специалистов экстремальных видов деятельности // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2008. 6. С. 49-54.
17. Чернявский Е.А., Зеленина Н.В., Юсупов В.В., Григоров А.В. Использование современных психофизиологических аппаратно-программных комплексов в прогнозировании устойчивости к боевому стрессу // Известия Российской военно-медицинской академии. 2022. Т. 41. № 3. С. 277-282.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья выполнена на интересную тему, поскольку попытки математическим образом моделировать прогнозы нервно-психической устойчивости должны иметь, прежде всего, практическое значение. Поэтому в отношении такого рода тем очень важно обоснование актуальности, позволяющее заинтересовать потенциального читателя. Однако в представленном на рецензирование тексте нет обоснования актуальности заявленной темы исследования. Соответственно, не совсем понятно, для чего нужна математическая модель прогноза нервно-психической устойчивости курсанта. Этому важному обстоятельству внимание не уделено. Автор просто пишет о нервно-психической устойчивости курсантов, о военной службе и т.д. При этом с первого предложения ссылается на других авторов. Хотя и без ссылок понятно, что «военная служба является особым видом деятельности, высокую роль в которой играет стрессовое воздействие на человека». О математическом же моделировании во введении не сказано ничего. Просто констатируется, что «НПУ определяется как

способность человека регулировать свое взаимодействие с окружающей его средой, а также целенаправленно действовать в этой среде». То есть, очевидно, что актуальность исследования заявленной тематики обоснована явно недостаточно.

Кроме того, непонятно сформулирована цель исследования или, как написано, «цель работы» - «оценить влияние когнитивных способностей на нервно-психическую устойчивость военнослужащих». О какой-либо взаимосвязи необходимости математического моделирования прогноза нервно-психической устойчивости курсанта и его когнитивных способностей не указано.

Введение к данному тексту не структурировано. В нем отсутствуют также сведения о предмете исследования, поэтому текст воспринимается как беспредметный. А ведь именно предмет исследования позволяет понять, чему посвящено исследование. Нет и обоснования научной новизны, отсутствует также что-либо по поводу методологии исследования (теория, концепция или хотя бы принципы).

Автор пишет, что «наиболее дискутабельным является вопрос влияния когнитивных способностей на нервно-психическую устойчивость человека», но это утверждение безосновательно. По тексту какого-либо аргументированного пояснения на этот счет нет. Все введение вообще очень лаконично. Необходима доработка текста.

Стиль изложения текста лаконичный и недостаточно аргументированный. Заметна фрагментарность представления как теоретических сведений, так и фактических данных. Структура работы не соответствует тем логическим требованиям, которым должна соответствовать научная статья. Ее необходимо привести в соответствие.

Содержание статьи свидетельствует, что автором проведена большая работа. Обследовано 1822 курсанта. Применены методики по определению нервно-психической устойчивости. Математическое моделирование выполнено на основе дискриминантного анализа, как сказано в тексте.

Однако, обращает внимание между заявленными методами исследования («уровень нервно-психической устойчивости определяли с помощью методики МЛО «Адаптивность») и теми, которые представлены, например, в табл. 1-3. В этих таблицах показаны совсем другие показатели, полученные с помощью методов «Кубы», «Аналогии», «Арифметический счет». Почему так?

Исходя из данных табл. 1, автор утверждает, что предикторами нервно-психической устойчивости курсантов военного вуза является сочетание показателей когнитивного развития: способность к установлению логических взаимоотношений между понятиями на основе операций анализа и синтеза, уровень развития вербально-логического мышления – субтест аналогии (Ан); темповые характеристики мыслительной деятельности, уровень развития оперативного мышления и оперативной памяти, а также характеристики внимания – субтест арифметический счет (АС); способность к преобразованию зрительных образов в пространстве, уровень развития пространственно-образного мышления – субтест «кубы» (К). Но это умозаключение из данных табл. 1 не следует. Во всяком случае, необходимо убедительное пояснение.

Обращает внимание стремление автора оперировать когнитивными критериями. Однако логика обращения к этим критериям не совсем понятна. К тому же, по тексту не видны их количественные показатели.

Не понятно также, на основании чего автор сумел систематизировать нервно-психическую устойчивость по трем степеням выраженности (табл. 2). Указано просто, что «на основе дискриминантной модели прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта обследованный относится к одной из трех групп». А где эта модель, которая бы позволила наглядно увидеть различия между указанными в табл. 2 тремя группами?

По этому поводу автор приводит некоторое пояснение, отмечая, что для определения

прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта производят расчет по всем имеющимся формулам, та группа, результаты которой являются наибольшими и является искомой. Приводятся и формулы, и алгоритм в виде рис. 1. Это все правильно. Но недостаточно. Для большей убедительности потенциальному читателю следует дать более расширенную аргументацию насчет этих формул. Откуда они взялись? Надо ответить хотя бы на этот вопрос. Примеры приведены, это правильно. Но пояснения необходимы.

Иначе никак не понять, почему «дискриминантная модель имеет прогностическую способность – 68%»? Надо верить автору? Теперь так не принято.

Или, например, вопрос по поводу второго вывода: «Получена модель прогноза уровня нервно-психической устойчивости: Лямбда Уилкса: 0,95595 прибл. F (6,3634)=13,799 p<0,0001, прогностическая способность 68%, что позволяет применять ее в мероприятиях медико-психологического сопровождения курсантов военного вуза». Опять такой же вопрос.

То есть, по тексту имеются противоречия, требующие пояснения.

Библиографический список желательно дополнить источниками, которые выходят за рамки трудов по морской медицине.

После доработки текста данную статью можно будет рекомендовать к опубликованию в научном журнале.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является математическая модель прогноза нервно-психической устойчивости курсанта.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы, дескриптивный метод, метод категориализации, метод анализа, а также в ходе исследования применялись специальные методики. В частности, уровень нервно-психической устойчивости определяли с помощью методики МЛО «Адаптивность». Военнослужащие с уровнем НПУ более 7 стен (n=565) отнесены к группе «Высокая НПУ», от 4 до 7 стен (n=1186) – к группе «Средняя НПУ», к группе «Низкая НПУ» с уровнем менее 4 стен, отнесены 71 обследованный. Когнитивные способности оценивали с помощью методики КР – 3 – 85. Статистическая обработка проводилась с применением программы Statistica 10,0. Проверку на нормальность распределения проводили с применением критерия Колмогорова-Смирнова. Сравнительный анализ с применением параметрического критерия t-Стьюарта, при проведении множественных сравнений применяли поправку Бонферрони, то есть в трех группах статистически значимым считали различия при $p<0,017$ ($0,05/3=0,017$). Математическое моделирование проведено на основе дискриминантного анализа.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку военная служба является особым видом деятельности, высокую роль в которой играет стрессовое воздействие на человека. Преодоление стрессовых ситуаций обусловлено уровнем нервно-психической устойчивости (НПУ). Вопросы нервно-психической устойчивости представлены научными трудами, как зарубежных психологов, педагогов, так и отечественными. Так, по мнению зарубежного психолога, педагога Е.В. Мельник НПУ – совокупность компонентной индивидуализации психолого-педагогической подготовки человека. По словам Л.И.

Спивака – она проявляется в склонности к срывам в деятельности нервной системы при значительном психическом и физическом напряжении. Автор видит причину в явных или скрытых нарушениях эмоционально-волевой сфере, а также в интеллектуальной саморегуляции человека. Некоторые ученые утверждают, что НПУ – это фрустрированная толерантность или стрессоустойчивость.

Научная новизна исследования заключается в разработке математической модели прогноза нервно-психической устойчивости на основе особенностей когнитивных способностей курсанта. Было обследовано 1822 курсантов Военно-морского политехнического института в возрасте от 18 до 26 лет.

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, а также описанием используемых методик.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, структура данного исследования включает в себя вводную часть, материалы и методы, результаты и их обсуждение, выводы, библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенno ценным в содержании исследования является наглядно представленный на рисунке 1 алгоритм определения прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта. Для определения прогноза уровня нервно-психической устойчивости курсанта предложена методика расчета по всем имеющимся формулам, та группа, результаты которой являются наибольшими и является искомой. Для линейных классификационных функций данная процедура является стандартной. Также продемонстрированы примеры расчетов.

Библиография содержит 17 источников, включающих в себя отечественные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих подходы и различные аспекты к пониманию нервно-психической устойчивости, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что предикторами нервно-психической устойчивости военнослужащих является сочетание показателей когнитивного развития: способность к установлению логических взаимоотношений между понятиями на основе операций анализа и синтеза, уровень развития вербально-логического мышления; темповые характеристики мыслительной деятельности, уровень развития оперативного мышления и оперативной памяти, а также характеристики внимания; способность к преобразованию зрительных образов в пространстве, уровень развития пространственно-образного мышления. Получена модель прогноза уровня нервно-психической устойчивости: Лямбда Уилкса: 0,95595 прибл. F (6,3634)=13,799 p<0,0001, прогностическая способность 68%, что позволяет применять ее в мероприятиях медико-психологического сопровождения курсантов военного вуза.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководителями военных образовательных организаций, медицинскими работниками, психологами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что при оформлении таблиц и рисунка в тексте статьи необходимо обратить внимание на соблюдение требований действующего ГОСТа, а также при оформлении библиографического списка - на требования действующего ГОСТа для библиографических описаний. Также

целесообразно было бы включить в структуру статьи краткое заключение, а не только выводы по проведенному исследованию. Указанные недостатки не снижают высокую научную и практическую значимость самого исследования, а скорее относятся к оформлению текста статьи. Статью рекомендуется опубликовать.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Отамуратов Р.У. Психологические характеристики эмоционального интеллекта городских и сельских пользователей Интернета // Психолог. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.6.72593 EDN: HAZHZE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72593

Психологические характеристики эмоционального интеллекта городских и сельских пользователей Интернета

Отамуратов Рустам Усканович

ORCID: 0009-0009-1150-6991

ассистент; кафедра семейной психологии; Джизакский филиал Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека

130100, Узбекистан, Джизакская область, г. Джизак, пр-т Шарафа Раширова, 259, ауд. 32

✉ rustamota1989@gmail.com

[Статья из рубрики "Потенциал интеллекта"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.6.72593

EDN:

HAZHZE

Дата направления статьи в редакцию:

05-12-2024

Аннотация: Предметом исследования является изучение психологических характеристик эмоционального интеллекта городских и сельских пользователей Интернета. Объектом исследования является эмоциональный интеллект городской и сельской молодежи, склонных к интернет-зависимости. Автор подробно рассматривает степень влияния Интернета на эмоциональный интеллект молодых людей, проживающих в городской и сельской среде Республики Узбекистан, а также интерпретирует особенности проявления у них эмоционального интеллекта с точки зрения региона. Автор предполагает, что молодежь, склонная к интернет-зависимости, может потерять контроль над своими эмоциями. Важность изучения психологических особенностей людей, склонных к интернет-зависимости, связана, прежде всего, с ростом интернет-пользователей. Между тем, существуют разные подходы к положительным и отрицательным сторонам проблемы, что и обосновывает необходимость ее детального изучения. В исследовании применялись: тест «Интернет-зависимость» Кимберли Янг в

переводе и модификации В.А. Лоскутовой (Буровой); методика «Виртуальная идентификация пользователей социальных сетей» (ВИПСС) Д.Н. Погорелова; тест «Эмоциональный интеллект» Д.В. Люсина. В качестве методов математической статистики был использован t -критерий Стьюдента, а также метод корреляционного анализа. Основными выводами проведенного исследования является то, что были обнаружены существенные различия между городской и сельской молодежью по уровню склонности к интернет-зависимости, а также выявлены определенные различия в аспектах эмоционального интеллекта. Так, у не зависимых от Интернета респондентов был зарегистрирован высокий уровень эмоционального интеллекта. Уровень эмоционального интеллекта был низким у городских и сельских граждан, которые очень активно пользуются Интернетом и имеют склонность к зависимости. Выявлено, что склонность к интернет-зависимости у городской молодежи выше, чем у сельской молодежи, разница составляет 99,9% ($t=14,827$; $p\leq 0,05$), которая наблюдалась в шкале приемлемости субкультуры ($t=1,995$; $p\leq 0,05$). Региональные различия были зафиксированы при исследовании у респондентов общего эмоционального интеллекта ($t=-4,352$; p

Ключевые слова:

склонность к интернет-зависимости, эмоциональный интеллект, виртуальная среда, киберзависимость, пользователи Интернета, принятие субкультуры, виртуальный образ, городская молодежь, сельская молодежь, психологические характеристики

Введение

Одной из главных задач развивающегося общества является создание условий для всестороннего развития личности молодежи, которые могли бы стать психически сильными и конкурентоспособными гражданами во всех отношениях. В современном мире необходимы молодые люди с твердой позицией по отношению к переменам, с уверенным взглядом в будущее. В наш стремительно развивающийся век у каждого молодого человека возникает потребность в постоянном использовании информационных технологий. В результате чего у молодежи происходит повышенный интерес к технологиям и вызывающее привыкание поведение, что оказывает влияние на их личные качества и характеристики.

Интернет-зависимость – это поведенческое расстройство, связанное с использованием Интернета в чрезмерном количестве. Первое исследование проблем интернет-зависимости было опубликовано в 1994 году психологом М. Раутербергом. Понятие интернет-зависимости было предложено И. Гольдбергом в 1995 г., а эмпирическое изучение этого феномена было начато К. Янг год назад. И. Гольдберг показал вредные стороны деятельности человека в семейной, образовательной, социальной, деловой, финансовой и психологической сферах в результате использования Интернета и компьютера и, как следствие, появление поведенческих расстройств [26]. По мнению В.А. Лоскутовой, основными предпосылками интернет-зависимого человека являются: сугубо личностный характер межличностных отношений в сети; возможность анонимного социального общения; возможность использовать Интернет для реализации мечтаний и фантазий; вуайеристский аспект; бесконечность информации [11]. По мнению К. Янг, интернет-зависимость представляет собой многоаспектное явление, включающее в себя проявление эскапизма, низкой самооценки, тревожности, депрессии, чувства слабости,

одиночества или непонимания, а также стремления к виртуальности людей, занятых своей работой, учебой или социальной средой, поиском новизны, постоянным удовлетворением желаний и эмоциональной связи (разговор, симпатия). В 2000 году К. Янг основала Центр онлайн-зависимости, где разработала трехуровневую модель, объясняющую ограничение использования Интернета. Согласно этой модели, интернет-зависимость вызывается наличием сопутствующих видов деятельности; сохранением контроля над последствиями своих действий и решений; ощущением эмоционального удовольствия от результатов своих действий [19]. Так, молодой человек находит себе приятеля в виртуальной жизни, благодаря чему он восполняет основные потребности недостающие ему в реальной жизни. Цель достигается за счет возможности компенсации любой видимости жизни, вызванной переносом реальной жизни человека в виртуальную, скрытием настоящего имени в Интернете, демонстрацией реальных эмоций и несуществующих пересечений [14]. Согласно классификации А.Ю. Егорова, интернет-зависимость является одной из форм нехимической зависимости, то есть разновидностью технологической зависимости [4]. Синонимами понятия интернет-зависимость являются киберпространственная зависимость, онлайн-зависимость, патологическое использование Интернета, проблемное использование Интернета [31].

Обзор литературы

К зарубежным учёным, изучавшим симптомы интернет-зависимости и вопросы межличностного онлайн взаимодействия, можно отнести: А. Гольдберга, Р. Амичай-Гамбургера, М. Орзак, Р. Дэвиса [26; 30; 24]. Среди российских ученых, занимавшихся исследованием форм интернет-зависимости, можно выделить: Н.А. Носова (2000), А.Е. Войскунского (2004); А.В. Котлярова (2006), В.Д. Менделевича (2007), А.Ю. Егорова (2007), А.Е. Жичкина и К. Ефимову (1999), Чудова (2002); Л.Н. Юрьева и Т.Ю. Больбот (2006).

Эмоциональный интеллект – это способность распознавать свои собственные эмоции и эмоции других, в т.ч. регулирование эмоций в социальных ситуациях. Такова роль эмоций в способности человека достигать самоконтроля на основе самосознания и самообъяснения. Высокие уровни ЭИ определяются четырьмя компонентами эмоционального интеллекта, связанные с хорошими межличностными отношениями, такие как: восприятие эмоций, понимание эмоций, управление эмоциями и использование эмоций для стимулирования мышления [29].

Проблема эмоционального интеллекта в настоящее время широко освещена в работах зарубежных психологов (Андреева, Бар-ОН, Гоулман и др.). Исследовали ряд учёных, таких как Ибара, Д.Карузо, К.Кросс, Д.В.Люсин, О.В.Лунева, Дж.Майер. Исследование К. Хассан и Ф. Саллар [28] об эмоциональных отношениях интернет-пользователей с интернет-зависимостью и эмоциональными расстройствами у студентов вузов.

Кроме того, в своих публикациях авторы А.Е. Войскунский и С.Тюрки пишут, что личность, создаваемая в виртуальной среде, направлена на «игру в кого-то другого», связана с исследованием возможностей собственной личности и направлена на установление отношений, разочаровывающих в реальной жизни [2]. Несмотря на то, что во всех проанализированных работах авторы обращаются к вопросам изучения эмоционального интеллекта и интернет-зависимости, тема особенностей взаимосвязи эмоционального интеллекта и интернет-зависимости в контексте городской и сельской молодежи Республики Узбекистан ранее не рассматривалась.

Недостаточность исследований в области эмоционального интеллекта и интернет-зависимости городской и сельской молодежи Республики Узбекистан требует более детального изучения данных понятий, а также определения и интерпретации доли склонной и не склонной к интернет-зависимости городской и сельской молодежи Республики Узбекистан.

Стоит уделить внимание исследованию психологических особенностей личности, влияющих на изменение уровня эмоционального интеллекта и интернет-зависимости городской и сельской молодежи Республики Узбекистан.

Цель исследования заключалась в эмпирическом исследовании показателей интернет-зависимости и эмоционального интеллекта у городской и сельской молодежи Республики Узбекистан.

В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о том, что у городской молодежи с высокой склонностью зависимости к Интернету характеристики эмоционального интеллекта ниже, чем у сельской молодежи.

Материалы и методы исследования

Одной из важных составляющих индивидуально-психологических особенностей молодежи Республики Узбекистан в возрасте 18-23 лет являются их познавательные и интеллектуальные способности, связанные с учебным процессом. Изменения в них носят как количественный, так и качественный характер. В этом возрасте повышается эмоциональная чувствительность, увеличивается разнообразие и продолжительность эмоциональных реакций. В это время также повышается уровень психологической защиты и эмоциональной устойчивости, развивается уровень саморегуляции и самоконтроля, облегчается эмоциональный контроль, повышается социальная адаптация.

Объекты исследования были выбраны с точки зрения двух групп по месту проживания: первой группы городской молодежи и второй группы сельской молодежи. Среди них изучалось наличие показателей использования Интернета (доля, уровень, показатель). В эмпирической части исследования приняли участие 230 Интернет-пользователей Республики Узбекистан, из них 119 девушек и 111 молодых людей в возрасте от 18 до 23 лет (M возраст = 20,49; SD = 7,72), сельская и городская молодежь. Опыт использования Интернета - от 5 месяцев до 8 лет. Исследование проводилось онлайн в 2023 году на интернет-платформе <https://docs.google.com>.

Для исследования характеристик эмоционального интеллекта городских и сельских пользователей Интернета были использованы три методики, среди которых тест на склонность к интернет-зависимости (ИЗ) К. Янг (Янг, 2000) в адаптации В.А. Лоскутовой (Буровой) [11]. Данный тест состоит из 20 вопросов и доступен в двух вариантах: Internet Addiction Test (IAT) и Internet Addiction Test for Families (IAT-F). Модифицированная версия опросника В.А. Лоскутовой включает в себя 40 пунктов. На каждый вопрос испытуемый должен ответить в соответствии с 5-балльной шкалой Ликерта. Баллы по всем вопросам суммируются, определяя итоговое значение.

Для определения интернет-зависимости использовался опросник Д.Н. Погорелова «Виртуальная идентичность пользователей социальных сетей» (ВИПСС) (Погорелов, 2020) [15], который позволяет выявить наличие в структуре личности виртуальной идентичности, определить ее компоненты и раскрыть особенности их влияния на развитие личности.

Для изучения уровня эмоционального интеллекта пользователей Интернета использовался тест Д.В. Люсина (ЭмИн) (Люсин, 2009)[\[12\]](#). В его структуре можно выделить, с одной стороны, внутриличностный и межличностный ЭИ (по направленности на свои или чужие эмоции), с другой стороны, способности к пониманию и управлению эмоциями.

В качестве методов математической статистики был использован t -критерий Стьюдента, а также метод корреляционного анализа.

В качестве эмпирического анализа исследования, описательной статистики, проверки надежности и корреляционного анализа было использовано программное обеспечение SPSS 20.0.

Результаты исследования

Согласно тесту на интернет-зависимость К. Янг в адаптации В.А. Лоскутовой (Буровой), в процессе эмпирического анализа полученных результатов необходимо определить особенности и взаимосвязи психологического влияния на формирование молодежи в городах и сёлах.

1. Более половины опрошенных (т.е. 119 человек, 52%) совершенно не склонны к интернет-зависимости. Основную часть этой группы составляет сельская молодежь. Остальную часть опрошенных составляет городская молодежь. Среди них есть люди со средним уровнем интернет-зависимости, что свидетельствует о склонности к интернет-зависимости (84 человека, 36%), а также люди с высоким уровнем интернет-зависимости (27 человек, 12%). С помощью t -критерия Стьюдента были обнаружены значимые различия между городской и сельской группами при уровне значимости $p<0,01$ (99%). Таким образом, уровень склонности к интернет-зависимости в городской группе значительно превышает уровень сельской группы. В сельской группе 100% молодежи (119) абсолютно не зависимы от Интернета, а в городской группе 76% (84) склонны к интернет-зависимости и 24% (27) являются интернет-зависимыми.

Рисунок 1 - Степень интернет-зависимости по результатам теста К. Янга

Результаты теста Кимберли Янг на интернет-зависимость представлены на рисунке 2. Из диаграммы видно, что у городской молодежи уровень интернет-зависимости выше, чем у сельской. Возможно, большое количество постоянных пользователей Интернета в городе по сравнению с сельской местностью можно объяснить достаточным качеством удобной инфраструктуры у городского населения, а также в связи со стрессом, вызванным техногенными факторами у молодежи, преодолевать его и справляться с ним разными способами (Коннер, 2005). Можно заметить, что городская молодежь больше интересуется Интернетом, чем сельская. Причина этого, вероятно, объясняется наличием интернет-клубов, кафе и интернет-магазинов, а также чрезмерным проведением времени за интернет-играми. По мнению теоретиков поведения, если пользователь воспринимает Интернет как возможность уйти от реальности, найти любовь или стать источником развлечений, то вероятно, он использует сеть только по необходимости. Такое подкрепление приводит к условному использованию Интернета и продолжению цикла, в результате чего у пользователя возникает ощущение подражания (Michael, 2005, с. 62). На наш взгляд, это основное поведение городской молодежи по сравнению с сельской.

Рисунок 2 - Различия в интернет-зависимости между городской и сельской молодежью

2. Тест Д.Н. Погорелова «Виртуальная идентичность пользователей социальных сетей» (ВИПСС) состоит из трёх шкал: «Виртуальный образ», «Принятие виртуальной субкультуры» и «Киберзависимость». Кибер зависимость – это уровень значимости социальных сетей для пользователя, а также возникновение зависимости от информационных коммуникационных платформ при их чрезмерном использовании. Виртуальный образ – легкость поиска и создания в виртуальной среде недостающих личностных возможностей в реальной жизни. Принятие виртуальной субкультуры – это принятие норм виртуального мира. Тест Д.В. Люсина использовался для определения эмоционального интеллекта молодежи.

В ходе современной глобализации скорость информации распространяется с одинаковой скоростью как в сельской, так и в городской местности, что создает основу для использования людьми Интернета. Поэтому можно сказать, что желание и потребность пользоваться Интернетом создают сходства или различия в эмоциональном поле людей, проживающих в разных регионах.

В ходе исследования респонденты были разделены на две группы. Эти группы образовали группу городской и сельской молодежи. Согласно результатам, полученным в ходе исследования (Таблица 1), значимой разницы между городской и сельской группами по показателю кибераддикции не выявлено ($t=1,120$; $p<0,05$). Между городской и сельской группами молодежи выявлена достоверная разница в 95% по показателю принятия субкультуры ($t=1,995$; $p<0,05$). Разница в индексе виртуального образа не было ($t=1,033$; $p\leq0,05$). Разница в понимании чужих эмоций людей между городскими и сельскими группами составила 95% ($t=-2,372$; $p\leq0,05$). Это может значить, что разница в 95% стала значимой с точки зрения управления чужими эмоциями других людей ($t=-2,372$; $p\leq0,05$). Не было обнаружено различий между группами по показателю понимания своих эмоций ($t=-1,477$; $p\leq0,05$). Уровень значимости между городскими и сельскими группами по шкале управления своими эмоциями 95% ($t=-1,477$; $p\leq0,05$). Разница в показателе контроль экспрессии составила 99% ($t=-2,696$; $p\leq0,05$). При изучении межличностного эмоционального интеллекта разница в 99% наблюдалась между городской группой и сельской группой молодежи ($t=-3,263$; $p\leq0,05$). При межгрупповом сравнении анализа внутриличностного эмоционального интеллекта разницы не наблюдалось ($t=-3,354$; $p\leq0,05$). Что касается уровня понимания эмоций, разница между городскими и сельскими группами также составила 99,9% ($t=-3,931$; $p\leq0,05$). Значительная разница между двумя группами также составила 99,9% в отношении индекса управления эмоциями ($t=-3,555$; $p\leq0,05$). Тот факт, что разница составила 99,9% при сравнении общего уровня эмоционального интеллекта респондентов, взятых в городскую и сельскую группу, доказал эффективность полученных результатов ($t=-4,352$; $p\leq0,05$). Даже с точки зрения индекса интернет-зависимости разница между городскими и сельскими группами составляла 99,9% ($t=14,827$; $p\leq0,05$).

Таблица 1 - Анализ региональных различий использованных в исследовании методов.

Шкала	Группа	Количество испытуемых	Стандартное		T	P
			Среднее	отклонение		
Кибераддикция	Город	111	48,4750	14,67968	1,120	,266
	Деревня	119	46,2875	12,32492		
Принятие субкультуры	Город	111	38,3000	12,85105	1,995	,049*
	Деревня	119	34,5875	10,05012		
Виртуальное	Город	111	29,2125	10,11790	1,033	.305

изображение	Деревня 119	27,7375	7,87360		
Понимание чужих	Город 111	15,6125	2,58278	-2,372 ,020*	
эмоций	Деревня 119	16,7000	3,50551		
Управление	Город 111	15,6125	2,58278	-2,372 ,020*	
чужими эмоциями	Деревня 119	16,7000	3,50551		
Понимание своих	Город 111	15,6125	4,47353		
эмоций	Деревня 119	16,6375	3,92410	-1,477 ,144	
Управление	Город 111	10,8500	2,63904	-2,257 ,027*	
своими эмоциями	Деревня 119	11,8750	3,53777		
Контроль	Город 111	10,4500	2,20987	-2,696 ,009**	
экспрессии	Деревня 119	11,6000	2,63184		
Межличностный	Город 111	33,0250	6,06917		
эмоциональный	Деревня 119	36,5000	8,40133	-3,263 ,002**	
интеллект					
Внутриличностный	Город 111	22,9500	10,49159		
эмоциональный	Деревня 119	23,5500	9,25435	-,354 ,724	
интеллект					
Понимание	Город 111	33,0250	4,96819	-3,931 ,000***	
эмоций	Деревня 119	36,4375	6,76522		
Управление	Город 111	36,9125	4,52054	-3,555 ,001***	
эмоциями	Деревня 119	40,1750	7,10282		
Общий уровень	Город 111	69,9375	7,80838		
эмоционального	Деревня 119	76,6125	12,46615	-4,352 ,000***	
интеллекта					
Интернет-	Город 111	57,3750	8,17278		
зависимость	Деревня 119	34,3875	9,05188	14,827 ,000***	

3. Интерпретация результатов, полученных с помощью теста эмоционального интеллекта Д.В. Люсина. Для определения уровня эмоционального интеллекта его проводили по 10-балльной шкале с очень низким, низким, средним, высоким и очень высоким значениями.

Сельская молодежь имеет более высокие общие показатели по всем показателям методики. Больше всего низких баллов в группе сельской молодежи было зафиксировано по шкалам: «понимание эмоций других людей» (12,64%), «контроль выражения эмоций» и «межличностный эмоциональный интеллект» (4,14%,) а также «межличностный эмоциональный интеллект» (22%) и «межличностный эмоциональный интеллект» (22%). Показатели «понимание своих эмоций» (21,35%) и «управление эмоциями» (14,38%) значительно ниже по шкалам. Но по остальным шкалам показатели этой группы средние. Наибольшее количество респондентов имеет средний уровень эмоционального интеллекта (35,65%), по шкалам «управление эмоциями других людей» (29,19%) и «эмоции «управление ими» (27,67%) имеют средний уровень, по шкале «управление эмоциями других людей» - 29,19%, результат по шкале «контроль экспрессии» составляет 48,15%. Помимо среднего уровня шкал в этой группе, в отличие от группы городской молодежи, преобладают высокие уровни показателей по многим шкалам, например, по шкале «общий эмоциональный интеллект» - 3,49% респондентов. Высокие результаты были зарегистрированы по шкалам: «контроль экспрессии» (5,66%), «контроль эмоций» (5,45%). Все это свидетельствует о том, что эмоциональный интеллект сельской молодежи значительно выше, чем у городской молодежи. Кроме того,

респонденты, не зависимые от Интернета, обладают лучшим самосознанием, осознанностью и контролем, а также лучше осознают эмоции других людей, в отношении которых у них хорошо развита превентивная сфера, особенно самомотивация.

В следующей группе городской молодежи можно заметить, что подавляющее большинство респондентов получили низкие баллы по всем показателям шкалы. На самом низком уровне характеристики эмоционального интеллекта находятся шкалы: «общий эмоциональный интеллект» (67,68%), «понимание эмоций» (67,67%) и «межличностный эмоциональный интеллект» (62,63%), «понимание чувств людей» (94,95%). Это не случайно, т.к. тема негативного влияния уровня агрессии интернет-игр на человека в настоящее время является причиной широкого общественного обсуждения, а компьютерные онлайн-игры считаются одними из сильнейших факторов, вызывающих интернет-зависимость. Уровень самосознания человека снижается, поскольку аддиктивное поведение оставляет определенный след в жизни человека, а интернет-активность становится частью его практической жизни, заставляя человека забывать реальность, реальное межличностное общение, работу. Он не понимает чувств окружающих. Однако по шкалам «контроль экспрессии» и «контроль эмоций» городская молодежь показала преимущественно средние результаты (47,47% и 28,3% соответственно). Что касается высокого уровня, то таких показателей в этой группе очень мало. Если по шкале «контроль экспрессии» высокий уровень имеют 16,16% респондентов, то процент высоких показателей по другим шкалам очень мал (от 0,00% до 10,1%). Эти результаты свидетельствуют об общем снижении уровня эмоционального интеллекта городской молодежи.

Если сравнить уровень шкалы общего эмоционального интеллекта в обеих группах, то можно увидеть, что у сельской и городской молодежи преобладали средние баллы. Однако если для городской группы молодежи основными являются средний и низкий уровни (51,6% и 41,4% соответственно), то по числу высоких показателей сельская группа молодежи почти в 3 раза превосходит городскую (0% и 3,49% соответственно).

Для изучения взаимосвязи между всеми рассмотренными шкалами (по двум группам) был проведен корреляционный анализ. По результатам корреляции установлено, что существует отрицательная связь между двумя группами с признаками контроля экспрессии ($r=-,236$; $p\leq 0,035^*$). Выявлено, что между основной группой и контрольной группой по интернет-зависимости имеется отрицательная связь с достоверностью 99% ($r=-,294$; $p<0,008^{**}$).

Обсуждение результатов

Психологические характеристики эмоционального интеллекта городских и сельских пользователей Интернета Республики Узбекистан имеют значимые различия.

В процессе исследования подтвердилась гипотеза о том, что у городской молодежи с высокой склонностью зависимости к Интернету характеристики эмоционального интеллекта ниже, чем у сельской молодежи.

Было выявлено, что сельская молодежь Республики Узбекистан, не зависимая от Интернета, имеет более высокий уровень эмоционального интеллекта. В результате контроль эмоций у сельской молодежи тоже выше, в сравнении с городской молодежью.

У городской молодежи Республики Узбекистан был зарегистрирован высокий уровень интернет-зависимости, тогда как в сельской местности этот показатель низкий. У молодежи, проводящей много времени в Интернете, выявлен низкий уровень

эмоционального интеллекта, а у не зависимой от Интернета молодежи уровень эмоционального интеллекта выше. При этом, как пишет исследователь эмоционального интеллекта Я.В. Свило, уровень эмоционального интеллекта можно повысить и развить, что в свою очередь позволит улучшить такие важные показатели, как: взаимодействие с окружающими, удовлетворение жизнью, достижение жизненных успехов (Свило, 2000, с. 5).

Полученные данные свидетельствуют о том, что уровень показателей эмоционального интеллекта выше у сельской молодежи, чем у городской молодежи Республики Узбекистан.

Среди ограничений в работе можно выделить: 1) представление результатов исследования городской и сельской молодежи, которые проводились в рамках одной национальной республики, такой как Узбекистан; 2) недостаточная изученность вопросов психологических особенностей эмоционального интеллекта и интернет-зависимости городской и сельской молодежи Республики Узбекистан; 3) отсутствие солидной выборки эксперимента, что представляет возможность для дальнейших исследований эмоционального интеллекта молодых пользователей Интернета.

Заключение

Данное исследование раскрывает психологических характеристики эмоционального интеллекта городских и сельских пользователей Интернета.

В теоретическом аспекте были рассмотрены определения центральных понятий «интернет-зависимость» и «эмоциональный интеллект».

Под понятием «интернет-зависимость» понималось поведенческое расстройство, связанное с использованием Интернета в чрезмерном количестве.

В качестве определения понятия «эмоциональный интеллект» рассматривалась способность распознавать свои собственные эмоции и эмоции других для достижения самоконтроля на основе самосознания и самообъяснения.

В результате сравнения особенностей эмоционального интеллекта было выявлено, что городская молодежь Республики Узбекистана имеет более высокий уровень склонности к интернет-зависимости, чем сельская молодежь, вероятно, из-за распространения в городе различных современных информационных технологий, наличия интернет-кафе и клубов компьютерных игр, а также качественной сети Интернет.

Несмотря на высокий уровень характеристик эмоционального интеллекта у зависимой от Интернета молодежи Республики Узбекистана, показатели их межличностного эмоционального интеллекта и уровень способностей (управление собственными эмоциями и контроль их выражения, понимание и управление эмоциями других людей) остаются на низком уровне.

Тот факт, что уровень понимания эмоций и управление ими у молодежи Республики Узбекистана, склонной к интернет-зависимости, невысокий, может свидетельствовать то, что уровень интернет-зависимого поведения с целью поиска возможностей выхода из стресса вызван техногенными факторами.

В исследовании была также выявлена корреляция между общим эмоциональным интеллектом и шкалой склонности к интернет-зависимости городской и сельской молодежи Республики Узбекистан. Таким образом, установлено, что уровень

эмоционального интеллекта молодежи, склонной к зависимости, длительное время пользующейся Интернетом, очень низок. Это подтвердило гипотезу исследования.

Полученные данные имеют практическое значение, т.к. могут быть использованы в консультативной работе с интернет-зависимой молодежью. Это также имеет практическое значение для интернет-зависимого населения в целом.

Дальнейшие исследования по данной теме могут быть посвящены изучению гендерных особенностей городских и сельских пользователей Интернета. Предстоит более детально проанализировать корреляцию между гендерными особенности и эмоциональным интеллектом городских и сельских пользователей Республики Узбекистан.

Библиография

1. Белащева И.В. Трансформации эмоциональной компетентности личности в формирующемся цифровом обществе: постановка проблемы // Вестник Вятского государственного университета. 2022. №3 (145). С. 128–138.
2. Войскунский А.Е. Киберпсихологический подход к анализу мультисенсорной интеграции / А.Е. Войскунский // Консультативная психология и психотерапия. №3. С. 9–21. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2019_n3/Voiskunskii. (дата обращения: 26.03.2024).
3. Гаращук С.С., Логинова В.В. Развитие эмоционального интеллекта в современных условиях // Universum: психология и образование: электрон. научн. журн. 2023. №12 (114). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/16289> (дата обращения: 10.11.2024).
4. Егоров А.Ю. Нехимические зависимости. СПб.: Речь, 2007. 190 с.
5. Ершова Р.В. Доверие к информации в интернете и психологическое благополучие человека // Приверженность вопросам психического здоровья: материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 05-07 октября 2023 года. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2023. С. 203-207.
6. Ершова Р.В. Информация в интернете как фактор эмоционально-психологического благополучия человека // Перспективы науки и образования. 2023. №4 (64). С. 442-454.
7. Ершова Р.В. Человек цифровой: психологические особенности современного поколения / Р.В. Ершова, Т.М. Корягина, А.Ю. Плотников. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2024. 154 с.
8. Жичкина А.Е., Ефимов К.Ю. Социально-психологические особенности населения Сети // Планета Интернет. 1999. №30. С. 18–21.
9. Жичкина А.Е. Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности подростков-пользователей Интернета / А.Е. Жичкина, Е.П. Белинская // Труды по социологии образования. 2000. №7. С. 77-93. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/247434/1/Ankudovich_resume.pdf. (дата обращения: 26.03.2024).
10. Игнатова Е.С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и применения цифровых технологий: обзор современных исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 365–381.
11. Лоскутова В.А. Интернет-зависимость – патология XXI века? // Вопросы ментальной медицины и экологии. 2000. №1. С. 11–13.
12. Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИН: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 264-278.
13. Никулина И.В. Эмоциональный интеллект: инструменты развития: учебное пособие / И.В. Никулина, Самара: Издательство Самарского университета, 2022. 82 с.

14. Носов Н.А. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. 432 с.
15. Погорелов Д.Н. Структура виртуальной идентичности пользователей социальных сетей / Д.Н. Погорелов // Казанский педагогический журнал. 2020. №4 (141). С. 262-268.
16. Свило Я.В. Эмоциональный интеллект как социально-психологический ресурс личности подростков, проживающих в сельской местности // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. №6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/12PSMN620.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).
17. Шабанов С., Алешина А. Эмоциональный интеллект // Российская практика. 8-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 432 с.
18. Юровицкий С.Я. Эмоциональный интеллект и конфликтологическая компетентность в условиях цифровизации // Вестник университета. 2021. № 6. С. 177–182.
19. Янг К.С. Диагноз – интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. №2. С. 24–29.
20. Alpian Y., Sumantri M.S., Yufiarti Y., Anggraeni S.W. Self-Concept and Emotional Intelligence in Relation with Digital Literacy // Journal of Nonformal Education. 2023. Vol. 9. No. 1. P. 47–57.
21. Alpian Y., Sumantri M.S., Yufiarti Y., Anggraeni S.W., Hananto A.L. Self-Concept, Logical Thinking Patterns, and Emotional Intelligence in Relation to Digital Literacy Ability // Res Militaris. 2022. Vol. 12. No. 3. P. 691–710.
22. Bashkin E.B., Baskakov P.A., Ershova R.V., Plotnikov A.Yu. General issues of artificial general intelligence. Journal of Digital Economy Research. 2023; No. 1 (3): P. 79–101.
23. Conner T., & Barrett L.F. Implicit Self-Attitudes Predict Spontaneous Affect in Daily Life. Emotion. 2005. No. 5. P. 476–488.
24. Davis R.A. A cognitivebehavioral model of pathological Internet use // Computers in Human Behavior. V. 17. No. 2. 2001. P. 187–195.
25. Eastin M.S. Teen Internet use: relating social perceptions and cognitive models to behavior. CyberPsychology, Behavior, and Social Networking. 2005. No. 8. P. 62–75.
26. Goldberg I. Internet addiction disorder // CyberPsychol. Behavior. 1996. No. 4. P. 403–412.
27. Hamburger Y.A., BenArtzi E. The relationship between extraversion and neuroticism and the different uses of the Internet // Computers in Human Behaviour. 2000. Vol. 16, P. 441–449.
28. Hassan K. and Salar F. The relationship of emotional intelligence and mental disorders to internet addiction in Internet user university students. Journal of Nervous and Mental Disorders. 2012. No. 193. P. 728–733.
29. Mayer JD, Salovey P., & Caruso DR. Measuring Emotional Intelligence With the MSCEIT V2.0. // Emotion, 2003, Vol 3. No. 1. P. 97–105.
30. Orzack M.H. Computer addiction: What is it? // Psychiatric Times. Vol. 15 (8), 1998. P. 34–38.
31. Widyanto L.S., & Griffiths, M. Internet Addiction: A Critical Review. International Journal of Mental Health and Addiction. No. 4, 2006. P. 31–51.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются психологические характеристики эмоционального интеллекта городских и сельских пользователей Интернета.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также онлайн-опрос с применением методик: «тест на склонность к интернет-зависимости (ИЗ) К. Янг (Янг, 2000) в адаптации В.А. Лоскутовой (Буровой)», «опросник Д.Н. Погорелова «Виртуальная идентичность пользователей социальных сетей» (ВИПСС) (Погорелов, 2020)», «тест Д.В. Люсина (ЭмИн) (Люсин, 2009)» и методов математической статистики. Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку цифровизация занимает лидирующие позиции в реализации деятельности и функционирования социальных институтов, а глобальная сеть Интернета охватила практически все сферы жизни общества и отдельной личности, независимо от локации проживания, будь то город или сельское поселение. Интернет благодаря своей доступности вовлекает в свою сеть все больше и больше пользователей независимо от возраста, принадлежности к той или иной социальной группе, места проживания и т.п., но наиболее активными пользователями Интернета являются представители молодежи. В этом контексте исследование психологических характеристик эмоционального интеллекта городских и сельских пользователей Интернета представляет научный интерес в сообществе ученых. Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике «показателей интернет-зависимости и эмоционального интеллекта у городской и сельской молодежи Республики Узбекистан». В исследовании «приняли участие 230 Интернет-пользователей Республики Узбекистан, из них 119 девушек и 111 молодых людей в возрасте от 18 до 23 лет (M возраст = 20,49; SD = 7,72), сельская и городская молодежь».

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме, использованием терминологии, характеризующей предмет исследования, а также наглядной демонстрацией и описанием полученных результатов. В структуре данного исследования представлены следующие структурные элементы: введение, материалы и методы исследования, выборка исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, выводы и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет отмеченная в процессе исследования тенденция, отражающая, что «городская молодежь больше интересуется Интернетом, чем сельская. Причина этого, вероятно, объясняется наличием интернет-клубов, кафе и интернет-магазинов, а также чрезмерным проведением времени за интернет-играми. По мнению теоретиков поведения, если пользователь воспринимает Интернет как возможность уйти от реальности, найти любовь или стать источником развлечений, то вероятно, он использует сеть только по необходимости».

Библиография содержит 31 источник, включающий в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих различные подходы к рассмотрению вопросов эмоционального интеллекта и психологических особенностей пользователей Интернета, относящимся к различным социальным группам, а также проблему Интернет-зависимости. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «городская молодежь Республики Узбекистана имеет более высокий уровень склонности к интернет-зависимости, чем сельская молодежь, вероятно, из-за распространения в городе различных современных

информационных технологий, наличия интернет-кафе и клубов компьютерных игр, а также качественной сети Интернет. Несмотря на высокий уровень характеристик эмоционального интеллекта у зависимой от Интернета молодежи Республики Узбекистана, показатели их межличностного эмоционального интеллекта и уровень способностей (управление собственными эмоциями и контроль их выражения, понимание и управление эмоциями других людей) остаются на низком уровне. Тот факт, что уровень понимания эмоций и управление ими у молодежи Республики Узбекистана, склонной к интернет-зависимости, невысокий, может свидетельствовать то, что уровень интернет-зависимого поведения с целью поиска возможностей выхода из стресса вызван техногенными факторами».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководителями, администрацией организаций по работе с молодежью, специалистами по профилактике Интернет-зависимости, психологами, социологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Будякова Т.П. Психотипы пожилых людей в ходе взаимодействия с работниками социальных служб // Психолог. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.6.72078 EDN: HCSTBM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72078

Психотипы пожилых людей в ходе взаимодействия с работниками социальных служб

Будякова Татьяна Петровна

ORCID: 0000-0003-1739-837X

кандидат психологических наук

профессор, кафедра психологии и психофизиологии, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28

✉ budyakovaelez@mail.ru

[Статья из рубрики "Профессиональная психология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.6.72078

EDN:

HCSTBM

Дата направления статьи в редакцию:

25-10-2024

Аннотация: Предметом исследования является изучение типов личности в пожилом возрасте. Актуальность работы определяется необходимостью выявления и описания типов личности пожилых людей, реализующих свое право на получение социальной помощи от государства. Это важно, поскольку эффективность социальной поддержки пожилым людям зависит от адресности ее оказания. При этом традиционно изучаются только общие типы пожилых людей, без относительно к фактору организованной формы социальной работы. Типологии пожилых людей, обращающихся за помощью в государственные структуры, предназначенные для целей социальной помощи и защиты, отсутствуют. Учет личности клиента социальных служб имеет первостепенное значение для полноценного удовлетворения разнообразных потребностей пожилого человека, в том числе в уважении, однако технологии такого учета не разработаны. В качестве основного метода исследования было применено интервью в фокус-группе. В состав фокус-группы вошли психологи, работающие в центре социальной защиты населения и

другие специалисты этой службы. С основным методом был сопряжен кейс-метод. Материалы, полученные с помощью кейс-метода, были использованы при формулировании типологий пожилых людей. Научная новизна исследования состоит в выявлении и описании трех типов типологий личности в пожилом возрасте. Речь идет об универсальных, частных и ситуационных типологиях. Было установлено, что для целей обслуживания клиентов в центрах социальной защиты населения наиболее эффективны ситуационные типологии, учитывающие характер ситуации, в рамках которой происходит работа с пожилым клиентом. Были описаны типологии для трех типичных ситуаций социального взаимодействия с пожилыми людьми: оказание гуманитарной помощи, оказание социальных услуг на дому и организация групп общения на базе центра социальной защиты населения. Особым вкладом автора является установление факта изменения типа поведения и, соответственно, типа личности в пожилом возрасте с учетом жизненно важных ситуаций взаимодействия с другими людьми.

Ключевые слова:

пожилой возраст, психотип, личность, социальная работа, фокус-группа, типологии личности, кейс-метод, социальная служба, социальная поддержка, психологическая помощь

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00306, <https://rscf.ru/project/23-28-00306/> «Концептуальные основы функционирования и развития антивиктимной личности в пожилом возрасте».

Знание типологий личностей пожилых людей важно для обеспечения полноценного и позитивного взаимодействия с ними, оказания им качественной адресной консультационной и иной психологической помощи.

В современной науке присутствует пласт исследований, фиксирующий общий тип личности в пожилом возрасте. Так, был установлен факт психологической похожести пожилых людей друг на друга при их участии в оперативно-следственных мероприятиях, даже если пожилые свидетели различались по расовым признакам [14]. Сходные результаты были получены в медико-психологических исследованиях, когда было выявлено, что пациенты пожилого возраста, получающие сестринский уход на дому (лекарства, уколы и т.п.), практически все демонстрировали одинаковый тип поведения, в частности, высказывали высокую эмоциональную обеспокоенность при их посещении медицинскими сестрами вне зависимости от тяжести своего состояния [15]. На наш взгляд, общий тип поведения пожилых людей в определенных случаях, по-видимому, обусловлен особой потребностью во внимании, заботе и поддержке, в которой нуждаются люди этой возрастной категории, что стимулирует появление возрастных типологических признаков. При этом, наличие общих типологических признаков у пожилых людей, не отменяет разнообразие типов личностей в пожилом возрасте.

Между тем, как отмечается, в частности, в исследованиях, посвященных подготовке медицинских сестер к работе с пожилыми пациентами, программы обучения не включают знаний о типах личности пожилых людей. Доминирует презумпция, что уход за престарелыми не требует особых психологических навыков [20]. Это приводит к тому, что, например, у большинства выпускников медицинских колледжей в Австралии на фоне отсутствия информации о разнообразии типов пожилых людей формируется общий

негативный образ пожилого человека и сопряженное с ним активное нежелание исполнять свой медицинский долг в нише оказания медицинских услуг этой категории граждан [\[22\]](#).

Следует отметить, что существует и другой пласт исследований, в которых описаны разные типы личностей в пожилом возрасте. При этом важно подчеркнуть, что часть этих типологий направлена на урегулирование какой-то частной стороны жизни пожилого человека. Так, было установлено, что пожилые китайцы, проживающие в сельской местности, в зависимости от предпочтаемого вида социальной активности составляют не один тип личности туриста, а несколько [\[13\]](#). Были сформулированы типы пожилых людей по типу питания, с целью снятия барьеров пищевого поведения к успешному старению [\[18\]](#). В маркетинге были определены типологии пожилых покупателей [\[9\]](#) и т.д.

В некоторых современных исследованиях, например, в медицине, прослеживается тенденция использовать при изучении специфики психологических реакций пожилых пациентов универсальные типологии, не учитывающие специфику возраста. К примеру, для прогноза эффективности лечения пожилых людей применяется общая психологическая типология больных. Указанная типология включает четыре типа личностей по наименованию букв латинского алфавита, от А до D. Основание выделения типов: отношение к болезни и поведение в отношении здоровья. Личность типа А – агрессивна, В – расслаблена; С – напориста [\[16\]](#). Больше всего исследуется тип D. Этот тип называется еще «неспокойный», у него самое низкое восприятие здоровья и неверное поведение в отношении здоровья [\[21; 25\]](#). В некоторых исследованиях показывается, что тип D больше всего выражен у пожилых пациентов, но не исследуется специфика проявлений этого типа у разных пожилых людей [\[8\]](#).

Точно также при оказании психиатрической помощи пожилым пациентам применяется универсальная типология личности К. Леонгарда [\[2\]](#), здесь фактор психического расстройства выступает более важным критерием типологии, чем возраст пациента. Полагаем, что это не совсем правильно, так как пожилой возраст накладывает свой отпечаток на типологические проявления личности.

Это подтверждается в некоторых исследованиях пожилого возраста. Так, на необходимость трансформации известных типологий личности применительно к пожилому возрасту обратили внимание Р. Steca, G. Alessandri, G.V. Caprara, когда установили, что общая модель личности, предложенная Г. Айзенком, требует адаптации для целей описания типов пожилых людей. По их мнению, новая модель должна включать как минимум три новых кластера: самочувствие, качество межличностных отношений, вовлеченность в досуговую деятельность [\[26\]](#).

Таким образом, тип поведения как внешнее проявление типа личности может быть обусловлен не только сложившимся в течении предыдущего онтогенеза типом характера, но и спецификой жизни в пожилом возрасте. Указанная позиция выражена в типологиях, специально созданных для целей социального обслуживания пожилых людей.

К примеру, для решения социальных проблем пожилого возраста была предложена типология, где типы пожилых людей выделяются по когнитивному статусу: «Независимый» (способный организовывать свою жизнедеятельность самостоятельно); «Испытывающий некоторые трудности» (хорошо ориентирующийся в повседневных типичных делах, но затрудняющийся в решении новых задач или ситуаций);

«Нуждающийся в наблюдении» (имеющий пониженную способность принимать бытовые решения) и «Неспособный принимать решения» [19]. Вместе с тем, эта типология имеет больше не психологический, а медико-социальный характер, так как в ее основе заложен физический фактор, обусловленный здоровьем, – способности по самообслуживанию.

В современной психологической литературе предложены как универсальные психологические типологии пожилых людей, пригодные для определения типа любого пожилого человека, так и частные типологии, описывающие типы только определенной части пожилых людей.

Универсальную типологию личностей пожилых людей, до сих пор востребованную в науке, предложил в середине XX века S. Reichard. Указанная типология в целом основана на признаках принятия или непринятия пенсионером своего нового статуса. Показательно, что он выделил не один, а три типа личностей, которые признаны адаптивными для пожилого возраста. К ним относится, во-первых, зрелый тип, который не жалеет о прошлом и надеется на будущее. В силу этого этот тип активно участвует в жизни общества, в том числе, и после ухода из трудовой деятельности, проявляет интерес к различным увлечениям.

Второй адаптивный тип был назван «Кресло-качалка». Он принимает свой пожилой возраст и занимает позицию слабого, которому в силу преклонного возраста требуется материальная и эмоциональная поддержка. У него нет потребностей трудится на пенсии, но он пытается комфортно жить в своем нынешнем положении неработающего пенсионера. Оборонительный тип (третий) также относится к адаптивному, но здесь личность применяет другие инструменты адаптации. Она старается поддерживать тот же уровень активности, что и в молодости, субъективно не признавая факта старения.

К неадаптивным были отнесены всего два типа: четвертый и пятый. Четвертый тип, названный «Злой», активно и агрессивно выражает разочарование через нападение на других, виня их в жизненных неудачах. Пятый тип «Ненавидящий себя» является неадаптивным в силу отсутствия позитивных представлений о себе и своей жизни [23].

Социально-ролевой подход был применен при выделении универсальных социально-психологических типов пожилых людей A. Baker и M. Silverstein. Ими были описаны такие типы как «Работник», «Родитель», «Опекун», «Волонтер» [11]. Таким образом, даже универсальные типологии имеют ограничения, поскольку основаны на разных мереологических признаках.

Частные типологии были разработаны, например, для изучения социально-ролевых отношений в семье. Так, были выделены типологии бабушек по критерию отношения к внукам. N. Baydar и J. Brooks-Gunn по этому основанию выделили четыре типа бабушек. «Бабушки-домохозяйки» и «Молодые со связями» бабушки помогали ухаживать за внуками, а «Удаленные» и «Хилые» бабушки не обеспечивали ухода [10]. А.С. Спиваковская по основанию включенности бабушек в семейную жизнь своих детей предложила два типа: «бабушка-жертва» и «бабушка-соперница» [7].

Таким образом, в отраслях современной науки, в том числе в различных отраслях психологии выработаны типологии пожилых людей, при этом чаще всего мереологические основания выделения типов выбираются в зависимости от проблемы, которая важна для пожилого возраста. При этом выделяются как общие типологические признаки пожилого возраста, так и различительные. Вместе с тем, практически не

изученными остались вопросы описания психологических типологий пожилых людей, обращающихся в центры социальной защиты населения, хотя для работников социальных служб важно правильно установить контакты с пожилым клиентом, чтобы помочь максимально отвечала его потребностям и при этом не дестабилизировать собственную личность после общения с нестандартным клиентом.

Объектом исследования выступил пожилой возраст, предметом – типы личности в пожилом возрасте. Научной новизной проведенного исследования стало выявление трех вариантов типологий личности в пожилом возрасте: универсальных, частных и ситуационных. Впервые было показано, что для целей обслуживания клиентов в центрах социальной защиты населения наиболее эффективны ситуативные типологии, учитывающие характер ситуации, в рамках которой происходит работа с пожилым клиентом.

Методика исследования

Методы исследования: а) групповое интервью в фокус-группе. Групповое интервью в фокус-группе – это специально организованное общение людей, которые знакомы с определенной проблемой, поскольку ранее были участниками похожих ситуаций [24]. После того, как сразу всей группе задавались вопросы интервью, каждый член фокус-группы должен был дать свой ответ на каждый вопрос;

б) кейс-метод. Кейс-метод был сопряжен с групповым интервью. Участники фокус-группы рассказывали конкретные ситуации, имевшие место в их практической деятельности.

Тема обсуждения в фокус-группе: «Типы пожилых клиентов».

Целями группового интервью в фокус-группе стали:

1. Выявление типов пожилых людей, обращающихся за помощью в социальные службы.
2. Определение способов взаимодействия с разными типами пожилых людей.

Базовые вопросы интервью: 1) Можно ли утверждать, что пожилые клиенты социальных служб составляют разные психологические типы или они типологически однородны?

- 2) Как Вы можете описать психологические особенности каждого типа клиента?
- 3) Какие приемы работы из Вашего опыта оказались наиболее успешны с каждым типом пожилых клиентов?

Выборка. Участниками фокус-группы стали психологи, работающие в отделе социальной защиты населения г. Ельца и другие работники этой структуры, имеющие большой опыт взаимодействия с пожилыми людьми, всего 6 человек. Модератором фокус-группы стал автор данной статьи.

Результаты

Согласно правилам работы в фокус-группах [17] вначале была задана тема коллективного обсуждения: «Типы пожилых клиентов». Технологическая работа в фокус-группе имела определенный алгоритм, направленный на активизацию у членов фокус-группы опыта учета различных поведенческих реакций пожилых клиентов центра социальной защиты населения при получении ими социальной помощи и поддержки. В частности, последовательно, анализировались ситуации, где проявлялись типологические свойства клиентов. Было выбрано три таких ситуации: а) раздача

гуманитарной помощи; б) участие пожилых людей в групповом общении; в) получение социальной и психологической помощи на дому.

Модератор стимулировал, чтобы члены фокус-группы не просто давали типологическую оценку своим клиентам, но и приводили конкретные примеры, которые подтверждали бы их позицию. В результате обмена и анализа опыта были выделены типы пожилых клиентов в зависимости от ситуации, в которой они актуализировались.

Рассмотрим последовательно типы личностей пожилых людей, проявившиеся в разных ситуациях социального взаимодействия. Работники социальной службы, кроме своих традиционных обязанностей, занимаются еще раздачей гуманитарной помощи, например, в случаях пандемии, ко дню пожилых людей и т.д. Участники фокус-группы выдели три типа получателей такой помощи: а) «обязанный», б) «подозрительный» и в) «агрессивный». Общение с каждым из типов потребовало индивидуального подхода. Так, пожилые люди «обязанного» типа, получая такую помощь, старались как-то отблагодарить волонтеров: кто-то, например, просил взять чуть-чуть чеснока из своего огорода, кто-то предлагал выпечку собственного приготовления. Волонтеры должны были вежливо и приветливо отказаться, чтобы не обидеть пожилого человека. Обязанным этот тип был назван потому, что получатели помощи субъективно считали себя обязанными как-то отплатить за доброту и внимание, которую к ним в принципе не обязаны проявлять посторонние люди.

Тип «Агрессивный» потребовал совсем иной психологической реакции. Представители этого типа изначально считали гуманитарную помощь своей собственностью, а не случайнм благом. Они тщательно проверяли состав продуктов в передаваемом пакете и устраивали скандалы, в случае, если им казалось, что какой-то продукт отсутствует. Волонтеры в таких случаях должны были объяснять, что продуктовый набор собирался за счет благотворительности местных предпринимателей и то, что входило в его состав, определялось тоже ими. В одном из случаев, когда пенсионерка обвинила волонтеров в том, что в продуктовом наборе отсутствует шоколадка, один из них, предложил купить шоколадку скандальной женщине за счет своих средств. Этот психологический прием демонстрации своей добросовестности оказал стабилизирующее влияние на эмоционально возбужденную женщину.

Однако самым трудным в общении оказался третий тип «Подозрительный», поскольку вообще отказался от принятия гуманитарной помощи. Мотивацией отказа представителей подозрительного типа являлось опасение стать жертвой незнакомых людей. Психологический вывод, который был сделан волонтерами для этих случаев – проявление уважения к позиции пожилого человека. Здесь не нужно было настаивать и убеждать пенсионера открыть дверь, а следовало использовать юридико-психологическую формулу: «Принимать помощь – это право пожилого человека, а не его обязанность».

В ситуации получения социальной и психологической помощи на дому было зафиксировано четыре типа личностей: а) «религиозный»; б) «договорный»; в) «диктаторский»; г) «манипуляторский».

«Религиозный» тип демонстрировал полное смирение с трудной жизненной ситуацией, обусловленной старением организма и непростой экономической ситуацией. Этот тип нашел для себя психологические формулы совладания, которые социальный работник должен поддерживать, чтобы не разрушать стабильность функционирования личности в таких случаях. Вот пример одного из кейсов, в которых проявился этот тип.

Кейс 1. Пожилая женщина живет одна, к ней раз в месяц в день получения пенсии приходит внук. Формулы смирения с текущей ситуацией таковы: «Господь мне помогает, посылая тех людей, которые мне нужны»; «Господь насытит меня»; «Господь не оставит» и др.

«Договорный» тип демонстрировал поведение, которое можно описать как требование выполнения тех предписаний, которые были в договоре на социальное обслуживание: «Я плачу за такую-то услугу, Вы должны ее оказать». С таким типом легче всего общаться, так как каждая сторона знает пределы своих прав и обязанностей.

«Диктаторский» тип личности пожилого получателя социальных услуг на дому проявлялся в таких формулах общения как: «Я не разрешаю тебе уходить!»; «Ты должна прийти завтра в такое-то время!» и т.п. Этот тип личности требовал беспрекословного подчинения от работника социальной службы, показывая свою лидирующую позицию в социально-ролевой диаде и зависимую позицию социального помощника. Общение с такими людьми потребовало особой гибкости и театральности.

«Манипуляторский тип» демонстрировали пожилые люди с развитой фантазией. Они придумывали любые поводы, чтобы заставить работника социальной службы сделать что-то больше, чем их прямые обязанности по договору социального обслуживания, сочиняя разные, почти фантастические истории. В таких случаях как поддержка фантазий, так и намеренное их разрушение могут привести к конфликтам с клиентом.

Среди участников групп общения в центре социальной защиты актуализировались четыре типа пожилых людей: а) «позитивный»; б) «критический»; в) «безразличный» и г) «намеренно конфликтный».

«Позитивный тип» – это люди, осознающие ценность каждого участника группы общения. Они ведут себя внимательно и доброжелательно по отношению как к психологу, так и ко всем присутствующим в группе, независимо от того, давно ли его знают или это – новичок. Этот тип похож по психологическим характеристикам на хорошо адаптированный к пожилому возрасту универсальный зрелый тип, описанный S. Reichard [23].

«Критический тип» вел себя как цензор, оценивал технику проведения занятий. К примеру, одна из клиенток постоянно напоминала: «Я хочу прояснить, насколько качественно Вы нас обслуживаете», давала советы по улучшению технологий общения в группе (кейс 2). По мнению участников фокус-группы, данный тип надо поддерживать, поскольку его небезразличие позволяет совершенствовать механизмы общения с пожилыми людьми.

К «Безразличному» типу мы отнесли тех участников групп общения, которые вели себя отчужденно, не демонстрируя интереса к групповым событиям и процессам. Большинство из таких пожилых приходили редко, пропускали большинство занятий. Кейс 3 показывает суть этого типа. На вопрос: «Придете ли Вы в следующий раз?» клиентка ответила: «Я не понимаю, зачем я здесь? Я не чувствую себя пожилым человеком». Этот тип явно неадаптирован к своему пенсионному статусу и чувствует себя некомфортно в социальной роли пенсионера. Этот типаж близок к позитивному «Оборонительному» типу, описанному S. Reichard [23], поэтому и психологическая работа с ним должна строится как с позитивным типом: поддерживать претензии на противодействие возрастным изменениям.

«Намеренно конфликтный» тип продемонстрировал, что развитие и изменение личности

продолжается и в пожилом возрасте, что новый тип личности может быть сформирован и в серебряный период жизни. В фокус-группе этот тип был описан как человек, который приходит в группу общения, чтобы развить те стороны своей личности, которые ранее были намеренно подавлены социальными условиями и правилами. Этот тип демонстративно привлекает внимание к своей персоне, причем делая это в конфликтной форме. Например, пожилой даме не хватило чайной ложечки в общем чаепитии (кейс 4). Она демонстративно потребовала разобраться, почему именно ей не досталось ложечки. Большая часть времени общения ушла на ее успокоение, все объясняли, что никто не хотел ее обидеть, ей нашли сразу три ложечки на выбор, но настроение у всех было испорчено. При индивидуальном общении с психологом о причинах такого поведения эта пожилая женщина рассказала, что в течение предыдущей жизни старалась со всеми ладить, не заявлять о своих интересах, всем уступать, чтобы не было напряженных отношений. Пожилой возраст, как она полагает, дал ей возможность применить другую модель поведения, которую она всегда избегала, чтобы проверить ее эффективность. В таких случаях необходима психологическая консультативная помощь, иначе начнется фиксация на негативных формах поведения, что может привести к разрушению социальных контактов у таких клиентов.

Обсуждение результатов

Исследование показало, что в пожилом возрасте могут проявляться разные типы поведения и, соответственно, разные типы личностей. В фокус-группе не было выявлено общего типа поведения, характерного для всех пожилых людей, что свидетельствует о том, что рассматриваемые ситуации социального взаимодействия не стимулировали формирования общих стандартов поведения.

Среди описанных типов личности, проявившихся в ситуации групп общения в центре социальной защиты населения, были выявлены типы, похожие на имеющиеся в типологии S. Reichard. Это доказательство того, что типология S. Reichard отражает именно тип общения и представления себя в малой социальной группе, однако малоприменима в иных случаях.

Кроме того, универсальная типология, описанная Suzanne Reichard, была создана как результат изучения английских пенсионеров. Отсюда некоторые варианты, описанные ею, не типичны для российского общества, например, вариант «Кресло-качалка» – это тип времяпрепровождения английского аристократа, а не отечественного пожилого рабочего или фермера. Более соответствует отечественным реалиям универсальная типология пожилых людей, предложенная А.В. Кячкиным, которая использовалась и другими исследователями серебряного возраста [5]. Однако данная типология использует настолько разные основания для выделения типов, что требует серьезной доработки. Так, А.В. Кячкиным были выделены «Семейный» и «Одинокий» типы наряду с «Творческим», «Социальным», «Политическим», «Религиозным», «Больным» и «Угасающим» типами. Очевидно, что типы «Семейный» и «Одинокий» должны составлять отдельную типологию по основанию наличия семейных связей, также, как и типы «Угасающий» и «Социальный», поскольку имеют общий мереологический признак – участие в социальной жизни и т.д. [3]. Из типов, описанных А.В. Кячкиным, некоторые типы коррелируют с выделенными нами, к примеру «Позитивный» коррелирует с «Социальным», а тип «Религиозный» нашел применение в нашей типологии. Однако поскольку типы, выделенные А.В. Кячкиным, не привязаны к определенным ситуациям, а претендуют на универсальность, то это затрудняет формулирование правил оказания консультационной и психотерапевтической помощи в конкретных случаях.

Одним из результатов нашего исследования стало доказательство того, что типологии личности пожилого человека могут иметь как универсальный, так и ситуационный характер, то есть тип поведения и, соответственно, тип личности зависит от типичной ситуации, в которой оказывается пожилой человек. Закономерность полученных нами результатов подтверждают данные виктимологии (науке о жертве). В рамках этой науки, имеющей солидную психологическую составляющую, были сформулированы как универсальные, так и ситуационные типологии жертв преступлений. Две наиболее известные универсальные типологии жертв преступлений были созданы Д.В. Ривманом: «Активный тип», «Пассивный тип» и т.д. [6]. Кроме того, были разработаны типологии, различающиеся в зависимости от вида преступления, совершенного в отношении жертвы, например, типология жертв терроризма [4], типология жертв посягательств на половую свободу [1] и др. Эти типологии носят ситуационный характер, так как обусловлены ситуативным фактором – обстоятельствами совершенного преступления.

В проведенном нами эмпирическом исследовании был подтвержден факт продолжающегося развития личности в пожилом возрасте, установленный ранее в других исследованиях [12]. Наше исследование показало, что пожилом возрасте могут формироваться и новые типы личностей, даже альтернативные ранее сформированным. Так, неконфликтный тип может трансформироваться в конфликтный.

Нами было показано, что в некоторых ситуациях социального взаимодействия, важных в пожилом возрасте: получение гуманитарной помощи, получение социальных услуг на дому и общения в специально созданных группах общения на базе центра социальной защиты населения оказались значимыми типы поведения, обусловленные самим характером ситуации. Это говорит о том, что общие типологии личностей, разработанные в психологии ранее, но не учитывающие специфики пожилого возраста, должны быть адаптированы к специальным условиям социального взаимодействия в позднем онтогенезе.

Заключение

Причинами формирования разных типов личности в пожилом возрасте могут быть самые разные факторы и их надо учитывать в консультационной и психотерапевтической работе с пожилыми клиентами социальных служб. Среди этих факторов могут быть переоценка жизненных ценностей и форм общения, освоение новых стандартов поведения, а не только сложившиеся личностные черты, ставшие основой акцентуаций характера, а также кризисные и стрессовые переживания.

Выявление типов личности важно для построения логики продуктивного взаимодействия с пожилыми клиентами социальных служб в зависимости от их индивидуально-типологических особенностей. В этом плане сама организация общения в рамках фокус-группы создала возможность обратить внимание на проблему типологий личности в пожилом возрасте и освоить новые приемы поведения с типологически разными людьми.

Было установлено, что можно выделить три варианта типологий личности в пожилом возрасте: универсальные, частные и ситуационные. Для целей обслуживания клиентов в центрах социальной защиты населения наиболее эффективны ситуативные типологии, учитывающие характер ситуации, в рамках которой происходит работа с пожилым клиентом.

Вместе с тем, другие ситуации социального взаимодействия в пожилом также могут стимулировать иные типы личностей, что требует дальнейшего изучения.

Можно сформулировать некоторые **рекомендации** по формированию готовности работников социальных служб к взаимодействию с разными типами пожилых клиентов. Во-первых, в программы обучения социальных работников должны быть включены темы по изучению особенностей личности пожилых людей. Во-вторых, заслуживают внимание, зарубежные программы, ориентированные на обучение безработных молодых людей оказанию помощи пожилым людям [27]. Эти программы также должны включать информацию о типах личности в позднем онтогенезе. В-третьих, социальные службы должны ориентировать всех родственников пожилых людей на понимание лабильности личности в пожилом возрасте.

Библиография

1. Абызов Р.М., Заварыкин И.Н. Виктимное поведение в генезисе изнасилования // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2-1. С. 15-18.
2. Корнилов В.В., Шешенин В.С., Малкина Н.А. Психотерапия у пациентов пожилого возраста с аффективными расстройствами в исходе патологической реакции горя // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 111-126. DOI: 10.17759/cpp.2021290407
3. Макарова Т.В. Типология жертв терроризма // Юридические исследования. 2013. № 8. С. 213-226. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.8.9338 URL: https://e-notabene.ru/lr/article_9338.html
4. Макарова Т.В. Типология жертв терроризма // Юридические исследования. 2013. № 8. С. 213-226. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.8.9338 URL: https://e-notabene.ru/lr/article_9338.html
5. Оконешникова О.В. Типы социальной субъектности в пожилом возрасте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 3. С. 111-120.
6. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. Санкт-Петербург, 2002. 304 с.
7. Спиваковская А.С. Психотерапия: игра, детство, семья. Том 2. Москва: ООО Апрель Пресс, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 464 с.
8. Сумин А.Н., Красилова Т.А., Сумина Л.Ю. Субклинический атеросклероз и тип личности у пациентов пожилого возраста // Клиническая геронтология. 2012. № 7-8. С. 18-22.
9. Angell R., Megicks P., Memery J., Heffernan T., Howell K. Understanding the older shopper: A behavioural typology // Journal of Retailing and Consumer Services. 2012. Vol. 19. Is. 2. March. P. 259-269. DOI: 10.1016/j.jretconser.2012.01.007
10. Baydar N., Brooks-Gunn J. Profiles of grandmothers who help care for their grandchildren in the United States // Family Relations. 1998. Vol. 47. P. 385. DOI: 10.2307/585269
11. Baker L. A., Silverstein M. Depressive symptoms among grandparents raising grandchildren: the impact of participation in multiple roles // Journal of Intergenerational Relationships. 2008. No 6. P. 285-304. DOI: 10.1080/15350770802157802
12. Field D., Millsap R.E. Personality in advanced old age: continuity or change? // Journal Gerontology. 1991. Vol. 46. P. 299-308. DOI: 10.1093/geronj/46.6
13. Cheng H., Yang Z., Ren Y. Understanding elderly rural stayers in China: A new model for active ageing // Tourism Management Perspectives. 2022. Vol. 43. July. 100995. DOI: 10.1016/j.tmp.2022.100995
14. Gier V.S., Kreiner D.S., Lampinen J.M. Factors Affecting Recognition of Senior Citizens in a Silver Alert // Journal of Police and Criminal Psychology. 2017. V. 32. P. 185-196.
15. Heyn L., Brembo E.A., Eide H., Hafskjold L., Sundling V. Older persons' expressed worries during nursing care at home: Do health complexity and nature of nursing care in the visit matter? // Patient Education and Counseling. 2021. Vol. 104. Is. 10. P. 2418-2424.

DOI: 10.1016/j.pec.2021.07.019

16. Kim S., Choi M., Lee J.H., Kim H. et al. Type D personality, cognitive illness perception, depression, approach coping, and self-management among older adults in long-term care hospitals: Structural equation modeling // Geriatric Nursing. 2022. Vol. 48. November–December. P. 150-157. DOI: 10.1016/j.gerinurse.2022.09.011
17. Lathia T., Chittem M., Chawak S., Katdare P., Jayaram S., Medical K., Selvan C. Experiences and expectations of physician communication: A focus group discussion with Indian patients with type 2 diabetes mellitus // Chronic Illness. 2023. September. DOI: 10.1177/17423953231200683
18. Maître I., Sulmont-Rossé C. et al. Food perception, lifestyle, nutritional and health status in the older people: Typologies and factors associated with aging well // Appetite. 2021. Vol. 164. September. 105223. DOI: 10.1016/j.appet.2021.105223
19. Miyamori D., Yoshida S., Kashima S. et al. How the 2018 Japan Floods Impacted Nursing Home Admissions for Older Persons: A Longitudinal Study Using the Long-Term Care Insurance Comprehensive Database // Journal of the American Medical Directors Association. 2023. Vol. 24. Is. 3. March. P. 368-375. DOI: 10.1016/j.jamda.2022.11.021
20. Nay R., Garratt S., Koch S. Challenges for Australian Nursing in the International Year of Older Persons // Geriatric Nursing. 1999. Vol. 20. Is. 1. P. 14-17. DOI: 10.1016/S0197-4572(99)70050-9
21. Nefs G., Speight J., Pouwer F., Pop V., Bot M., J. Denollet J. Type D personality, suboptimal health behaviors and emotional distress in adults with diabetes: Results from Diabetes MILES – The Netherlands // Diabetes Research and Clinical Practice. 2015. Vol. 108. Is. 1. April. P. 94-105. DOI: 10.1016/j.diabres.2015.01.015
22. Rayner J.-A., Fetherstonhaugh D., Beattie E., Harrington A., Jeon Y., Moyle W., Parker D. "Oh, older people, it's boring": Nurse academics' reflections on the challenges in teaching older person's care in Australian undergraduate nursing curricula // Collegian. 2023. Vol. 30. Is. 1. February. P. 141-146. DOI: 10.1016/j.colegn.2022.08.009
23. Reichard S., Livson F., Petersen P.G. Aging and personality: a study of eighty-seven older men. New York: Arno Press, 1980.
24. Salhiya R.D. Self-Perception for Women in Man Dominated Professions in Gaza // International Journal of Arts and Social Science. 2023. Vol. 6. Is. 2. February. P. 104-114.
25. Seki K., Ikeda T., Urata K., Shiratsuchi H., Kamimoto A., Hagiwara Y. Correlations between implant success rate and personality types in the older people: A preliminary case control study // Journal of Dental Sciences. 2022. Vol. 17. Is. 3. July. P. 1266-1273. DOI: 10.1016/j.jds.2021.11.014
26. Steca P., Alessandri G., Caprara G.V. The utility of a well-known personality typology in studying successful aging: Resilients, undercontrollers, and overcontrollers in old age // Personality and Individual Differences. 2010. Vol. 48. Is. 4. March. P. 442-446. DOI: 10.1016/j.paid.2009.11.01
27. Wong R.N., Bayuo R.N. et al. The Effects of the Connecting All Generations Through the Gerontech (CARETech) Program on Motivating Young People to Enter the Elderly Care Sector // Journal of Adolescent Health. 2024. Vol. 75. Is. 5. P. 801-808. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2024.06.015

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Психотипы пожилых людей в ходе

взаимодействия с работниками социальных служб». Работа представляет собой краткую постановку проблемы, проведение краткого теоретического анализа, а также эмпирического исследования.

Предмет исследования в работе не сформулирован. В то же время работа нацелена на выявление типов пожилых людей, обращающихся за помощью в социальные службы, а также определение способов взаимодействия с разными типами пожилых людей.

Методология исследования. В работе проведен обобщающий обзор и анализ опубликованных в российских и зарубежных изданиях исследований, которые рассматривают затронутую проблему.

При проведении эмпирического исследования были использованы следующие методы:

а) Групповое интервью в фокус-группе. Групповое интервью в фокус-группе – это специально организованное общение людей, которые знакомы с определенной проблемой, поскольку ранее были участниками похожих ситуаций. После того, как сразу всей группе задавались вопросы интервью, каждый член фокус-группы должен был дать свой ответ на каждый вопрос;

б) Кейс-метод. Кейс-метод был сопряжен с групповым интервью. Участники фокус-группы рассказывали конкретные ситуации, имевшие место в их практической деятельности.

Участниками фокус-группы стали психологи, работающие в отделе социальной защиты населения г. Ельца и другие работники этой структуры, имеющие большой опыт взаимодействия с пожилыми людьми, всего 6 человек. Модератором фокус-группы стал автор данной статьи.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в отраслях современной науки, в том числе в различных отраслях психологии выработаны типологии пожилых людей. При этом чаще всего основания выделения типов выбираются в зависимости от проблемы, которая важна для пожилого возраста. При этом выделяются как общие типологические признаки пожилого возраста, так и различительные. Вместе с тем, практически не изученными остались вопросы описания психологических типологий пожилых людей, обращающихся в центры социальной защиты населения, хотя для работников социальных служб важно правильно установить контакты с пожилым клиентом, чтобы помочь максимально отвечала его потребностям и при этом не дестабилизировать собственную личность после общения с нестандартным клиентом.

Научная новизна исследования. Автором было отмечено следующее:

- Исследование показало, что пожилом возрасте могут формироваться и новые типы личностей, даже альтернативные ранее сформированным (так, неконфликтный тип может трансформироваться в конфликтный);

- В некоторых ситуациях социального взаимодействия, важных в пожилом возрасте (получение гуманитарной помощи, получение социальных услуг на дому и общения в специально созданных группах общения на базе центра социальной защиты населения) оказались значимыми типы поведения, обусловленные самим характером ситуации. Следовательно, общие типологии личностей, разработанные в психологии ранее, но не учитывающие специфики пожилого возраста, должны быть адаптированы к специальным условиям социального взаимодействия в позднем онтогенезе.

- Причинами формирования разных типов личности в пожилом возрасте могут быть самые разные факторы (переоценка жизненных ценностей и форм общения, освоение новых стандартов поведения, а не только сложившиеся личностные черты, ставшие основой акцентуаций характера, а также кризисные и стрессовые переживания).

Автором отмечается, что выявление типов личности важно для построения логики продуктивного взаимодействия с пожилыми клиентами социальных служб в зависимости от их индивидуально-типологических особенностей.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы четко прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе представлена. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для того, чтобы раскрыть предмет исследования.

Во вводной части кратко определена тема исследования и обозначены ее «проблемные» зоны. Автором выделено несколько направлений исследований:

- исследования, которые фиксируют общий тип личности в пожилом возрасте;
- исследования, которые посвящены подготовке медицинских сестер к работе с пожилыми пациентами;
- исследования, которые описывают разные типы личностей в пожилом возрасте и т.д.

В основной части автором представлены результаты эмпирического исследования и их обсуждение.

В завершающем разделе автором сформулированы общие выводы и подведены основные результаты.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 26 отечественных и зарубежных источников, издания за последние три года практически отсутствуют. В список включены, в основном, статьи, тезисы и монографии. Помимо этого, имеются также учебные материалы, информационные издания. Источники оформлены не во всех позициях корректно и однородно (особенно, при описании интернет-источников).

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- 1) провести анализ большего числа научных источников, в том числе современных, поскольку затронутая проблема активно рассматривается отечественными и зарубежными исследователями; теоретический анализ именно современных источников является недостаточным;
- 2) во вводном разделе сформулировать объект, предмет, научную новизну проведенного исследования;
- 3) сформулировать рекомендации по результатам проведенного исследования;
- 4) представить перспективы дальнейшего исследования, в том числе, эмпирического.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами психологического и социального сопровождения пожилых людей. В том числе, важным является вопрос о выделении психотипов пожилых людей и особенности их взаимодействия с окружающими. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются психотипы пожилых людей в ходе взаимодействия с работниками социальных служб.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также «групповое интервью в фокус-группе» и «кейс-метод».

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях возрастает значение оказания помощи пожилым людям, особую роль в этом процессе играют работники социальных служб. Однако пожилой возраст имеет много особенностей, которые оказывают влияние выстраивание социальных отношений с окружающими и отражается на качестве жизни пожилых людей. В этом контексте изучение психотипов пожилых людей в ходе взаимодействия с работниками социальных служб представляет научный интерес среди различных ученых.

Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике и последующим выявлении психотипов пожилых людей в процессе их взаимодействия с работниками социальных служб на примере специалистов отдела социальной защиты населения г. Ельца.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме, использованием терминологии, характеризующей предмет исследования, а также подробным описанием хода проведения исследования и полученных результатов.

Структура статьи, к сожалению, не полностью выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает в себя вводную часть, методику исследования, результаты, обсуждение результатов, заключение и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особый интерес представляют выявленная в ходе исследования тенденция, что «в пожилом возрасте могут проявляться разные типы поведения и, соответственно, разные типы личностей. В фокус-группе не было выявлено общего типа поведения, характерного для всех пожилых людей, что свидетельствует о том, что рассматриваемые ситуации социального взаимодействия не стимулировали формирования общих стандартов поведения».

Библиография содержит 27 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих различные подходы к рассмотрению психотипов личности в пожилом возрасте и особенностей их проявления при выстраивании социальных отношений с окружающими. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «причинами формирования разных типов личности в пожилом возрасте могут быть самые разные факторы и их надо учитывать в консультационной и психотерапевтической работе с пожилыми клиентами социальных служб. Среди этих факторов могут быть переоценка жизненных ценностей и форм общения, освоение новых стандартов поведения, а не только сложившиеся личностные черты, ставшие основой акцентуаций характера, а также кризисные и стрессовые переживания».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководителями и работниками социальных служб, гериатрических центров, специалистами, взаимодействующими и работающими с пожилыми людьми, психологами, социальными работниками, социологами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что особое внимание целесообразно было бы уделить структуре научной статьи и отдельным ее элементам, в частности, сформулировать и выделить отдельным заголовком введение,

выделить и обозначить обзор литературы в структуре исследования. Предложенные в конце текста статьи рекомендации целесообразно было бы встроить в текст исследования после обсуждения результатов и выводов, а не завершать ими исследование. Кроме обобщающего заключения можно было бы сформулировать также и выводы по результатам проведенного исследования. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить, доработать текст статьи, а рукопись рекомендуется вернуть на доработку.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Халиков Р.М. Психологическая система мотивации персонала девелоперской компании // Психолог. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.6.72588 EDN: HBGBHT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72588

Психологическая система мотивации персонала девелоперской компании

Халиков Рустем Марсович

аспирант; Гуманитарный институт (психолого-педагогическое направление); Российский новый университет
Специалист организационного развития; АО "Центр-Инвест"

119526, Россия, г. Город Москва, пр-т Проспект Вернадского, 95к1, кв. 134

✉ halikov-2000@mail.ru

[Статья из рубрики "Профессиональная психология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.6.72588

EDN:

HBGBHT

Дата направления статьи в редакцию:

05-12-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей трудовой мотивации персонала в девелоперских компаниях по управлению инвестиционно-строительными проектами. Актуальность изучения мотивационных составляющих эффективности данной профессиональной деятельности обусловлена меняющимися условиями работы компаний и усложнением нормативно-правовой базы, регулирующей востребованную на рынке недвижимости сферу девелопмента. Цель работы состоит в выявлении мотивационных факторов и построении концептуальной модели психологической системы трудовой мотивации персонала в данной отрасли. Предметом исследования выступают особенности трудовой мотивации основных категорий персонала девелоперской компании, обусловленные спецификой ее организационной структуры, функционального разделения труда и ролевых профилей сотрудников. Результаты эмпирического исследования построения модели психологической системы трудовой мотивации учитывают выявленную вариативность мотивационных профилей сотрудников девелоперской компании в зависимости от их функционально-ролевой принадлежности. В качестве методологической основы исследования выступили системный, структурно-функциональный и уровневый подходы. Методология исследования базируется на

психологическом анализе мотивационных механизмов девелоперской компании и включает трудовой метод, методы анализа документации, интервьюирования, анкетирования. Также применялись методы классификации, группировки, обобщения, сравнительного анализа. Выделены мотивационные кластеры для топ-менеджмента, руководителей среднего звена, специалистов по продажам и вспомогательного персонала. Сформулированы практические рекомендации по проектированию эффективной системы мотивации с учетом выявленных особенностей. Результаты исследования могут найти применение в процессе разработки и реализации программ стимулирования персонала девелоперских компаний. Новизна исследования заключается в структурно-функциональном анализе мотивационной специфики различных категорий персонала девелоперской компании. Основной вывод состоит в необходимости дифференциации мотивационных детерминант эффективности труда и адаптации стимулирующих механизмов в соответствии со спецификой функциональных ролей и индивидуальных мотивационных профилей сотрудников. Практическая ценность подобных исследований заключается в формировании адаптивной модели трудовой мотивации, основанной на выявленных детерминантах эффективности труда персонала в девелоперских компаниях, способных гибко реагировать на развитие в условиях неопределенности.

Ключевые слова:

психология труда, трудовая мотивация, девелопмент, управление персоналом, стимулирование, организационная структура, функциональные роли, дифференциация мотивационных профилей, материальные нематериальные факторы, система мотивации

Введение

В современных условиях динамичного усложнения рыночных механизмов, человеческий капитал является системообразующим фактором различных управлеченческо-экономических процессов и предполагает в качестве основы мотивационный комплекс, обеспечивающий эффективную организацию работы трудового коллектива, в том числе в девелоперских компаниях. Учет мотивационных особенностей персонала становится условием для обеспечения их конкурентоспособности [6; 10]. Девелоперские компании, будучи сложноорганизованными структурами, вовлеченными в широкий спектр возможностей, связанных с развитием и управлением недвижимостью, в полной мере зависят от мотивационной составляющей. В отличие от традиционных строительных организаций, нацеленных преимущественно на возведение объектов, девелоперы осуществляют комплексное управление инвестиционно-строительными проектами, начиная от концепции и проектирования и заканчивая реализацией и эксплуатацией недвижимости [9].

Девелопмент как отрасль находится в процессе активного становления, что выражается в непрерывном изменении ее правовых, управлеченческих и психологических аспектов [12]. Трансформация девелоперской деятельности обуславливает необходимость перманентной адаптации мотивационных механизмов к меняющимся условиям функционирования компаний данного профиля. Актуальность изучения психологических аспектов эффективности девелоперских компаний и менеджмента, а также учета мотивационных факторов в их деятельности обусловлена усложнением нормативно-правовой базы, регулирующей сферу девелопмента [15]. Система законодательных актов,

регулирующая градостроительную деятельность, земельные отношения, долевое строительство, кадастровую деятельность, техническое регулирование и инвестиционную активность в строительстве [14], а также другие многочисленные подзаконные акты, свидетельствует о востребованности и высокой значимости данной отрасли. Вместе с тем, обилие нормативных требований, охватывающих все этапы девелоперского проекта от проектирования до ввода объекта в эксплуатацию, равно как и многообразие регулируемых параметров (от санитарно-эпидемиологических норм до требований энергоэффективности в Федеральном законе №261-ФЗ), порождает сложность управлеченческих процессов в данной области.

Реализация проектов в столь регламентированной правовой среде требует эффективной организации взаимодействия многочисленных участников проекта (проектировщиков, подрядчиков, инвесторов, контролирующих органов и т.д.), слаженной работы различных подразделений компании, выполнения всех процедур на каждом этапе. В этих условиях основным фактором успешности становится качество человеческого капитала – профессионализм, компетентность, ответственность и мотивированность сотрудников. Учитывая, что на девелоперские компании, помимо общих требований трудового законодательства, распространяются строительные нормы охраны труда и безопасности, создание эффективной системы мотивации персонала, обеспечивающей не только производительность, но и соблюдение норм и регламентов, становится важнейшей задачей психологии труда. Однако, несмотря на высокую актуальность и практическую значимость проблематики мотивации в девелопменте, степень ее научной разработанности остается недостаточной.

Обзор научной литературы

Существующие исследования в основном фокусируются либо на анализе мотивации в принципиально иных профессиональных областях, таких как здравоохранение [11; 25], образование [8; 26], государственное управление [2; 18; 21], либо в смежных отраслях, например, в сфере архитектурно-проектной деятельности [22], управления недвижимостью [3; 13; 25], генподрядного строительства [21]. Специфике мотивации сотрудников непосредственно девелоперских компаний посвящено сравнительно малое число работ, при этом они носят фрагментарный характер.

Так, Е.Ю. Косарев [4] в своей работе выделяет факторы, негативно влияющие на развитие девелопмента, среди которых отмечается и отсутствие мотивации сотрудников. Автор подчеркивает, что данный фактор является наиболее значимым, поскольку мотивированность персонала обеспечивает более ответственное отношение к работе и позволяет получать более высокие результаты на всех этапах девелоперского проекта. Вместе с тем, детальный анализ мотивационных механизмов в исследовании не проводится. В другой работе этого же автора [5] рассматриваются особенности эффективности трудовой деятельности в девелопменте и выделяются основные способы мотивации сотрудников: премирование, социальные льготы, повышение в должности. Автор отмечает необходимость разработки соответствующих положений о премировании, предоставлении льгот и карьерном росте. Также указывается на важность учета специфических факторов, влияющих на организацию труда в девелопменте – времени, производительности, эффективности и профессиональных навыков сотрудников. Однако данные факторы не анализируются в связи с конкретными категориями персонала и их мотивационными профилями.

А.Х. Ляшенко^[7], исследуя психологические особенности личности сотрудников, проводит оценку мотивационной направленности в контексте достижения успеха среди основного персонала компании. По результатам психоdiagностики выявлено, что большинство сотрудников подразделения продаж имеют среднюю мотивацию достижения и более склонны к мотивации избегания неудач. На основе исследования построена психограмма менеджера по продажам недвижимости, включающая профессионально важные качества. Вместе с тем, за рамками анализа остается мотивация других категорий сотрудников девелоперских компаний, что позволяет говорить об исследовательской ограниченности вопроса.

А.С. Селиванова и А.М. Платонов^[19], рассматривая мотивацию как психологический инструмент управления в девелопменте, описывают систему премирования, привязанную к этапам реализации проекта. Данный подход, безусловно, учитывает организационную специфику девелопмента, однако затрагивает лишь материальную мотивацию.

М.В. Ольшанская^[13] отмечает комплексный характер программ мотивации персонала в девелоперских компаниях, включающих и социально-психологические методы. Особое внимание уделяется роли автономной мотивации, положительно связанной с производительностью и инновационным трудовым поведением сотрудников. При этом изучаемая мотивация, по мнению автора, может иметь преимущества при выполнении рутинных задач, но снижает эффективность в ситуациях, требующих когнитивной гибкости и креативности. Вместе с тем, данные выводы не учитывают функциональной специфики персонала девелоперских компаний.

Е.В. Разоренова^[17], анализируя современные управленческие тенденции в девелопменте, указывает на практику разработки систем монетарного поощрения сотрудников, привязанных к ключевым показателям эффективности (КПЭ). При этом набор КПЭ определяется в соответствии со стратегическими целями компании и особенностями строительного цикла. Вопросы немонетарной мотивации в данном исследовании не поднимаются.

Таким образом, несмотря на наличие отдельных исследований, затрагивающих проблематику мотивации в девелопменте, многие аспекты данного вопроса остаются недостаточно раскрытыми. Во-первых, существующие работы, как правило, фокусируются на отдельных функциональных группах (преимущественно, специалистах по продажам), не давая целостного представления о мотивационной специфике различных категорий сотрудников. Во-вторых, в большинстве исследований акцентируется внимание на отдельных мотивационных факторах и методах стимулирования без учета многоаспектности трудовой мотивации и необходимости формирования комплексных систем стимулирования. В-третьих, практически отсутствуют работы, рассматривающие структурно-функциональные особенности девелоперских компаний как фактор дифференциации мотивационных профилей сотрудников.

Кроме того, существующие исследования в основном рассматривают мотивацию в девелопменте в общем контексте, без учета ментальной специфики страны. Между тем, российская модель девелопмента имеет ряд существенных отличий от зарубежных практик, что определяет особенности мотивационных детерминант эффективности труда. Эти различия проявляются как на уровне внешней среды (несовершенство законодательной базы, непрозрачность рынка, ограниченность источников финансирования), так и внутренней организации компаний (недостаточный уровень корпоративного управления, размытость функционала сотрудников). Данная специфика

определяет более высокую значимость немонетарных факторов мотивации (профессиональный интерес, вызов, самореализация) в условиях нестабильности и неформализованности бизнес-процессов, а также особую роль монетарных инструментов (высокий уровень оплаты, бонусы, социальный пакет) в контексте закрытости компаний и ограниченности внешних карьерных перспектив. Все это обуславливает необходимость изучения мотивационных детерминант эффективности труда девелопера с учетом специфики отрасли и организационной культуры на примере конкретного российского предприятия.

В этой связи, новизна настоящего исследования заключается в комплексном анализе особенностей трудовой мотивации основных категорий персонала девелоперской компании с попыткой восполнить пробелы вышеназванных исследований.

Предметом исследования выступают особенности трудовой мотивации основных категорий персонала девелоперской компании, обусловленные спецификой ее организационной структуры, функционального разделения труда и ролевых профилей сотрудников.

Цель исследования – провести структурно-функциональный анализ мотивационных механизмов в девелоперских компаниях для выявления психологических закономерностей и дифференциации системы стимулирования персонала с учетом функциональных ролей сотрудников. Для достижения поставленной цели на базе компании АО «Центр-Инвест», являющейся типичным представителем девелоперского бизнеса, нами выделены мотивационные факторы и построена концептуальная модель трудовой мотивации в данной отрасли. Исследовательские задачи включают в себя определение специфических мотивационных паттернов, свойственных различным функционально-ролевым отделам, и на этой основе формирование практических рекомендаций по проектированию эффективной системы мотивации с учетом отраслевой специфики.

Работа имеет выраженную практико-ориентированную направленность и нацелена на формирование научно-обоснованного инструментария оптимизации системы мотивации в девелоперских компаниях. Результаты исследования могут найти применение в процессе разработки и реализации программ стимулирования персонала, что будет способствовать повышению вовлеченности сотрудников, росту производительности труда и, как следствие, достижению стратегических целей девелоперских фирм.

Материалы и методы

Информационную базу исследования составили данные о штатной структуре девелоперской компании АО «Центр-Инвест», включающие сведения о численности и составе персонала в разрезе функциональных направлений, должностных позиций и уровней управления. Для сбора эмпирического материала использовались методы анализа организационной документации компании и трудовой метод. В качестве методологической основы исследования выступили системный, структурно-функциональный и ролевой подходы, позволяющие рассматривать девелоперскую компанию как целостный объект, представленный иерархией взаимосвязанных элементов, каждый из которых выполняет специфический набор функций и характеризуется определенным ролевым профилем. В процессе обработки и анализа данных применялись методы классификации, группировки, обобщения, сравнительного анализа, а также приемы графической интерпретации.

Результаты и обсуждение

С целью выявления особенностей мотивации сотрудников, характерных для девелоперских компаний, в рамках настоящего исследования был проведен комплексный анализ штатной структуры организации АО «Центр-Инвест», являющейся типичным представителем отрасли. Основу анализа составил уровневый подход, предполагающий рассмотрение мотивационных детерминант для трех основных категорий персонала – девелоперов высшего порядка (топ-менеджмент), девелоперов среднего уровня (руководители и специалисты ключевых подразделений) и вспомогательного персонала. Эмпирическую базу исследования составила репрезентативная выборка, включающая 171 штатную позицию и охватывающая все функциональные направления и иерархические уровни организационной структуры, что обеспечивает валидность и надежность полученных результатов.

Первым этапом аналитической работы стала стратификация персонала по функциональному признаку, позволяющая оценить относительную значимость и кадровую обеспеченность различных направлений деятельности организации (рис. 1).

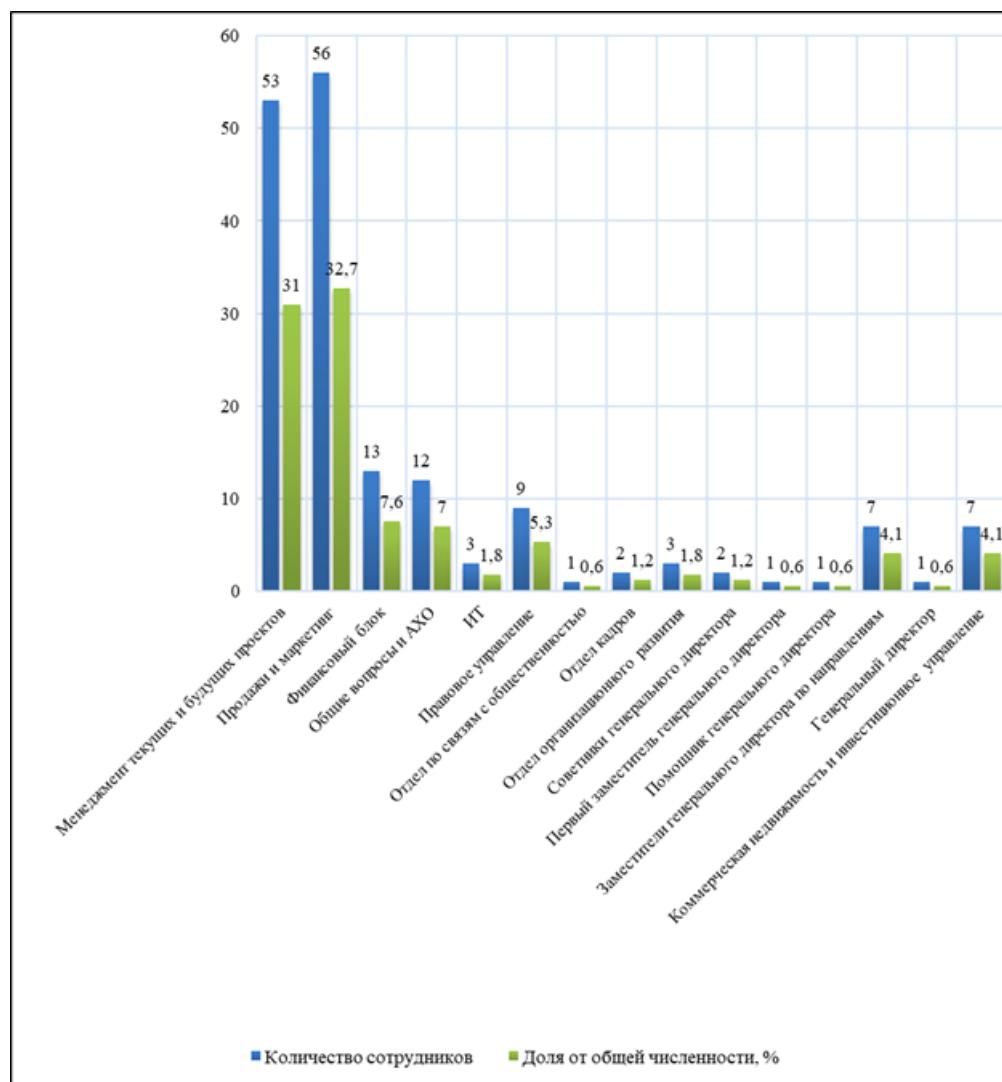

Рисунок 1 – Функциональная структура персонала девелоперской компании

Как следует из приведенных данных, наибольший удельный вес в структуре занятости имеют подразделения менеджмента проектов (31%), блок продаж и маркетинга (32,7%), что коррелирует с ключевыми бизнес-процессами девелопмента – управлением инвестиционно-строительными проектами и коммерциализацией объектов недвижимости. Значительная концентрация человеческих ресурсов в данных блоках (53 и 56 сотрудников, соответственно) служит индикатором высокой трудоемкости и

приоритетности данных направлений в системе иерархии организации.

Финансовый блок, несмотря на сравнительно небольшую долю в общей численности (7,6%), выполняет стратегически важную функцию обеспечения бюджетирования, учета и контроля финансовых потоков, что является необходимым условием эффективной реализации инвестиционно-строительных проектов. В свою очередь, относительно невысокий удельный вес юридического департамента (5,3%) и IT-службы (1,8%) объясняется преимущественно обеспечивающим характером данных подразделений, не входящих в контур ключевых бизнес-процессов.

Примечательно, что доля службы по связям с общественностью составляет лишь (0,6%), что может являться косвенным признаком использования аутсорсинга для данных функций. Принимая во внимание масштаб и диверсифицированный характер девелоперских проектов компании, представляется целесообразным расширение службы по связям с общественностью как минимум до 3 штатных единиц или 1,8% от фактической численности персонала за счет введения позиций специалиста по внешним коммуникациям, отвечающего за взаимодействие со СМИ, государственными и общественными структурами, и специалиста по корпоративным коммуникациям, обеспечивающего подготовку актуальной информации для внутренних каналов, организацию специальных мероприятий для сотрудников и деловых партнеров.

В то же время, достаточно высокий процент сотрудников, отнесенных к категории административно-хозяйственного персонала (7%), может свидетельствовать об определенной нерациональности организационно-штатной структуры и наличии резервов оптимизации. Учитывая типовые нормативы численности, рекомендованные ФГБУ «НИИ ТСС» Минтруда России [20], для хозяйствующих субъектов со среднесписочной численностью сотрудников в диапазоне от 100 до 200 человек нормативный лимит кадрового представительства Административно-хозяйственного отдела составляет 1,0 штатную единицу. Принимая во внимание особенности операционной деятельности девелоперских компаний, безусловно, столь ограниченное присутствие хозяйственного персонала будет недостаточным для полноценного сопровождения бизнес-процессов. Тем не менее, значительная часть функций АХО-службы носит унифицированный характер и связана с обеспечением базовых потребностей организации в поддержании чистоты и порядка, транспортном обслуживании, делопроизводстве и курьерской доставке, и наличие узкоспециализированных позиций в штатном расписании (например, 2 уборщика помещений, 4 водителя, включая персонального водителя генерального директора, 2 делопроизводителя) представляется экономически нецелесообразным, и может быть сокращено до 6-7 позиций.

Также следует отметить самостоятельное положение отдела коммерческой недвижимости и инвестиционного управления (4,1%), которые не связаны с менеджментом строительных проектов напрямую, тем не менее, играют важную роль в деятельности компании и классифицируются как девелоперы среднего уровня.

Распределение функциональных блоков в иерархической специфике может быть существенным фактором мотивации персонала, что определяет целесообразность дальнейшего детализированного анализа в разрезе категорий «девелоперы высшего порядка», «девелоперы среднего уровня» и «вспомогательный персонал» (табл. 1).

Таблица 1. Иерархическая структура персонала девелоперской компании

Категория должностей	Количество	Доля от общей численности,
----------------------	------------	----------------------------

	сотрудников	%
<i>Девелоперы высшего порядка (топ-менеджмент) (7,0%)</i>		
Генеральный директор	1	0,6
Первый заместитель генерального директора	1	0,6
Заместители генерального директора по направлениям	7	4,1
Советники генерального директора	2	1,2
Помощник генерального директора	1	0,6
<i>Девелоперы среднего уровня – (67,8%)</i>		
Управление коммерческой недвижимостью	2	1,2
Инвестиционное управление	5	2,9
Управление проектами	9	5,3
Отдел подготовки документации	1	0,6
Отдел экспертиз и согласований	4	2,3
Сметно-аналитический отдел	3	1,8
Управление инженерного обеспечения	7	4,1
Управление строительного контроля	24	14,0
Управление проектирования и ценообразования	5	2,9
Коммерческая дирекция	3	1,8
Департамент продаж проектов квартальной застройки	2	1,2
Офисы продаж по всем проектам	20	11,7
Управление сопровождения сделок	2	1,2
Отдел ипотеки	1	0,6
Отдел оформления	3	1,8
Отдел постпродажного обслуживания	3	1,8
Отдел регистрации	2	1,2
Департамент продаж премиальных проектов	11	6,4
Отдел аналитики и ценообразования	3	1,8
Отдел поддержки CRM	2	1,2
Отдел разработки продукта	4	2,3
<i>Вспомогательный персонал (25,2%)</i>		
Финансовый блок	13	7,6
ИТ	3	1,8
Правовое управление	9	5,3
Отдел организационного развития	3	1,8
Отдел по связям с	1	0,6

общественностью		
Отдел кадров	2	1,2
Отдел общих вопросов и АХО	12	7,0
Всего	171	100,0

Для сравнительной наглядности результаты были отображены в виде линейчатой диаграммы (рис. 2)

Рисунок 2 – Иерархическая структура персонала девелоперской компании

Как видно, в девелоперской компании представлена достаточно развитая иерархия управлеченческих уровней. Прежде всего, обращает на себя внимание относительно небольшая доля топ-менеджмента (7% от общей численности), что является типичным для компаний проектного типа с «плоской» организационной структурой. При этом в составе высшего руководства помимо генерального директора и его первого заместителя присутствуют 7 функциональных заместителей, 2 советника и помощник, что свидетельствует о достаточно разветвленной системе стратегического управления и экспертной поддержки принятия решений. Однако наибольший интерес, с точки зрения

психологического анализа, представляет категория девелоперов среднего уровня, составляющая более 2/3 персонала компании (67,8%). Именно данная категория, включающая руководителей и ведущих специалистов ключевых бизнес-направлений, определяет результативность операционной деятельности и непосредственно влияет на достижение целей девелоперских проектов. Наиболее многочисленными подразделениями в составе девелоперов среднего уровня являются Управление строительного контроля (14%), Офисы продаж (11,7%), Департамент продаж премиальных проектов (6,4%), Управление проектами (5,3%) и Управление инженерного обеспечения (4,1%). Высокая концентрация персонала в данных подразделениях отражает центральные бизнес-процессы и компетенции девелоперской компании – управление инвестиционно-строительными проектами на всех стадиях жизненного цикла, реализацию и продвижение объектов недвижимости, обеспечение качества строительства и инженерных решений.

Примечательно, что на долю подразделений, непосредственно вовлеченных в процессы проектирования и строительства (Управление проектами, Отдел экспертиз и согласований, Сметно-аналитический отдел, Управление строительного контроля, Управление проектирования и ценообразования), приходится более четверти всего персонала (26,3%). Это подчеркивает инжиниринговую и производственно-техническую доминанту в российской бизнес-модели девелоперской компании, что должно найти отражение в специфике ее системы управления персоналом и мотивации. В то же время, весьма значительным является кадровое представительство коммерческого блока, включающего Департамент продаж проектов квартальной застройки, Офисы продаж, Департамент продаж премиальных проектов, а также подразделения по сопровождению сделок и работе с клиентами (суммарно 25,9%). Данный факт отражает возрастающее значение маркетинговых компетенций, клиентаориентированности и сервисной составляющей в деятельности современной компании. Организационное разделение продаж на квартальные и премиальные проекты, а также наличие специализированных отделов по ипотеке, оформлению и постпродажному обслуживанию может быть признаком дифференциации коммерческой функции.

Что касается вспомогательного персонала, то его доля составляет 25,2%, что является достаточно типичным для компаний данного профиля и масштаба деятельности. При этом наиболее многочисленными являются финансово-экономический блок (7,6%) и служба общих вопросов и административно-хозяйственный отдел (7%), в то время как доля кадровой службы составляет всего 1,2%. Данный факт может косвенно указывать на невысокий статус HR-подразделения в организационной иерархии и реактивный характер его деятельности.

Достаточно большой удельный вес общей численности персонала (171) по отношению к топ-менеджменту (171:12 или 14,25:1) может свидетельствовать о высокой степени делегирования полномочий и относительной децентрализации управления. С одной стороны, наличие нескольких уровней иерархии и значительная доля руководящих позиций формирует множественные возможности для вертикального карьерного роста, что является важным мотивирующим фактором. С другой стороны, достаточно большое количество заместителей первого лица при относительно узком охвате контроля на уровне «топ-менеджмент - средний менеджмент» (1:9,7) может приводить к размытию зон ответственности, дублированию функций и снижению мотивирующего потенциала карьерного продвижения на данном уровне. В свою очередь, превышение почти в 3 раза числа «производственного» персонала над вспомогательным является признаком ориентации организационной структуры на бизнес-процессы.

Соответственно, при проектировании мотивационной системы девелоперской компании следует обратить особое внимание на обеспечение четкого разделения полномочий между уровнями управленческой иерархии, а также на формирование прозрачных и объективных критериев карьерного роста. Важным элементом должна стать разработка специфических моделей мотивации для девелоперов высшего и среднего уровня с учетом особенностей их функций и профессиональных компетенций.

Дальнейший анализ требует углубленного описания профессиональной деятельности персонала в схеме отдельных должностных позиций с целью выявления специфики функциональных ролей и обусловленных ими особенностей трудовой мотивации (табл. 2).

Таблица 2. Структура персонала девелоперской компании в разрезе должностных позиций

Функциональный блок	Должностные позиции	Доля от общей численности, %	Основные функции	Ключевые мотивационные факторы
Топ-менеджмент	Генеральный директор, первый заместитель, заместители по направлениям, советники и помощник	7,0	Стратегическое управление, представительские функции, координация подразделений	Масштаб влияния, статус, премии, результатам, самореализации
Менеджмент проектов	Руководители управлений и проектов, менеджеры проектов, специалисты по экспертизам и согласованиям, инженеры строительного контроля	31,0	Управление инвестиционно-строительными проектами, контроль сроков, качества и затрат	Масштаб проектирования, премии, результат, профессиональное признание, развитие компетенций
Продажи и маркетинг	Директора по продажам, руководители офисов продаж, менеджеры по продажам, специалисты по маркетингу и рекламе	32,7	Реализация объектов, ценообразование, продвижение, управление отношениями с клиентами	Выполнение продаж, комиссионные, профессиональный рост, креатив
Техническое обеспечение и инженерные системы	Главные инженеры, специалисты по эксплуатации и инженерным	4,1	Техническая экспертиза проектов, обеспечение эксплуатации	Профессиональное качество объектов, надежность систем,

		системам		объектов, контроль инженерных систем	профессиональное развитие
Экономика и финансы	и	Финансовый директор, главный бухгалтер, бухгалтеры, экономисты, финансовые аналитики	7,6	Бюджетирование, учет, контроль финансовых потоков, экономический анализ проектов	Финансовая ответственность, точность, аналитические компетенции, премии результатам
Юридическое сопровождение		Руководители правового управления, юристы, специалисты договорного отдела	5,3	Правовое обеспечение деятельности, сопровождение сделок, претензионная работа	Уровень экспертизы, влияние бизнес-процессов профессиональное развитие
Кадровое обеспечение		Начальник отдела кадров, специалисты по подбору персонала	1,2	Реализация кадровой политики, поиск и адаптация персонала	Коммуникационные навыки, управление талантами, корпоративная культура
ИТ-обеспечение		Руководитель ИТ, системные администраторы	1,8	Обеспечение работы ИТ-инфраструктуры, техническая поддержка	Техническая экспертиза, инновационное профессиональное развитие
Связи с общественностью	с	Начальник отдела по связям с общественностью	0,6	Формирование имиджа компании, PR-сопровождение	Креативность коммуникативные навыки, влияние на репутацию
Административно-хозяйственный блок		Руководитель АХО, специалисты документооборота, водители, хозяйственный персонал	8,7	Административное и хозяйственное обеспечение, документооборот	Исполнительность, аккуратность, стабильность, комфортные условия
Итого			100,0		

Как можно заключить, наиболее многочисленными категориями персонала девелоперской компании являются менеджеры и администраторы офисов продаж, а также инженеры по строительному контролю за общестроительными работами и инженерными коммуникациями. Это обусловлено спецификой российской бизнес-модели девелопера, ключевыми бизнес-процессами которого являются реализация недвижимости и контроль строительства объектов.

В то же время, структура персонала характеризуется значительной дифференциацией должностей и специализацией функционала даже в рамках одного подразделения. К примеру, в отделе рабочей и исполнительной документации предусмотрены должности

начальника, главных и ведущих специалистов, что связано с разделением труда по видам и сложности работ с документацией.

Подобная узкая специализация свойственна большинству подразделений компании и, с одной стороны, позволяет обеспечить качественную экспертизу по каждому направлению деятельности, с другой – создает риски дублирования функций, размывания зон ответственности и усложнения коммуникаций. Данная особенность структуры также выдвигает повышенные требования к навыкам кросс-функционального взаимодействия и общей координации персонала.

С точки зрения мотивационного менеджмента, дифференциация должностей создает объективные предпосылки для реализации концепции индивидуализации стимулирования. Разнообразие функциональных позиций предполагает различия в ключевых мотивационных факторах – если для сотрудников блока продаж решающее значение имеют комиссионные схемы, то для проектировщиков и аналитиков на первый план выходят возможности профессиональной самореализации и обучения.

Дальнейшая детализация мотивационного профиля по категориям персонала может быть осуществлена в формате факторной матрицы (табл. 3). В отличие от должностного разреза, данная группировка позволяет оценить общие мотивационные паттерны для укрупненных функционально-ролевых сегментов.

Таблица 3. Матрица мотивационных факторов по категориям персонала девелоперской компании

Мотивационные факторы	1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Материальное стимулирование</i>									
Фиксированный оклад	2	3	4	4	3	4	4	4	5
Премии по результатам	5	5	4	4	5	3	3	3	2
Комиссионное вознаграждение	2	3	1	1	5	1	1	1	1
Долгосрочная мотивация (опционы, акции)	4	2	1	1	2	1	1	1	1
Социальный пакет	3	3	4	4	4	4	4	4	4
<i>Нематериальное стимулирование</i>									
Профессиональное развитие и обучение	4	4	5	4	4	5	5	5	3
Карьерный рост	3	5	4	4	4	4	4	4	3
Признание и статус	5	4	4	3	4	4	3	4	2
Комфортная рабочая среда	3	4	3	4	4	5	4	4	4
Корпоративная культура и отношения	4	4	4	4	4	4	5	4	4
Самореализация и интересные задачи	5	4	4	4	3	5	4	4	2
Гибкий график и удаленная работа	2	2	2	3	1	3	3	2	1
Масштаб ответственности и влияния	5	4	3	3	2	2	2	3	1
Работа с передовыми технологиями	4	4	5	4	3	4	3	2	1
Межфункциональное взаимодействие	5	5	4	4	3	4	4	4	2
Стабильность и надежность компании	4	4	4	4	4	4	4	4	5
Участие в принятии решений	5	4	3	3	2	3	3	3	1

Примечание: **1** – высшее руководство, **2** – руководители среднего звена, **3** – специалисты инженерно-технического профиля, **4** – финансово-экономические специалисты, **5** – специалисты по продажам, **6** – специалисты по маркетингу, **7** – HR-специалисты, **8** – юристы, **9** – административно-хозяйственный персонал;

Шкала оценки значимости факторов: 5 – критически важный фактор 4 – значимый фактор

3 - умеренно значимый фактор 2 - малозначимый фактор 1 - незначимый фактор

Данные матрицы позволяют сделать ряд выводов относительно дифференциации мотивационных профилей сотрудников девелоперской компании:

1. Для высшего руководства ключевыми мотивационными факторами являются премирование по результатам деятельности, признание и статус, самореализация и масштаб ответственности, а также межфункциональное взаимодействие. В меньшей степени топ-менеджеров мотивируют комиссионные схемы и гибкие условия труда. Данный мотивационный профиль обусловлен стратегическим характером деятельности и высоким уровнем автономии руководителей.

2. Руководители среднего звена демонстрируют достаточно сбалансированную структуру мотивации с акцентом на премирование по результатам, карьерный рост, профессиональное развитие и межфункциональное взаимодействие. Для данной категории также характерна высокая значимость нематериальных факторов - признания, комфортной среды, интересных задач.

3. Для специалистов инженерно-технического профиля решающее значение имеют возможности профессионального роста и обучения, работа с передовыми технологиями, признание экспертизы. Фиксированная часть оплаты труда для них более значима, чем переменная. Кроме того, инженеры высоко ценят комфортные условия работы и позитивные отношения в коллективе.

4. Мотивационные приоритеты финансово-экономических специалистов во многом схожи с инженерным персоналом - ключевую роль играют профессиональное развитие, комфортная среда и стабильность компании. При этом для финансистов более важны карьерные перспективы и премирование по результатам.

5. Специфика мотивации сотрудников блока продаж заключается в приоритете материальных факторов. Кроме того, для них важны профессиональный рост, признание личных достижений и работа в престижных проектах.

6. Маркетологи и специалисты по управлению персоналом ориентированы прежде всего на профессиональное развитие, обучение и самореализацию в решении творческих и инновационных задач. Для них также важна комфортная атмосфера и отношения в команде.

7. Для HR-специалистов наиболее значимыми мотивационными факторами являются профессиональное развитие и обучение, корпоративная культура и отношения в коллективе. Они высоко ценят возможности карьерного роста и самореализации. При этом материальные стимулы играют умеренную роль – фиксированный оклад и социальный пакет для них важнее премиального вознаграждения.

8. Юристы компании мотивированы возможностями профессионального роста, обучения, признания экспертизы. Фиксированная часть вознаграждения для них более значима, чем переменная. Существенную роль играет также масштаб полномочий и участия в принятии решений.

9. Для административно-хозяйственного персонала основными мотивационными факторами являются стабильность оклада и надежность компании как работодателя. Высокую значимость имеют также условия труда и атмосфера в коллективе. Перспективы профессионального и карьерного роста отходят на второй план.

Представленная матрица отражает усредненный мотивационный профиль по укрупненным категориям персонала и не учитывает индивидуальных различий. Однако даже на представленном уровне очевидна значительная дифференциация мотивационных факторов, требующая учета при проектировании систем стимулирования и индивидуальных планов развития сотрудников.

Анализ системы мотивации по семи факторным блокам (материальное стимулирование, карьера и развитие, управлеченческие компетенции, профессиональная среда, содержание работы, условия труда и корпоративная среда) позволяет выделить четыре мотивационных кластера:

1. Топ-менеджмент с приоритетом на стратегические результаты, масштаб влияния и самореализацию.

2. Руководители среднего звена и основные специалисты, ориентированные на развитие профессионально важных качеств.

3. Специалисты по продажам с монетарной мотивацией и учетом личных достижений.

4. Вспомогательный персонал, для которого важны стабильность и благоприятный климат.

Выявленные закономерности распределения мотивационных факторов позволяют сформировать обобщенную модель мотивационного профиля организации, представленную в таблице (табл. 4).

Таблица 4. Модель доминирующих мотивационных факторов по категориям персонала девелоперской компании

Категории персонала	Материальные факторы	Факторы карьеры и развития	Факторы содержания работы	Социал психолог факт
Топ-менеджмент (девелоперы высшего уровня)	Долгосрочное стимулирование, участие в капитале компании	Масштаб ответственности и влияния, участие в принятии стратегических решений	Самореализация в знаковых проектах, работа с первыми лицами внешней среды	Статус, деловая р
Девелоперы среднего уровня (руководители)	Годовые бонусы по результатам подразделений, премии по итогам проектов	Перспективы карьерного роста, развитие управлеченческих компетенций	Масштабные и престижные проекты, кросс-функциональное лидерство	Профессиональное признание, неформальный авторитет
Девелоперы среднего уровня (ведущие специалисты)	Высокий уровень фиксированного оклада, проектные премии	Прфессионально-техническое развитие, рост экспертного статуса	Уникальные профессиональные задачи, внедрение инноваций	Глубина профессионального коммуникации, причастность к сообществу
Вспомогательный персонал	Стабильность и своевременность оплаты труда, социальные гарантии	Возможности профессионального обучения, повышение разряда	Освоение смежных областей, ротация	Благоприятная атмосфера, позитивные отношения руководства

коллегами

Таким образом, мотивационное пространство девелоперской компании имеет трехуровневую структуру, отражающую специфику мотивации различных категорий персонала:

1. Мотивационное ядро топ-менеджмента (девелоперов высшего звена) образуют факторы долгосрочного стимулирования, масштаба ответственности и влияния, статуса и самореализации в стратегических проектах.

2. Мотивационный профиль девелоперов среднего звена характеризуется ориентацией на факторы профессионального развития и карьерного роста, сочетанием монетарных и немонетарных стимулов, значимостью кросс-функциональных коммуникаций.

3. Мотивация вспомогательного персонала в наибольшей степени определяется факторами стабильности, защищенности и принадлежности, формируемыми совокупностью экономических и социально-психологических стимулов.

При этом мотивационные профили различных категорий взаимосвязаны и взаимодополняемы. На пересечении образуют факторы, имеющие универсальную значимость вне зависимости от уровня должности и функциональной принадлежности. К ним относятся базовые элементы системы стимулирования (фиксированный оклад, социальный пакет), факторы благоприятной корпоративной среды и отношений, а также ориентация на устойчивость и надежность компании как работодателя. Данные факторы составляют основу психологической системы мотивационного пространства организации, обеспечивая персонал общими ценностями. Вместе с тем, различия в приоритетных факторах мотивации отражают объективную дифференциацию трудовых функций, ответственности и профессиональных компетенций сотрудников девелоперской компании. Очевидно, что реализация мотивационной функции управления персоналом в данном случае требует учета выявленной вариативности мотивационных профилей.

Это означает, что важным принципом построения эффективной психологической системы мотивации в девелоперской компании должна стать ее дифференциация в соответствии со спецификой функциональных возможностей и уровней управления.

С точки зрения психологии труда и психологии мотивации, в основе проектирования эффективной системы стимулирования целесообразно применять следующие базовые требования:

1. Для топ-менеджмента (девелоперов высшего звена) приоритетное значение имеют программы долгосрочной мотивации, обеспечивающие их вовлеченность в прирост стоимости бизнеса и ориентирующие на достижение стратегических целей (система ежегодных премиальных выплат, зависящая от достижения поставленных целей и показателей компании за год; программы мотивации, при которых сотрудникам предоставляется право купить акции компании по фиксированной цене в будущем и пр.). Не менее важны инструменты статусной мотивации, подчеркивающие значимость топ-менеджеров и масштаб их влияния (привилегированные компенсационные пакеты, представительские опции, эксклюзивные условия работы). Ключевой зоной ответственности сотрудников отдела кадров является также обеспечение вовлеченности топ-менеджмента в принятие стратегических решений через их включенность в работу органов корпоративного управления, коллегиальных совещательных структур, проектных комитетов.

2. Мотивация девелоперов среднего звена должна носить комплексный характер, сочетаая инструменты материального и нематериального стимулирования с учетом специфики функциональных направлений деятельности. Для руководителей среднего звена необходима разработка многоуровневых систем премирования, обусловленных результатами деятельности подразделений, дополненных механизмами оценки личной эффективности и вклада в достижение командных результатов (например, по методике «360 градусов» - метода оценки сотрудника, при котором его оценивают коллеги, руководители и подчиненные). В отношении ведущих специалистов приоритетна разработка профессиональных матриц и должностных уровней, обеспечивающих повышение в должности и рост оплаты труда по мере развития профессиональных компетенций и навыков. Общими инструментами мотивации девелоперов среднего уровня должны стать программы обучения и развития (профильное обучение, управленические тренинги, стажировки, ротации), системы внутренних профессиональных конкурсов и соревнований, профессиональные сообщества.

Особое внимание следует уделить мотивации проектных команд и сотрудников, задействованных в реализации разных этапов девелоперского проекта (концепция, проектирование, строительство, продажи). Здесь важно обеспечить взаимосвязь материального вознаграждения и результатов проекта на каждой из его фаз с использованием механизма коллективных проектных премий. При этом размер и пропорции премиального фонда должны учитывать зоны ответственности и степень влияния конкретных участников на результат. Немаловажное значение имеют также инструменты проектной координации и мероприятия по сплочению команды: четкое распределение ролей и постановка задач, регулярные совещания для обратной связи, неформальные мероприятия и тренинги по развитию команд.

3. Система мотивации вспомогательного персонала должна быть ориентирована на обеспечение стабильной трудовой отдачи и лояльности к компании. В основе монетарной мотивации лежит конкурентоспособный уровень фиксированной оплаты труда, своевременность расчетов, прозрачные правила компенсаций и льгот. Важную роль играют также инструменты функциональной гибкости (ротация, освоение смежных профессий), создающие ощущение развития и профессиональной перспективы. Ключевыми драйверами вовлеченности вспомогательного персонала выступают благоприятные условия труда, позитивный климат в коллективе, персональное внимание и уважение со стороны руководства, престиж и надежность компании.

Задача управления мотивацией становится не просто технической функцией отдела кадров, но значимым аспектом корпоративной культуры и стиля управления. Роль HR-службы заключается в формировании дифференцированного мотивационного поля, обеспечивающего адресную поддержку и стимулирование различных категорий персонала в соответствии с актуальными потребностями и интересами бизнеса.

Развивая представленную выше концепцию психологической системы мотивации персонала девелоперской компании с позиций структурно-функционального подхода, представляется необходимым акцентировать внимание на том, что последовательное и всестороннее рассмотрение данной проблематики требует ее осмысливания в более широкой парадигме психологии труда как научной дисциплины, изучающей закономерности формирования и проявления психологических компонентов деятельности человека в процессе труда.

Исходя из данного положения, следует признать, что анализ мотивационных детерминант трудового поведения персонала девелоперской организации предполагает выход за

пределы формализованных управленческих регламентов и должностных предписаний и обращение к неформальной структуре межличностных отношений и взаимодействий, оказывающей существенное, а в ряде случаев и определяющее влияние на мотивационный профиль сотрудников. При этом речь идет не только и не столько о классических феноменах неформального лидерства и ролевой дифференциации, сколько о более глубинных уровнях организационной действительности, связанных с наличием определенных внутриколлективных «правил игры», или тем, что И. Гофман называл «социальной драматургией» [1], конвенциональных норм, разделяемых убеждений и ценностно-смысловых установок.

Для концептуализации и эмпирического изучения данных аспектов организационно-мотивационной реальности представляется продуктивным обращение к методологическому инструментарию институционального подхода, позволяющего анализировать организацию как совокупность относительно устойчивых, самовоспроизводящихся социальных практик, обладающих внутренней логикой и в значительной степени определяющих векторы индивидуального и группового поведения вне прямой связи с формальным распределением прав и обязанностей (табл. 5). С этих позиций, реальная конфигурация властных полномочий и влияния в организации может существенно отличаться от официальной схемы субординации, что находит выражение в феноменах «теневого» делегирования полномочий, формирования центров «латентной» власти, консолидации групп влияния вокруг обладателей значимых для организации ресурсов (информация, связи, экспертиза и т.п.) вне зависимости от их формального статуса.

Таблица 5. Модель воздействия неформальных институтов на мотивацию персонала девелоперской компании

Формальные иерархические уровни и функциональные роли	Неформальные институты и поведенческие паттерны	Влияние на мотивацию
Топ-менеджмент (девелоперы высшего звена)	Неформальные коалиции и альянсы внутри топ-менеджмента Латентные конфликты конкуренция за власть и ресурсы Демонстративное потребление и статусная атрибутика	Ослабление стратегической ориентации из-за краткосрочных личных целей Приоритет неэкономических факторов власти и влияния Имитация мотивирующих проектов в угоду личным амбициям
Девелоперы среднего уровня (руководители)	Борьба за благосклонность вышестоящего руководства Неформальное покровительство и протектирование	Гипертрофированная ориентация на демонстрацию лояльности в ущерб профессионализму Имитация деятельности в погоне за формальными показателями Демотивация из-за переживаемой несправедливости
Девелоперы	Неформальные сети	Рост мотивации за счет вовлеченности

среднего уровня (ведущие специалисты)	профессиональной коммуникации и обмена знаниями Статусная конкуренция борьба за профессиональное признание Стремление к автономии и ослабление субординации	в экспертные сообщества Риски демотивации из-за бюрократических барьеров и информальных ограничений
Вспомогательный персонал	Устойчивые модели неформального взаимодействия и групповой солидарности Следование сложившимся практикам и традициям Высокая значимость персонализированных отношений с руководством	Мотивация за счет ощущения социальной сопричастности и поддержки Демотивация при нарушении устоявшегося социального порядка

Как можно видеть, за «фронтовой зоной действия» (И. Гофман) формальной организационной структуры в девелоперской компании существует неформальная институциональная реальность, образуемая устойчивыми шаблонами взаимодействия, скрытой борьбой за власть и ресурсы, статусными играми и персонализированными коммуникациями. Включение данного аспекта отношений в исследовательскую программу позволяет расширить и уточнить представление о детерминантах в психологии трудового поведения и мотивации сотрудников.

Концепция социальной драматургии находит яркое воплощение и в организационной реальности девелоперской компании АО "Центр-Инвест", где четко прослеживается дилемма «переднего» и «заднего» планов социального взаимодействия: если в «зоне переднего плана» (формальные совещания, публичные презентации проектов, официальные коммуникации) персонал демонстрирует институционально одобряемые модели поведения, соответствующие корпоративным нормам и должностным предписаниям, то в «зоне заднего плана» (неформальные взаимодействия, кулуарные обсуждения, латентные конфликты) разворачивается сложная драматургия межличностных отношений, характеризующаяся статусными аспектами, формированием неформальных коалиций, проявлением истинных мотивов и устремлений сотрудников, что создает сложное взаимодействие официальных и латентных мотивационных механизмов, требующее учета при проектировании систем стимулирования персонала.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сформулировать следующие основные выводы. Девелоперские компании являются сложноорганизованными структурами с широким спектром функциональных направлений и категорий персонала, что обуславливает необходимость дифференциированного подхода к построению системы трудовой мотивации. Мотивационное пространство девелоперской компании имеет трехуровневую структуру, отражающую специфику мотивации топ-менеджмента (ориентация на стратегические результаты и масштаб влияния), девелоперов среднего звена (приоритет профессионального развития и карьерного роста) и вспомогательного

персонала (значимость стабильности и благоприятной корпоративной среды). Доминирующие мотивационные факторы существенно различаются в зависимости от функционально-ролевой принадлежности сотрудников. Для производственно-инженерного персонала существенное значение имеют возможности профессионального роста и обучения, работа с передовыми технологиями. Мотивация специалистов по продажам в наибольшей степени определяется монетарными стимулами и признанием личных достижений. Для HR, маркетинга и других обеспечивающих функций более значимы факторы самореализации, комфортной атмосферы и отношений в коллективе. При проектировании системы мотивации необходимо учитывать не только индивидуальные профили сотрудников, но и специфику межличностных отношений, неформальных статусов и групповых взаимодействий, оказывающих существенное влияние на реальную конфигурацию мотивационных механизмов. Эффективная психологическая система мотивации в девелопменте должна носить многоуровневый характер, органично сочетая общеорганизационные ценности и стимулы с адресными инструментами материального и нематериального поощрения, учитывающими функциональную специфику и актуальные мотивационные профили сотрудников.

Исходя из вышеперечисленного, можно сформулировать ряд практических рекомендаций по проектированию адаптивной системы стимулирования:

1. HR-службе компании целесообразно разработать дифференцированные мотивационные программы для категорий персонала с учетом выявленной специфики:

- Для топ-менеджмента - многоуровневая система премирования, основанная на показателях стратегической результативности бизнеса и включающая инструменты долгосрочной мотивации (бонусы, опционы, акции). Повышение вовлеченности в процессы принятия решений через участие в коллегиальных органах управления.
- Для девелоперов среднего звена - сочетание проектных премий с инструментами оценки личной эффективности и профессионально-карьерного развития. Обеспечение профильного обучения, ротаций, наставничества.
- Для вспомогательного персонала - фокус на обеспечении стабильного дохода, комфортных условий труда, благоприятного социально-психологического климата. Программы функциональной гибкости и освоения смежных профессий.

2. Разработать систему должностных уровней на основе матрицы профессиональных компетенций, обеспечивающую прозрачные критерии карьерного роста и дифференциации оплаты труда по уровням профессионализма.

3. Внедрить механизмы премирования проектных команд в зависимости от достигнутых результатов на каждой фазе девелоперского проекта. Повысить кросс-функциональную координацию через совместные совещания, сессии планирования, неформальные мероприятия.

4. Проводить регулярный мониторинг мотивационных профилей сотрудников с использованием современных HR-инструментов (мотивационные тесты, опросы удовлетворенности, фокус-группы) для динамичной адаптации системы стимулирования.

5. Организовать комплексные программы обучения руководителей навыкам нематериальной мотивации и эффективной обратной связи. Внедрить практику регулярных оценочных интервью для обсуждения профессионального развития и карьерных перспектив.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что построение эффективной

психологической системы мотивации персонала девелоперской компании требует проведение структурно-функционального анализа ее мотивационных механизмов и понимания особенностей как организационной структуры, так и особенностей российской бизнес-модели. При этом учет специфики функционально-ролевых групп и индивидуальных мотивационных профилей является необходимым условием разработки адекватных стимулирующих механизмов. В свою очередь, решение данной задачи предполагает гибкое сочетание универсальных подходов с инструментами материального и нематериального стимулирования в соответствии с выявленными приоритетами целевых категорий персонала. Индивидуализированный подход позволит обеспечить заинтересованность и максимальную отдачу сотрудников, что является необходимой предпосылкой устойчивой конкурентоспособности девелоперской компании.

Представленные результаты открывают перспективы для дальнейшего изучения мотивационных механизмов в сфере девелопмента. Значительный интерес представляет проведение психологических исследований, направленных на выявление общеотраслевых паттернов и специфических особенностей мотивации в девелоперских компаниях различной специализации и региональной принадлежности. Не менее важным направлением является изучение динамических аспектов трудовой мотивации и закономерностей ее трансформации под влиянием изменений внешней среды. Практическая ценность подобных исследований заключается в формировании адаптивной модели трудовой мотивации, основанной на выявленных детерминантах эффективности труда персонала в девелоперских компаниях, способных гибко реагировать на развитие в условиях неопределенности.

Библиография

1. Боровцова, Д. А. Современный человек сквозь призму теории социальной драматургии И. Гофмана / Д. А. Боровцова, П. М. Ворошилова, С. В. Ковыршина // Культура и антикультура: Сборник статей X Международной научно-методологической конференции. В 2-х томах, Тюмень, 01–30 июня 2023 года / Отв. редактор Л.Л. Мехришвили. Том 1. – Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2023. – С. 208-212. – EDN IWCMFQ.
2. Волошинова, Н. А. Факторы мотивации в системе управления персоналом в государственном управлении / Н. А. Волошинова, Е. В. Сименихина, Е. Л. Старostenко // Актуальные проблемы государственного и муниципального управления: теоретико-методологические и прикладные аспекты: Материалы Всероссийского научно-практического круглого стола (с международным участием), Донецк, 25 мая 2023 года. – Донецк: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Донецкий государственный университет", 2023. – С. 34-36. – EDN PVAEVA.
3. Жудеева, О. Г. Совершенствование системы мотивации персонала предприятий торговой недвижимости / О. Г. Жудеева, О. Ю. Франциско, М. И. Стариakov // Информационное общество: современное состояние и перспективы развития : сборник материалов XII международного форума, Краснодар, 15–20 июля 2019 года. – Краснодар: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», 2019. – С. 216-218. – EDN FGNTBF.
4. Косарев, Е. Ю. Организационно-структурная модель предприятия, работающего в сфере девелопмента / Е. Ю. Косарев // Качество и уровень жизни населения в современной России: состояние, тенденции и перспективы: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 23–24 ноября 2011 года. – Москва: Издательство М-Студио, 2012. – С. 488-495. – EDN OSMEZL.
5. Косарев, Е. Ю. Особенности эффективности трудовой деятельности в сфере девелопмента / Е. Ю. Косарев // Вестник Московского государственного областного

- университета. Серия: Экономика. – 2013. – № 3. – С. 93-97. – EDN RDKLOT.
6. Купреева, А. С. Мотивация как способ повышения эффективности использования человеческого капитала / А. С. Купреева, Н. К. Васильева // Аграрная экономика и импортозамещение: проблемы, перспективы и векторы развития : Сборник статей по материалам международной студенческой научной конференции, посвященной памяти профессоров экономического факультета Кубанского ГАУ: Т.Е. Малофеева, С.С. Легоступа, Краснодар, 12 декабря 2017 года / Ответственный за выпуск А.С. Усенко. – Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью Международное объединение «Полиматис», 2018. – С. 116-120. – EDN YSNRTU.
7. Ляшенко, А. Х. Исследование психологических особенностей личности в процессе определения профессионально важных качеств персонала / А. Х. Ляшенко // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях : Сборник научных статей / Научный редактор Л.П. Полякова. Том Часть VIII. – Москва : Издательство "Перо", 2021. – С. 7-12. – EDN YSLEVR.
8. Малиновская, А. М. Мотивация как важный аспект непрерывного образования педагогических работников / А. М. Малиновская // Непрерывное образование педагогов: достижения, проблемы, перспективы : Материалы VI Международной научно-практической конференции, Минск, 02 ноября 2023 года. – Минск: Государственное учреждение образования Академия последипломного образования, 2024. – С. 467-470. – EDN MIOXUD.
9. Мовсесян, Г. А. К вопросу о правовом регулирование девелопмента в предпринимательской деятельности и правовом статуса девелопера / Г. А. Мовсесян // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2024. – № 5(93). – С. 160-164. – EDN SOYAJW.
10. Мосина, В. С. Влияние системы мотивации на человеческий капитал предприятия / В. С. Мосина, Е. И. Пашкевич // Наука. Промышленность. Оборона: труды XVII Всероссийской научно-технической конференции: в 4 томах, Новосибирск, 20–22 апреля 2016 года / Под редакцией С.Д. Саленко. Том 4. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2016. – С. 142-147. – EDN WKJVDT.
11. Никольская, А. С. Механизм мотивации и стимулирования труда персонала в организациях сферы здравоохранения / А. С. Никольская // Сборник научных работ серии "Государственное управление". – 2021. – № 24. – С. 146-150. – DOI: 10.5281/zenodo.5956793. – EDN OSRFDM.
12. Нормативно-правовое регулирование в девелопменте: проблемы и перспективы развития / С. В. Аридова, Л. В. Стрекозова, Т. В. Белых, А. Ю. Шкрабовская // Вестник научных конференций. – 2017. – № 1-5(17). – С. 16-19. – EDN XXHJRH.
13. Ольшанская, М. В. Мотивация персонала для эффективного развития девелопмента / М. В. Ольшанская // Human Progress. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 11. – DOI: 10.34709/IM.1101.11. – EDN IJLVQO.
14. Омарова, К. Т. Общая характеристика механизма правового регулирования девелопмента в Российской Федерации / К. Т. Омарова // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 3. – С. 119-120. – DOI: 10.24411/2312-0444-2019-10129. – EDN HCQMYN.
15. Правовое регулирование управления недвижимостью : учебник / И. В. Афанасьев, Н. И. Беседкина, Е. М. Вавилова [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "КноРус", 2024. – 416 с. – ISBN 978-5-406-13432-0. – EDN KWPKN.
16. Петрухина, Е. В. Мотивация клиентаориентированного сервиса в сфере недвижимости / Е. В. Петрухина // Вестник современных исследований. – 2019. – № 1.5(28). – С. 234-237. – EDN VTALDO.
17. Разоренова, Е. В. Современные тенденции развития управления в сфере

- девелопмента / Е. В. Разоренова // Молодёжная наука-2023: технологии и инновации : Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных, аспирантов и студентов, посвящённой Десятилетию науки и технологий в Российской Федерации. В 3-х томах, Пермь, 10–14 апреля 2023 года / Науч. редакция Э.Ф. Сатаев [и др.]. Том 2. – Пермь: Издательство "От и До", 2023. – С. 435-440. – EDN HZLMSA.
18. Сагимов, М. К. Управление мотивацией труда персонала государственной службы / М. К. Сагимов // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: сборник статей по материалам CCCXL международной научно-практической конференции, Москва, 15 января 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Интернаука", 2024. – С. 269-277. – EDN IHSYJY.
19. Селиванова, А. С. Мотивация персонала как инструмент проектного управления в девелопменте / А. С. Селиванова, А. М. Платонов // Весенние дни науки : Сборник докладов международной конференции студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 20–22 апреля 2023 года. – Екатеринбург: ООО Издательский Дом "Ажур", 2023. – С. 920-922. – EDN VVKMYS.
20. Типовые нормативы численности работников по обслуживанию и эксплуатации зданий и сооружений. ШИФР 15.02.02" (утв. ФГБУ "НИИ ТСС" Минтруда России 24.01.2014 N 001) [Электронный текст] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200426/ (дата обращения: 12.12.2024)
21. Belle, N. (2015). Performance-related pay and the crowding out of motivation in the public sector: A randomized field experiment // Public Administration Review, 75(2), 230-241.
22. Jarkas, A. M., Radosavljevic, M., & Wuyi, L. (2015). Prominent demotivational factors influencing the productivity of construction project managers in Qatar // International Journal of Productivity and Performance Management, 64(8), 1070-1090.
23. Oyedele, L. O. (2013). Analysis of architects' demotivating factors in design firms // International Journal of Project Management, 31(3), 342-354.
24. Rothe, P., Lindholm, A. L., Hyvönen, A., & Nenonen, S. (2015). Work environment preferences—does age make a difference? // Facilities, 33(1/2), 5-13.
25. Toode, K., Routasalo, P., Helminen, M., & Suominen, T. (2015). Hospital nurses' work motivation // Scandinavian Journal of Caring Sciences, 29(2), 248-257.
26. Viseu, J., de Jesus, S. N., Rus, C., Canavarro, J. M., & Pereira, J. (2016). Relationship between teacher motivation and organizational variables: A literature review // Paidéia (Ribeirão Preto), 26, 111-120.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

У статьи есть четкая и хорошо продуманная структура: введение, материалы и методы, результаты и обсуждения, заключение.

Статья сразу начинается с обсуждения особенностей девелопмента. Большим достоинством статьи является подробное рассмотрение степени разработанности проблемы, а также четко прописанные предмет исследования, цель исследования, научная новизна.

Еще одним достоинством статьи является хорошо продуманная методология.

Эмпирическое содержание статьи отражается в представленных рисунках и таблицах.

В концептуальном отношении некоторые выводы исследования выглядят недостаточно обоснованными. Например: "доля службы по связям с общественностью составляет лишь (0,6%), что может являться косвенным признаком использования аутсорсинга для данных функций. В то же время достаточно высокий процент сотрудников, отнесенных к категории административно-хозяйственного персонала (7%), может свидетельствовать об определенной нерациональности организационно-штатной структуры и наличии резервов оптимизации". Эти тезисы нуждаются в пояснении. Какой оптимальный процент сотрудников, которые выполняют функциональные обязанности в службе по связям с общественностью и административно-хозяйственных подразделениях? На основании чего в статье делается вывод, что в одном случае процент слишком маленький, а в другом – слишком высокий? Каким должен быть процент сотрудников, отнесенных к категории административно-хозяйственного персонала, чтобы это не являлось свидетельством о наличии определенной нерациональности организационно-штатной структуры и наличия резервов оптимизации? По этим вопросам хотелось бы получить пояснения.

В целом, значительная часть статьи посвящена разбору не столько психологических процессов мотивации, сколько вопросов менеджмента: анализ разветвленности системы стратегического управления и принятия решения, центральных бизнес – процессов, структура распределения кадровых ресурсов, углубленное описание должностных позиций и т.п. Поэтому возникают вопросы относительно позиционирования представленной научной работы: возможно, имеет смысл направить ее в соответствующие научные журналы с управляемой направленностью? В данном случае статья находится на стыке нескольких научных направлений.

Отдельно хотелось бы отметить, что фактическая организационная власть может принадлежать тем, кто формально не обладает высокими должностями. Для исследования этих аспектов рекомендуется применить институциональный подход.

В библиографическом разделе приводится 24 научных источника, включая публикации как на русском языке, так и на английском. Есть несколько современных публикаций за 2023 и 2024 годы.

Двойная косая черта используется для отделения сведений о статье от названия периодического издания или сборника, в котором статья помещена. Однако такой стандарт в статье используется только в русскоязычных научных источниках, а не в англоязычных.

В библиографических статьях приводятся EDN коды в виде буквенных обозначений.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является психологическая система мотивации персонала девелоперской компании.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье в рамках системного, структурно-функционального и ролевого подходов были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также, как отмечается в статье, были применены «трудовой метод», «методы классификации, группировки, обобщения, сравнительного анализа», «приемы графической интерпретации».

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях развития экономики направления девелопмента и девелоперского бизнеса являются одними из наиболее перспективных. Особенности деятельности девелоперских компаний

обуславливают особые подходы к работе с персоналом этих организаций, где большое внимание уделяется системе мотивации персонала. С этой точки зрения изучение психологической системы мотивации персонала девелоперской компании представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике системы мотивации персонала девелоперской компании, а также проведении структурно-функционального анализа «мотивационных механизмов в девелоперских компаниях для выявления психологических закономерностей и дифференциации системы стимулирования персонала с учетом функциональных ролей сотрудников на примере «компании АО «Центр-Инвест», являющейся типичным представителем девелоперского бизнеса».

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, а также наглядной демонстрацией результатов исследования.

Структура статьи, к сожалению, не полностью выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, в структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, материалы и методы, результаты и обсуждение, заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет отмеченная тенденция, что «с точки зрения мотивационного менеджмента, дифференциация должностей создает объективные предпосылки для реализации концепции индивидуализации стимулирования. Разнообразие функциональных позиций предполагает различия в ключевых мотивационных факторах - если для сотрудников блока продаж решающее значение имеют комиссионные схемы, то для проектировщиков и аналитиков на первый план выходят возможности профессиональной самореализации и обучения».

Библиография содержит 26 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания, а также электронные ресурсы. В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие различные аспекты мотивации персонала и их особенности в девелоперских компаниях. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, «что построение эффективной психологической системы мотивации персонала девелоперской компании требует проведение структурно-функционального анализа ее мотивационных механизмов и понимания особенностей как организационной структуры, так и особенностей российской бизнес-модели. При этом учет специфики функционально-ролевых групп и индивидуальных мотивационных профилей является необходимым условием разработки адекватных стимулирующих механизмов. В свою очередь, решение данной задачи предполагает гибкое сочетание универсальных подходов с инструментами материального и нематериального стимулирования в соответствии с выявленными приоритетами целевых категорий персонала. Индивидуализированный подход позволит обеспечить заинтересованность и максимальную отдачу сотрудников, что является необходимой предпосылкой устойчивой конкурентоспособности девелоперской компании».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и работниками служб по работе

с персоналом девелоперских компаний, психологами, социологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что целесообразно обратить внимание на структуру статьи и ее некоторые структурные элементы. В частности, целесообразно было бы выделить отдельно такой структурный элемент, как «Обзор научной литературы» или «Обзор исследований». Поскольку в статье было заявлено, что «работа имеет выраженную практико-ориентированную направленность», необходимо было бы сформулировать отдельно общие выводы по результатам проведенного исследования, а не ограничиваться кратким заключением, а также включить в рукопись практические рекомендации по организации системы мотивации персонала девелоперских компаний. При оформлении таблиц и рисунков необходимо обратить внимание на требования действующих ГОСТов, оформить их в соответствии с этими требованиями. Кроме того, названия рисунков оформлены не единообразно, в частности, «Рисунок 1 – Функциональная структура персонала девелоперской компании», «Рисунок 2. Иерархическая структура персонала девелоперской компании». В тексте встречается перечисление нормативных правовых актов в таком виде: "Градостроительный кодекс РФ, Земельный кодекс РФ, Федеральный закон №214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве...», законы, определяющие кадастровую деятельность (ФЗ-221), техническое регулирование (ФЗ-384, ФЗ-123), инвестиционную активность (ФЗ-39, ФЗ-160)» со сноской на источник в библиографическом списке. Возможно, достаточно было бы перечислить только сферы правового регулирования, поскольку краткое указание номеров федеральных законов без даты нормативного правового акта и его полного названия создает впечатление незавершенности в описании этих нормативных правовых документов. В качестве рекомендации, возможно, стоило бы пересмотреть название самой статьи и отказаться от слова «психологическая» применительно к системе мотивации персонала, однако этот вопрос является дискуссионным, поэтому представляется ограничиться лишь рекомендательным характером. Указанные недостатки не снижают высокую степень научной и практической значимости самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить, доработать текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Психологическая система мотивации персонала девелоперской компании». Работа содержит: постановку проблемы, проведение подробного теоретического анализа литературы, описание результатов эмпирического исследования.

Предмет исследования. В качестве предмета исследования выступают особенности трудовой мотивации основных категорий персонала девелоперской компании, обусловленные спецификой ее организационной структуры, функционального разделения труда и ролевых профилей сотрудников. Работа нацелена на проведение структурно-функционального анализа мотивационных механизмов в девелоперских компаниях для выявления психологических закономерностей и дифференциации системы стимулирования персонала с учетом функциональных ролей сотрудников. В качестве базы исследования выступила компания АО «Центр-Инвест», являющаяся типичным представителем девелоперского бизнеса. Это позволило выделить

мотивационные факторы и построить концептуальную модель трудовой мотивации в данной отрасли. В качестве исследовательских задач выступает определение специфических мотивационных паттернов, свойственных различным функционально-ролевым отделам. Это позволило сформировать практические рекомендации по проектированию эффективной системы мотивации с учетом отраслевой специфики.

Методология исследования. В исследовании были рассмотрены работы, в том числе, современные, рассматривающие поставленную проблему. Автором проведено эмпирическое исследование на базе девелоперской компании АО "Центр-Инвест".

Актуальность исследования. Автором отмечается, что создание эффективной системы мотивации персонала, обеспечивающей не только производительность, но и соблюдение норм и регламентов, становится важнейшей задачей психологии труда. В то же время, несмотря на высокую актуальность и практическую значимость проблематики мотивации в девелопменте, степень ее научной разработанности остается недостаточной.

Несмотря на наличие отдельных исследований, затрагивающих проблематику мотивации в девелопменте, многие аспекты данного вопроса остаются недостаточно раскрытыми.

Во-первых, существующие работы фокусируются на отдельных функциональных группах, не давая целостного представления о мотивационной специфике различных категорий сотрудников.

Во-вторых, в большинстве исследований акцентируется внимание на отдельных мотивационных факторах и методах стимулирования без учета многоаспектности трудовой мотивации и необходимости формирования комплексных систем стимулирования.

В-третьих, практически отсутствуют работы, рассматривающие структурно-функциональные особенности девелоперских компаний как фактор дифференциации мотивационных профилей сотрудников.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- 1) выделено содержание доминирующих мотивационных факторов в зависимости от функционально-ролевой принадлежности сотрудников;
- 2) определена и описана трехуровневая структура, отражающая специфику мотивации топ-менеджмента, (ориентация на стратегические результаты и масштаб влияния), девелоперов среднего звена (приоритет профессионального развития и карьерного роста) и вспомогательного персонала (значимость стабильности и благоприятной корпоративной среды);
- 3) предложены практические рекомендации по проектированию адаптивной системы стимулирования.

Автором отмечается, что представленные результаты открывают перспективы для дальнейшего изучения мотивационных механизмов в сфере девелопмента.

Новизна настоящего исследования заключается в комплексном анализе особенностей трудовой мотивации основных категорий персонала девелоперской компании с попыткой восполнить пробелы рассмотренных автором исследований.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы четко прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе представлена. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для того, чтобы раскрыть предмет исследования.

Работа отличается выраженной практико-ориентированной направленностью и нацеленностью на формирование научно-обоснованного инструментария оптимизации системы мотивации в девелоперских компаниях. Результаты исследования позволяют разрабатывать и реализовывать программы стимулирования персонала, что будет способствовать повышению вовлеченности сотрудников, росту производительности труда

и достижению стратегических целей девелоперских фирм.

Полученные результаты и их анализ наглядно представлены, в том числе, в виде графиков, таблиц и рисунков

Библиография. Библиография статьи включает в себя 26 отечественных и зарубежных источника, значительная часть которых издана за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также учебно-методические издания. Помимо этого, представлены также интернет-издания. Источники оформлены корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации: выделить теоретико-методологическую основу исследования.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами организации работы трудового коллектива. Затронутая тема была рассмотрена в контексте учета мотивационных особенностей персонала. Причем, особое внимание было уделено построению эффективной психологической системы мотивации персонала девелоперской компании. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Комиссарова О.А., Милованова О.А. Субъективное переживание одиночества как предиктор употребления ПАВ у подростков // Психолог. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.6.72573 EDN: GYOKYE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72573

Субъективное переживание одиночества как предиктор употребления ПАВ у подростков

Комиссарова Ольга Андреевна

ORCID: 0009-0003-2642-2340

клинический психолог, Центр практической аддиктологии "Цель"

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ olg.komissarova2016@yandex.ru

Милованова Ольга Андреевна

ORCID: 0000-0002-6260-6193

доктор медицинских наук

доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры неврологии детского возраста ; ФГБОУ
ДПО РМАНПО Министерства здравоохранения Российской Федерации

123995, Россия, г. Москва, ул. Баррикадная, 2/1с1

✉ olg.komissarova2016@yandex.ru

[Статья из рубрики "Психология и педагогика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.6.72573

EDN:

GYOKYE

Дата направления статьи в редакцию:

04-12-2024

Аннотация: Предметом рассмотрения данной статьи является взаимосвязь субъективного переживания одиночества у подростков старшего и младшего возраста, а также пути формирования аутодеструктивного аддиктивного поведения по употреблению психоактивные вещества (ПАВ). Субъективное переживание одиночества представляет собой относительно новый психологический феномен, отражающий субъективные переживания человека в ситуации одиночества. Проблема одиночества

обострилась во время пандемии, стресс от самоизоляции вызвал всплеск зависимого поведения, в том числе компульсивные покупки, переедание, злоупотребление алкоголем и наркотиками, а также игроманию. Чаще всего пагубные привычки проявлялись у людей без поддержки от семьи и друзей. Традиционно, в отечественной психологической практике одиночество рассматривается как негативный феномен, однако в данном исследовании мы понимаем его как предиктивный фактор (предиктор) развития зависимости от ПАВ в подростковом возрасте. Методы, использованные в данном исследования: метод анкетирования, метод индивидуальной беседы, метод профилактики. Методики исследования: Опросник переживания одиночества Е.А. Манаковой; Опросник ДОПО-Зк (Дифференциальный опросник переживания одиночества) Е.Н. Осины, Д.А. Леонтьева; Методика «Шкала субъективного переживания одиночества (СПО)» С.В. Духновского; Авторская анкета «Употребление психо-активных веществ». Научная новизна данного исследования заключается в изучении гипертроированного переживания одиночества как предиктора формирования аутодеструктивного аддиктивного поведения на фоне желательной социальной интеграции за счёт употребления социально-допустимых ПАВ (никотин, алкоголь). Целью проведенного исследования является изучение субъективного переживания одиночества у подростков как предиктора аутодеструктивного аддиктивного поведения. В результате проведенного исследования были выявлены основные характеристики субъективного переживания одиночества подростками младшей и старшей возрастной групп и специфика формирования аддиктивного поведения в аспекте употребления ПАВ. Проанализировав различные научные труды и исследования, можно прийти к выводу, что данная проблема еще не до конца изучена. Анализ различных научных источников позволил понять, что чувство одиночества в острой форме впервые появляется именно в подростковом возрасте, когда происходит поиск собственной идентичности и связей с окружающим миром.

Ключевые слова:

старшие подростки, младшие подростки, субъективное переживание одиночества, психоактивные вещества, аддиктивное поведение, предиктор аддикции, объективное переживание одиночества, атоаггрессия, саморазрушающее поведение, профилактика

Введение

Исследования, посвященные изучению субъективного переживания одиночества, становятся всё более востребованными у специалистов в области психологии, социологии и педагогики. В РФ связи с быстрыми изменениями социо-политической, экономической и дипломатической обстановки на первый план для большинства людей выходят вопросы субъективного благополучия и переживания различных психоэмоциональных состояний, в том числе, одиночества. Одной из социо-демографических групп, значительно острее подверженных переживанию негативного влияния со стороны глобальных стрессовых факторов, являются подростки, в силу их нестабильной психоэмоциональной организации и связанной с ней высокой степенью социальной возбудимости [16].

Следует отметить, что, согласно многочисленным исследованиям [1, 2, 3, 5], подростки переживают стрессовые факторы острее, чем взрослые. Одним из факторов, оказывающих значительное влияние на субъективное благополучие человека, является

переживание одиночества [4, 7]. Согласно исследованиям Е.В. Самаль и К.В. Стволыгина, подростки старшей и младшей возрастной групп в 82% случаев испытывают одиночество в социальном и личностном аспектах, а также обладают такими специфическими чертами субъективного переживания одиночества как страх отвержения, социальной нормативностью и страхом физической непривлекательности. При этом авторы приходят к выводу о том, что подростки младшей возрастной группы чаще демонстрируют острые переживания, по сравнению с подростками старшей возрастной группы [18].

О.С. Забабурина отмечает, что субъективное переживание одиночества подростками младшей возрастной группы связано с установлением новых социальных связей и их высокой потребностью в общении и принятии, что характерно для диффузного типа одиночества. При этом у подростков старшей возрастной группы переживание одиночества приобретает позитивные черты, так как связывается с эго-благополучием, демонстрируя диссоциированный тип одиночества [6].

Т.Ц Тудупова и И.С. Худякова, анализируя связь рефлексии и переживания одиночества подростками указывают, что по мере взросления и усложнения механизмов саморефлексии подростки приобретают механизмы совладания с субъективным переживанием одиночества, с чем может быть связана его более выраженная степень у младших подростков и постепенный переход к позитивному переживанию одиночества у старших подростков [13].

Несомненно, можно утверждать, что субъективное переживание одиночества оказывает влияние на социальную жизнь подростков, в том числе, формирование особенностей поведения и приобретение новых моделей поведения. Е. В. Солодкая, И. П. Логинов, изучая предикторы развития депрессивных состояний у подростков, отмечают, что высокая степень субъективного переживания одиночества у подростков является одним из предикторов развития депрессивных состояний. Авторы связывают данный факт с тем, что в подростковом возрасте установление внешних социальных связей и поиск своего места в внешнем мире становится одной из основных задач психоэмоционального развития подростка [12]. Претерпевая субъективное переживание неудачи, подростки склонны к гипертроированному ощущению одиночества, что становится предиктором развития депрессивных состояний и аутодеструктивного поведения, в том числе, аддикций.

Актуальность проведенного исследования заключается в рассмотрении субъективного переживания одиночества подростками как предиктора развития аутодеструктивного аддиктивного поведения. Определение специфических черт субъективного переживания одиночества подростками старшей и младшей возрастных групп позволит специалистам-психологам проводить целевые профилактические мероприятия, направленные на облегчение субъективного переживания одиночества у подростков и предотвращение развития аддикций.

Методы

Целью нашего исследования становится изучение субъективного переживания одиночества у подростков как предиктора аутодеструктивного аддиктивного поведения.

Для достижения заявленной цели, нами были поставлены следующие задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ исследований, посвященных изучению субъективного

переживания одиночества у подростков разных возрастных групп;

2. Выявить особенности субъективного переживания одиночества у подростков старшей и младшей возрастной групп; 3. Описать предикативный потенциал субъективного переживания одиночества у подростков разных возрастных групп в аспекте развития аутодеструктивного аддиктивного поведения.

Гипотеза исследования заключается в том, что высокая степень субъективного переживания одиночества подростков ведет к формированию тенденции к социальному употреблению ПАВ (употребление ради общения) в младшем подростковом возрасте и закрепляется в виде аутодеструктивных аддиктивных привычек в старшем подростковом возрасте.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы, нами было проведено исследование субъективного переживания одиночества подростками старшей и младшей возрастных групп. Также респондентам была предоставлена авторская анкета, направленная на изучение особенностей употребления ПАВ (алкоголь, никотин-содержащие вещества, вейпы и т.д.). В качестве базы для проведения эмпирического исследования нами была выбраны несколько СОШ, расположенных на территории Московской области. В связи с обработкой данных несовершеннолетних, в данном исследовании мы не предоставляем данных о конкретных учебных заведениях ввиду соблюдения соглашения с учебными заведениями.

Респондентами в проведенном исследовании выступили 127 подростков младшего подросткового возраста (11-13 лет) и 114 подростков старшей возрастной группы (14-16 лет). Все респонденты обучались в общеобразовательных школах Московской области в 5-10 классах на общих основаниях (не имели инвалидности или врожденных заболеваний, оказывающих влияние на результаты тестов). Цель данного исследования заключалась в изучении гендерного феномена в субъективном переживании одиночества, группы подростков были смешанными и авторами не проводилось деление по полу. Все подростки и их законные представители дали информированное согласие на проведение опроса, анкетирования и изучение полученных результатов в комплексном (групповом) анонимированном формате. В связи с требованиями психологической этики при проведении исследований, связанных с благополучием несовершеннолетних участников исследования, все анкеты и результаты опроса были строго анонимны и содержали информацию только о возрастной группе респондентов, результаты опроса и анкетирования.

Для проведения исследования нами были использованы следующие методики:

- Опросник переживания одиночества Е.А. Манаковой;
- Опросник ДОПО-Зк (Дифференциальный опросник переживания одиночества) Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева;
- Методика «Шкала субъективного переживания одиночества (СПО)» С.В. Духновского;
- Авторская анкета «Употребление психо-активных веществ».

Использование нескольких разнородных опросников для анализа субъективного переживания одиночества позволило выяснить как уровень субъективных переживаний респондентов, так и качественные характеристики их состояния, что в дальнейшем позволило сделать выводы о предикативном потенциале субъективного переживания одиночества и фактов употребления ПАВ.

В качестве методов анализа результатов нами использовались U-критерий Манна-Уитни и метод парных корреляций для сравнения групп старших и младших подростков.

Результаты

Результаты опросов подростков младшей и старшей возрастных групп позволили выявить общие для каждой рассматриваемой группы характеристики субъективного переживания одиночества.

Рис. 1. Результаты Опросника переживания одиночества Е.А. Манаковой в группах младших и старших подростков.

Результаты опроса подростков младшей возрастной группы по методике Е.А. Манаковой позволили сделать следующие выводы о переживании ими субъективного одиночества:

- Подростки младшей возрастной группы оценивают одиночество как негативное, но временное явление, связанное с отсутствием понимания и поддержки как среди сверстников, так и у значимых взрослых;
- Подростки младшей возрастной группы редко связывают переживание одиночества с физической непривлекательностью, что может быть обусловлено началом полового созревания и несформированными критериями привлекательности.

Результаты субъективного переживания одиночества у старших подростков позволили сделать выводы о том, что в отличие от групп младших подростков, значительную роль в субъективном переживании одиночества у них играет аспект физической непривлекательности. Так, как и младшие подростки, подростки старшей возрастной группы считают, что одиночество является временным явлением, однако аспект отсутствия поддержки со стороны сверстников и значимых взрослых становится значительно ниже, тогда как повышается аспект страха ответственности. Изменения в субъективном переживании одиночества старших подростков по отношению к младшей возрастной группе может быть связан с активным психофизиологическим и психоэмоциональным развитием подростков, переживанием полового созревания (повышение значимости физической привлекательности) и формированием Я-концепции, с чем связано понижение значимости оценки со стороны значимых лиц и повышение страха ответственности.

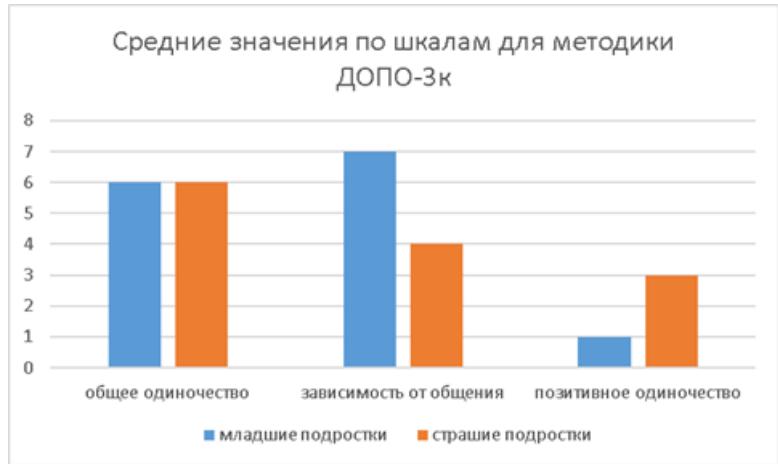

Рис. 2. Средние значения по шкалам для методики ДОПО-Зк для групп старших и младших подростков

Результаты опроса подростков младшей возрастной группы по методике ДОПО-ЗК позволило оценить, что у подростков данной возрастной группы высокий средний уровень субъективного переживания одиночества, связанный с зависимостью респондентов от общения (повышенная социальная конформность) и принятием сверстниками. Тогда как позитивные стороны одиночества фактически не выделяются подростками данной возрастной группы.

Анализ по методике ДОПО-ЗК позволил сделать вывод, что общий уровень субъективного переживания одиночества у респондентов старшей возрастной группы не изменился по сравнению с респондентами младшей возрастной группы, однако изменились качественные показатели: подростки старшей возрастной группы в меньшей степени связывают переживание одиночества с общением в социуме и в большей степени оценивают одиночество как позитивный фактор. Данная тенденция также может подтверждать выдвинутые предположения о формировании целостного образа Я у старших подростков, что делает их менее конформными и позволяет переживать одиночество как время, проведенное с собой.

Наконец, результаты методики СПО С.В. Духновского позволили оценить общий уровень субъективного переживания одиночества подростками младшей и старшей возрастной группы:

Рис. 3. Соотношение по уровням переживания одиночества

Результаты исследования уровня субъективного переживания одиночества у младших

подростков показало, что большая часть подростков данной возрастной группы имеет высокий (29%) или очень высокий (37%) уровень субъективного переживания одиночества. Данная тенденция может быть связана с поиском новых социальных связей и отношений, переходом от детских паттернов поведения к взрослым.

Результаты оценки уровня субъективного переживания одиночества у старших подростков позволили заключить, что у респондентов данной группы снижены критические значения как низкого, так и крайне высокого уровня переживания одиночества, однако высокие показатели среднего и высокого уровня переживания одиночества. Такая тенденция по-видимому, может говорить о том, что подростки старшей возрастной группы не гипертрофируют переживание одиночества, однако данный фактор оказывает значительное влияние на их психоэмоциональное состояние.

Можно отметить, что высокий средний уровень субъективного переживания одиночества подростками младшей возрастной группы соотносится с результатами других исследований в области одиночества у подростков (), что позволяет говорить о валидности полученных результатов.

В свою очередь, анкетирование на тему употребления ПАВ, подростки младшей возрастной группы показало следующие результаты:

- 1) алкоголь-содержащие напитки употребляли (разовое употребление) 15% респондентов, употребляет – не выявлено;
- 2) никотин-содержащие продукты (сигареты, никотиновые пластыри и жвачки и т.д.) пробовали 15% респондентов и 10% респондентов признавали, что курят регулярно (каждый день или через день) с друзьями;
- 3) 35% респондентов регулярно употребляли курительные смеси на водной основе (вейпы), а 67% однократно пробовали различные типы водных курительных смесей, при этом 90% респондентов заявили, что данные смеси не содержат веществ, вызывающих зависимость (ПАВ), что говорит о высокой степени распространения мифа о безвредности водных курительных смесей;
- 4) 3% респондентов отметили ситуативное употребление растительных смесей наркотического характера (спайс, легкие каннабиоиды).

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что подростки младшей возрастной группы склонны к гипертроированному, острому субъективному переживанию одиночества, связанному с недостатком общения, а также неприятию и непониманию со стороны сверстников и значимых взрослых. При этом незначительный процент подростков младшей возрастной группы регулярно употребляет ПАВ, однако более половины респондентов пробовали различные вещества, указывая, что опыт употребления был связан с общением в компаниях и инициирован значимыми фигурами (друг, старший подросток в компании, старший сиблиинг), что может свидетельствовать о социальном контексте употребления.

Результаты анкетирования на тему употребления ПАВ, подростки младшей возрастной группы показали следующие результаты:

- 1) алкоголь-содержащие напитки употребляли (пробовали) 55% респондентов, употребляет на регулярной основе (каждый день – несколько раз в неделю) 27% респондентов;

- 2) никотин-содержащие продукты (сигареты, никотиновые пластиры и жвачки и т.д.) пробовали 15% респондентов и 60% респондентов признавали, что курят регулярно (каждый день или через день) с друзьями-сверстниками или старше;
- 3) 72% респондентов регулярно употребляли курительные смеси на водной основе (вейпы), а 80% пробовали различные типы водных курительных смесей, при этом 70% респондентов заявляли, что данные смеси не содержат веществ, вызывающих зависимость (ПАВ), что говорит о высокой степени распространения мифа о безвредности водных курительных смесей;
- 4) 5% респондентов отметили ситуативное употребление растительных смесей наркотического характера (спайс, легкие каннабиоиды).

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что подростки старшей возрастной группы склонны к высокому уровню субъективного переживания одиночества, которое связано с негативной оценкой собственной физической привлекательности, высоким страхом ответственности при появлении новых социальных связей и знакомств, что может быть связано с активными попытками построения отношений с противоположным полом. При этом наблюдается снижение уровня социальной конформности и уровня переживания одиночества в зависимости от общения. Можно отметить, что по сравнению с группой младших подростков, подростки старшей возрастной группы гораздо чаще употребляли ПАВ, при этом большинство подростков пробовали какой-либо вид химических веществ, а более половины – употребляет регулярно. Следует также отметить негативную тенденцию к употреблению водных курительных смесей и широкое распространение мифа об их безвредности.

Таблица 1

**Сравнительные результаты групп респондентов по критерию Манна-Уитни
(N=241)**

Методика		Значения			
Манакова	Шкала	Младшие подростки	Старшие подростки	U	p-level
	Негативные чувства	25,88	19,32	212,3**	0
	Отрицание переживаний	25,3	25,62	378,5	0,14
	Временное явление	23,67	24,0	199,6	0,55
	Страх ответственности	25,80	20,37	104**	0
	Отсутствие поддержки и понимания	20,88	20,52	531**	0,036
СПО		25,84	19,93	36**	0
ДОПО-Зк		97,6	72,6	84,75**	0,032
	Общее одиночество	3,83	1,8	286,5	0,04
	Зависимость от общения	4,56	2,3	512,7**	0,004
	Позитивное одиночество	0,18	2,7	174**	0,047

Уровень значимость 0,01**

p≤0,01

Исходя из полученных в результате сравнения групп данных, можно утверждать, что профили старших и младших подростков при оценке субъективного переживания одиночества имеют значимые статистические различия, что говорит о различном характере субъективного переживания одиночества.

Обсуждение

Полученные нами в данном исследовании результаты показали, что подростки старшей и младшей возрастных групп имеют различные типы субъективного переживания одиночества, что связано с разными этапами психоэмоционального и психофизического развития респондентов. Полученные нами данные полностью подтверждаются результатами более ранних исследований как в области социальной психологии [9, 10, 14], так и клинической психологии [11, 15], что позволяет делать вывод об их валидности и успешности проведенного исследования.

Новым компонентом проведенного нами исследования становится вопрос предикации субъективного переживания одиночества подростками и употребления различных типов ПАВ. Благодаря полученным результатам, можно утверждать, что младшие подростки, остро и гипертрофированно переживающие одиночество, начинают употреблять ПАВ различного генеза для общения со значимыми для них сверстниками или представителями более старших возрастных групп. Данная тенденция может быть связана с переживанием одиночества младшими подростками как непонимания со стороны значимых лиц (как сверстников, так и взрослых) и недостатка общения, что ведет к развитию употребления как феномена социальной интеграции.

В свою очередь, старшие подростки продемонстрировали частое и регулярное употребление социально-допустимых ПАВ (алкоголь, никотин, водные курительные смеси – вейп), что говорит о сформированной ранее привычке, тогда как субъективное переживание одиночества перестает носить ярко-выраженный коммуникативно-социальный характер и направлено на формирование привлекательного образа «Я».

Нами прослеживается связь между гипертрофированным переживанием одиночества подростками младшей возрастной группы и социальной интеграций посредством употребления ПАВ, что приводит к формированию аутодеструктивных поведенческих привычек в формате регулярного употребления социально-допустимых ПАВ. Следует отметить, что в данном исследовании мы относим к ПАВ водные курительные смеси, чей вред носит медицинский доказанный характер [8, 17], однако широкое распространение мифа о безвредности данного типа ПАВ способствует распространению данного типа аддикции в обществе [18].

В качестве методических рекомендаций для школьных психологов, социальных педагогов и психологов-педагогов, работающих в сфере общего образования, мы предлагаем концепцию комплексных профилактических мероприятий: первичная профилактика, вторичная профилактика и работа с употребляющими подростками.

На этапе первичной профилактики мы можем рекомендовать применение метода комплексной коллективной беседы (на уровне общешкольного методического семинара, методического семинара для учеников классных параллелей и отдельных методических занятий с учениками классов как микросоциумов) для первичной профилактики

употребления и создании структурного, однозначного и адекватного представления о ПАВ и негативных последствиях употребления. Данный метод позволит устраниТЬ мифы о безвредности отдельных видов ПАВ, а также расширенno разобрать кейсы, демонстрирующие вред от употребления ПАВ, что возможно в рамках расширенных комплексных семинаров. При этом специалисту важно опираться на факты и четкую доказательную базу. Несомненным достоинством будет предоставление учащимся доля ознакомления материалов, находящихся в открытом доступе, чтобы школьники смогли самостоятельно перепроверить полученную информацию и закрепить эффект семинаров. В свете работы с учащимися преимущественно подросткового возраста, необходимо также соблюдать принципы объективного повествования без негативной субъективной оценки для того, чтобы не вызвать контр-эффект у целевой аудитории.

На этапах вторичной профилактики важнейшим компонентом становится индивидуализация психолого-педагогических мероприятий для школьников, замеченных за употреблением или находящихся в зоне риска (например, тяжело переносящих одиночество или замеченных за деструктивным поведением). В данном случае также важен объективный подход, однако индивидуализация беседы позволяет не превратить педагогические мероприятия в коллективный буллинг. Чаще всего, подростки, имеющие проблемы с переживанием одиночества, аутодеструктивным поведением, страдают от буллинга в среде сверстников, тогда как разбор конкретных кейсов или адресная беседа в коллективе может только усугубить данную проблему или дать ей начало, значительно ухудшая психологическое состояние подростка. В таком случае, индивидуальные беседы проводятся в установленном порядке по запросу от родителей, классного руководителя или администрации школы, а также в связи с отдельными резонансными проишествиями внутри школьного микросоциума.

В рамках как первичной, так и вторичной профилактики употребления ПАВ и борьбы с тяжелым переживанием одиночества важно создавать структуру занятости подростка, в рамках которой он сможет проявлять своё творческое и индивидуальное начально конструктивным путем. Здесь работа психолога или психолога-педагога может состоять в организации мероприятий или внеклассных занятий для подростков.

Работа непосредственно с употребляющими подростками может проводиться одновременно как в индивидуальном формате, так и в формате групповых занятий в группах зависимых подростков, желательно в анонимном формате для минимизации конфликтов на почве высмеивания и запугивания, а также создании новой, здоровой среды общения в противовес коллективу созависимых (межведомственные занятия для зависимых подростков, организация анонимных встреч с подростками из разных школ). Помимо этого, индивидуальная работа с такими подростками также может заключаться в создании безопасной среды для подростка в кабинете психолога и в школе в целом, например, в случаях неблагополучных семей. В таком случае, работа школьного специалиста может значительно осложниться условиями зависимости агентов первичной социализации (родителей и иных родственников или знакомых), однако позволит на наглядном примере показать подростку альтернативу его актуальному образу жизни.

Библиография

1. Абдрахманова, Э. В. Причины чувства одиночества и депрессии в подростковом возрасте // Исследования молодых ученых : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Казань, июль 2019 г.). Казань: Молодой ученый, 2019. С. 40-42. URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/340/15186/> (дата обращения: 11.09.2024).
2. Абдураманова, Л.Р., Юдеева, Т. В. Индивидуально-психологические особенности

- переживания одиночества в подростковом возрасте // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2017. № 4 (10). С. 18-22. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32244630_57163979.pdf (режим доступа: 01.12.2024).
3. Андреева, О.А., Терехов А.А. Электронные сигареты: альтернатива курению или вред // Наука и образование. 2022. 5 (2). С. 197.
4. Апуневич, О. А. Взаимосвязь склонности к интернет-зависимости с чувством одиночества у мальчиков и девочек в подростковом возрасте // Ученые записки Череповецкого государственного университета. 2015. № 1. С. 6-9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24992069> (дата обращения 03.09.2024).
5. Белобрыкина, О. А. Дифференциальные дескрипторы субъективного переживания одиночества подростками // Часть II: результаты эмпирического исследования. Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология, т. 4. 2019. № 3 (15). С. 158-192. URL: <http://www.soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document687.pdf> (дата обращения 05.09.2024).
6. Забабурина О.С. Особенности одиночества в подростковом возрасте // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. 1 (78). С. 243-245.
7. Копысова, В. В., Коротаева, О. В. Факторы, влияющие на формирование одиночества. В кн.: Наука сегодня: теоретические и практические аспекты. М.: Перо, 2015. С. 292-296.
8. Кривцова, С. В. Подросток на перекрестке эпох: проблемы и перспективы социально-психологической адаптации подростков. М.: Генезис, 1997. 288 с.
9. Майленова, Ф. Г. Два лика одиночества. Человек. 2002. № 2. С. 129-135.
10. Мухина, В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отчество. М.: Академия, 2003. 456 с.
11. Покровский, Н. Е. (ред.). Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. 624 с.
12. Солодкая, Е. В., Логинов И.П. К проблеме депрессивных расстройств у подростков // Дальневосточный медицинский журнал. 2014. № 2. С. 127-133.
13. Тудупова, Т. Ц., Худякова, И. С. Особенности проявления одиночества в подростковом возрасте // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 5. С. 135-141.
14. Шиляева, И. Ф. Переживание одиночества в подростковом возрасте: половые и возрастные особенности // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2018. № 4 (35). С. 83-87. URL: https://vektornaukipedagogika.ru/jour/article/view/151?locale=ru_RU (дата обращения 09.09.2024).
15. Юдич, Е. А. Проблема одиночества в контексте психологии / Е. А. Юдич // Известия Томского политехнического университета. 2011. № 6. С. 97-102. URL: <http://earchive.tpu.ru/handle/11683/3783> (дата обращения 05.09.2024)
16. Hiemstra, P.S., Bals, R. Basic science of electronic cigarettes: assessment in cell culture and in vivo models. Respir Res 17, 127 (2016). <https://doi.org/10.1186/s12931-016-0447-z>
17. Marques, P., Piqueras, L. & Sanz, MJ. An updated overview of e-cigarette impact on human health. Respir Res 22, 151 (2021). <https://doi.org/10.1186/s12931-021-01737-5>
18. Samal, E.V., Stvolygina K.V. Experience of loneliness by teenagers at the end of the 20th century and at present. Psychology in Education. 2020. 2. 166-173. DOI: 10.33910/2686-9527-2020-2-2-166-173

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования: субъективное переживание одиночества.

Методология исследования: авторами были использованы следующие методики:

- Опросник переживания одиночества Е.А. Манаковой;
- Опросник ДОПО-Зк (Дифференциальный опросник переживания одиночества) Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева;
- Методика «Шкала субъективного переживания одиночества (СПО)» С.В. Духновского;
- Авторская анкета «Употребление психоактивных веществ».

Использование нескольких разнонаправленных опросников для анализа субъективного переживания одиночества позволило выяснить как уровень субъективных переживаний респондентов, так и качественные характеристики их состояния, что в дальнейшем позволило сделать выводы о предикативном потенциале субъективного переживания одиночества и фактов употребления ПАВ.

В качестве методов анализа результатов нами использовались U-критерий Манна-Уитни и метод парных корреляций для сравнения групп старших и младших подростков.

Актуальность: актуальность проведенного исследования заключается в рассмотрении субъективного переживания одиночества подростками как предиктора развития аутодеструктивного аддиктивного поведения. Определение специфических черт субъективного переживания одиночества подростками старшей и младшей возрастных групп позволит специалистам-психологам проводить целевые профилактические мероприятия, направленные на облегчение субъективного переживания одиночества у подростков и предотвращение развития аддикций.

Научная новизна: Рецензируемая статья обладает научной новизной, поскольку авторами в данном исследовании получили результаты, что подростки старшей и младшей возрастных групп имеют различные типы субъективного переживания одиночества, что связано с разными этапами психоэмоционального и психофизического развития респондентов.

Стиль, структура, содержание: Статья хорошо структурирована, написана четким и научным языком, выводы обоснованы, литература соответствует, заявленной тематике. Содержание статьи соответствует названию, логика исследования четкая, разбиение на блоки понятно читателю и отражает динамику развития авторской идеи.

Библиография: положения статьи подтверждены цитатами из авторитетных источников и ссылками на научные исследования.

Апелляция к оппонентам: апелляция к оппонентам заявлена на примере широкого и подробного анализа литературы, в том числе и авторов, которые не были упомянуты в списке литературы, но имеющих широкое признание в научной среде.

Выводы, интерес читательской аудитории: Новым компонентом проведенного авторами исследования становится вопрос предикции субъективного переживания одиночества подростками и употребления различных типов ПАВ. Благодаря полученным результатам, можно утверждать, что младшие подростки, остро и гипертрофированно переживающие одиночество, начинают употреблять ПАВ различного генеза для общения со значимыми для них сверстниками или представителями более старших возрастных групп. В качестве

методических рекомендаций для школьных психологов, социальных педагогов и психологов-педагогов, работающих в сфере общего образования, мы предлагаем концепцию комплексных профилактических мероприятий: первичная профилактика, вторичная профилактика и работа с употребляющими подростками.

Психолог*Правильная ссылка на статью:*

Михайлова Н.В., Федосеева О.И., Шуткина Ж.А. Мотивация учебно-познавательной деятельности в цифровой образовательной среде обучающихся различных возрастных групп // Психолог. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.6.72399 EDN: GUSDZW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72399

Мотивация учебно-познавательной деятельности в цифровой образовательной среде обучающихся различных возрастных групп

Михайлова Наталья Владимировна

кандидат педагогических наук

доцент; кафедра психологии и педагогики; Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации

603029, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

✉ sorokanv@yandex.ru**Федосеева Ольга Игоревна**

кандидат психологических наук

доцент; кафедра возрастной и клинической психологии; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, Университетский пер., 7

✉ olfedoseeva_2011@mail.ru**Шуткина Жанна Александровна**

кандидат педагогических наук

доцент; кафедра возрастной и клинической психологии; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Университетский, 7

✉ zhannashutkina@mail.ru[Статья из рубрики "Психология и педагогика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8701.2024.6.72399

EDN:

GUSDZW

Дата направления статьи в редакцию:

20-11-2024

Аннотация: Необходимость изоляции людей в период пандемии поставила систему образования в ситуацию трансформации способов осуществления учебно-познавательной деятельности в условиях опосредованного взаимодействия. Перенос образовательного процесса из реальной в цифровую среду, в том числе он-лайн, без учета специфики протекания в ней учебно-познавательной деятельности показал свою низкую эффективность. Сегодня цифровизация является приоритетным направлением в развитии образования. Обеспечение качества образования в цифровой среде требует принципиально нового подхода к содержанию, мотивации, методике преподавания на основе научно обоснованных данных о специфике педагогического процесса в цифровой образовательной среде. В данной статье приведены результаты диагностики мотивации учебно-познавательной деятельности обучающихся различных возрастных групп в цифровой образовательной среде по программам высшего и дополнительного профессионального образования. В рамках исследования применялись различные методики диагностики мотивации: методика диагностики учебной мотивации Н.В. Елфимовой (адаптированная в соответствии с возрастными группами обучающихся и типом обучения), методика диагностики внутренней и внешней учебной мотивации Т.О. Гордеевой, методика диагностики мотивации достижения успеха и избегания неудач А.А. Реан. В результате исследования мотивации учебно-познавательной деятельности обучающихся в цифровой образовательной среде по программам высшего и дополнительного профессионального образования уточнено понятие цифровой образовательной среды, выделены ее основные характеристики (трансграничность, гипертекстность, индивидуализация, мультиинструментальность, опосредованность взаимодействия), уточнено понятие мотивации учебной деятельности, проанализирован и обобщен ряд подходов и конструктов учебной мотивации, представлены результаты диагностики мотивации учебной деятельности обучающихся различных возрастных групп, обобщен опыт реализации образовательного процесса в цифровой среде по программам высшего и дополнительного профессионального образования. Результаты, полученные в ходе исследования, позволили определить направления совершенствования педагогического процесса в цифровой образовательной среде для системы профессионального образования с учетом выявленной специфики мотивации учебно-познавательной деятельности обучающихся различных возрастных групп.

Ключевые слова:

качество образования, мотивация учебно-познавательной деятельности, цифровая образовательная среда, он-лайн образование, мотивация, учебно-познавательная деятельность, совершенствование образовательного процесса, опосредованное обучение, диагностика учебно-познавательной мотивации, мотивы учебной деятельности

Введение

Педагогический процесс в цифровой образовательной среде отличается специфическими чертами, многие из которых обусловлены опосредованностью моделей и форм взаимодействия субъектов образовательного процесса. Эти черты определяют особенности мотивации и организации учебной деятельности в цифровой среде, что при решении задач обеспечения качества подготовки специалистов с использованием цифровых площадок требует детального анализа и осмысливания. Следует отметить, что теоретическая и эмпирическая база исследования проблем организации и

осуществления образовательного процесса в цифровой среде находится на этапе формирования. Развитие тренда цифрового информационного общества требует интенсификации исследований в области цифровых образовательных технологий в единстве целей, задач, методов, средств педагогического процесса, организации взаимодействия его участников. Все элементы, входящие в систему педагогического процесса взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга. Мотивация учебной деятельности задает ее вектор и является механизмом запускающим, направляющим и поддерживающим действия, с помощью которых осуществляется учебная деятельность [1].

Цель исследования состоит в определении структуры и специфики мотивации учебной деятельности в цифровой образовательной среде обучающихся по программам профессионального образования.

Обзор литературы

Система высшего образования сегодня уже не представляется без цифровой среды, для обозначения которой сегодня используется множество терминов: «интерактивная компьютерная среда», «кибер пространство», «искусственная реальность», «виртуальная реальность» и др. (Ф. Брукс, А.Е. Войскунский, А.Г. Волов, У.О. Гибсон, Т.А. Кирик, М Крюгер, Г.Я. Меньшикова, Л.Е. Моторина, Ю.А. Шрейдер), «виртуальная образовательная среда», «дистанционная образовательная среда» «информационная образовательная среда» и др. (М.В. Булгаков, Ж.Н. Зайцева, И.Г. Захарова, О.А. Ильченко, А.Е. Пушкин В.И. Солдаткин, С.С. Фомин). Изучение данных терминов позволило установить, что содержательно они определяют специально созданные условия посредством языков программирования, компьютерной техники, информационных цифровых сетей, каналов, контента для опосредованного взаимодействия участников образовательного процесса с целью их профессионально-личностного развития и саморазвития.

Цифровая образовательная среда имеет ряд специфических характеристик:

1. Трансграничность. Цифровая образовательная среда не имеет географического закрепления, образовательный контент существует вне пространства и времени. Участники образовательного процесса могут взаимодействовать, находясь в любой географической точке, осваивать содержание в любое время, возвращаясь к нему в любой момент.
2. Гипертекстность. Для создания цифровой образовательной среды может быть использована информация из различных источников, представлена в различных форматах с непосредственным переходом на платформу источника. Переход от источника к источнику может быть осуществлен в различной последовательности.
3. Индивидуализация. Возможность обучения в собственном темпе по индивидуальной траектории, построенной в соответствии с уровнем подготовленности и потребностями конкретной личности.
4. Мультиинструментальность. Возможность использования различных сервисов, инструментов, форматов и источников информации для создания информационного образовательного развивающего пространства.
5. Опосредованность взаимодействия. Отсутствие непосредственного взаимодействия участников образовательного процесса. Необходимость самостоятельного планирования учебно-познавательной деятельности. Большую роль в учебном процессе имеет саморазвитие, самообразование, самоконтроль, умение планировать собственное время.

Цифровые технологии позволяют собирать, хранить, обрабатывать огромные потоки информации в короткое время, погружать обучающихся в виртуальную, дополненную реальность, имитирующую, например, профессиональное пространство будущего специалиста, моделировать процессы, ситуации профессиональной деятельности, обеспечивать связь и совместную деятельность обучающихся и преподавателей на любом расстоянии.

Грамотное планирование, наполнение и реализация возможностей цифрового образовательного пространства позволит обеспечить развитие не только, нормативно закрепленных компетенций, но и ряда новых, связанных с организацией и осуществлением опосредованного взаимодействия в цифровом пространстве, поисковых навыков, навыков опосредованной коммуникации, тайм-менеджмента, критического мышления, эмоционального он-лайн интеллекта.

Несмотря на высказывания многих скептиков, обучение в киберпространстве как и любая деятельность ведет, согласно теории А.Н. Леонтьева к развитию человека, хотя разные виды деятельности влияют на процесс развития неодинаково [2, С. 24]. Опосредованность учебно-познавательной деятельности практически исключает обогащение собственного опыта коллективным опытом совместной непосредственной деятельности, но представляет возможность формирования навыков опосредованного взаимодействия субъектов образовательной деятельности. Следует подчеркнуть, что при зеркальном переносе учебного процесса из режима непосредственного взаимодействия (face-to-face) в опосредованный (в том числе on-line) без учета специфики его протекания в разы снижается развивающий эффект взаимодействия педагога и обучающегося.

Проблемам мотивации, в том числе учебной мотивации посвящено множество научных исследований (В.Г. Асеева, К. Альдерфер, А. Бандуры, Б. Вайнера, А.А. Вербицкого, В.К. Вилюнас, А.И. Гебос, О.С. Гребенюка, Э. Дерси, В.Н. Дружинина, Б.В. Зейарника, И.А. Зимней, Е.П. Ильина, Т.И. Ильиной, В.И. Ковалева, Т.А. Кононовой, В.Н. Кругловой, А.Н. Леонтьева, Т.И. Лях, Д. Макклеланда, А.С. Макуриной, А.К. Марковой, А. Маслоу, Р.С. Немова, Е.Ю. Патяевой, Р. Райана, А.А. Реана, М. Селигмана, Б.Ф. Скиннера, Р Стернберга, Н.Ф. Талызиной, Е.В. Шороховой, П.М. Якобсона, В.А. Якуниной и др.), но вопросы мотивации обучающихся в системе цифровой среды, в том числе он-лайн, активно стали исследоваться в постпандемический период, соответственно научная база по данному направлению находится на этапе формирования.

Р. Стернберг в своих работах отмечает, что уровень мотивации является лучшим предиктором успеха, чем интеллект [3, С. 251-252]. Без мотивации, имеющейся у личности багаж способностей и компетенций не обеспечат ей активное их использование в своей жизни. Мотивация объясняет направленность и уровень усилий человека в осуществлении какой-либо деятельности по достижению значимой для него цели, в том числе учебной.

В нашем понимании мотивация учебной деятельности представляет собой многогранную динамическую систему с множеством взаимосвязанных и взаимовлияющих внутренних и внешних факторов, комбинация которых создает уникальную мотивационную сферу личности, обуславливающую ее активность и вовлеченность в образовательный процесс.

Побудителем учебной деятельности является система мотивов, органично включающая в себя: познавательные потребности, цели, интересы, стремления, ценностные установки, которые придают ей активный и направленный характер и определяют её

содержательно-смысловые особенности [4].

Выделяются два основных типа таких побудителей учебной деятельности – внутренние и внешние (Э. Диси, М. Леппер, А.К. Маркова, Р. Райан, Х. Хекхаузен, В.И. Чирков). Источником внутренних побудителей является сам обучающийся, а источником внешних – стремление достижения ради вознаграждения или избегания наказания.

А.К. Маркова выделяет две группы мотивов учебной деятельности: познавательные и социальные [5]. К первой группе относятся мотивы учебно-познавательной деятельности, которые (Т.О. Гордее, Э. Деси, А.К. Маркова, Р. Райан, Де Чармс, и др.) основываются на потребностях в компетентности, познании, стремлении достижения, саморазвитии, относящиеся к внутренним мотивам.

К социальным мотивам, по своей сути внешним, относятся мотивы, определяющие содержание и характер взаимодействия участников образовательного процесса: долг, ответственность, лидерство, признание, потребность в уважении, общение, причастность к общему делу, принадлежность к коллективу, одобрение, автономия и пр.

Т.О. Гордеева [6, С. 8] в своих исследованиях обобщила и проанализировала множество подходов к мотивации достижения: вера в свои способности выполнить данную работу, или самоэффективность (А. Бандура [7]); локус контроля (Дж. Роттер [8]) и каузальные атрибуции (Б. Вайнер [9]); стиль объяснения успехов и неудач (М. Селигман [10]); тип представлений о способностях (К. Двек [11]); а также воспринимаемый контроль (Э. Скиннер [12]), ориентация на себя или на задачу (Д. Николлс [12]) и др. и рассматривает данный вид мотивации как одну из сил побуждающую субъект к активной деятельности по достижению лучшего результата [14]. Несмотря на разность подходов и конструктов мотивации достижения, представленных теорий определяющая роль в уровне и стремлении достигать отводится авторами не столько интеллектуальным способностям, сколько стремлению достигать лучшего результата (успеха).

Материалы и методы исследования

В 2024 году проведено исследование мотивационной сферы обучающихся по профессиональным образовательным программам реализуемым в цифровой образовательной среде.

В исследовании приняли участие обучающиеся (126 человек) двух возрастных групп: 19-20 лет и 30 лет и старше.

В рамках исследования применялись различные методики диагностики мотивации: методика диагностики учебной мотивации Н.В. Елфимовой (адаптированная в соответствии с возрастными группами обучающихся и типом обучения), методика диагностики внутренней и внешней учебной мотивации «Шкала академической мотивации» (Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина), методика диагностики мотивации достижения успеха и избегания неудач А.А. Реан.

Результаты исследования и обсуждение результатов

На основе анализа опыта реализации учебно-познавательного процесса в цифровой образовательной среде учреждений высшего образования, анкетирования и самообследования обучающихся и педагогических работников нами определен ряд психолого-педагогические детерминанты эффективной организации обучения в

цифровой образовательной среде.

Анализ результатов диагностики учебной мотивации по модифицированной методике Н.В. Елфимовой показал, что учебно-познавательные и социальные группы мотивов имеют различное значение для исследуемых возрастных групп, так в группе 19-20 лет (у 59% опрошенных) социальные (внешние) мотивы преобладают над учебно-познавательными и наоборот, (у 72 % опрошенных) в группе 30 лет и старше преобладают познавательные (внутренние) мотивы над социальными мотивами.

Применительно к системе обучения в цифровой образовательной среде многие социальные мотивы, например, стремление к лидерству, завоевание авторитета, признание, принадлежность к коллективу, причастность к общему делу и др. теряют свой привычный формат, а иногда и смысл ввиду отсутствия совместной деятельности и непосредственного общения в учебном коллективе при обучении без непосредственного взаимодействия с группой и преподавателем, когда все содержание овладевается обучающимся самостоятельно в дистанционном формате, тем не менее, в рамках обратной связи признание успехов и достижений обучающегося при личном и групповом взаимодействии с преподавателем необходимо для поддержания потребности в самоуважение (данная потребность как было определено в последующем исследовании имеет большое значение для обеих возрастных групп респондентов), хотя и обладает кратковременным эффектом и требует регулярного подкрепления.

На основе опроса по методике А.А. Реан «Мотивация достижения успеха и избегания неудач» установлено, что обучающиеся в возрастной группе 19-20 лет в большем количестве случаев – 61% в рамках обучения в цифровой среде ориентированы на избегание неудач, 39% на достижение успеха; в возрастной группе 30 лет и старше 76% имеют мотивацию успеха, 24% – избегания неудач.

Последующий опрос позволил установить, что обучающиеся возрастной группы 30 лет и старше нацелены на получение компетенций для личностного и профессионального роста, а обучающиеся 19-20 лет, отмечают необходимость соблюдения формальных минимальных требований с целью избегания негативных последствий невыполнения требований, такая мотивация обусловлена (с точки зрения обучающихся) отсутствием непосредственного контроля со стороны преподавателя и отсутствием необходимости соблюдения социальных норм поведения, которые бы вызвали неодобрение со стороны преподавателя и группы.

Анализ результатов диагностики мотивации по методике Н.В. Елфимовой и А.А. Реан наталкивает на гипотезу о взаимосвязи типов мотивов: обучающиеся имеющие познавательные (внутренние) мотивы имеют мотивацию нацеленности на успех, а у обучающихся с преобладающими социальными (внешними) мотивами более выражены мотивы избегания неудач. Представленная гипотеза будет исследоваться нами в дальнейшем с использованием методов корреляционного анализа для установления статистических связей между группами данных.

По методике «Шкала академической мотивации» (Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина) определены ведущие типы учебной мотивации для исследуемых возрастных групп. Так, для обучающихся 19-20 лет наиболее выраженной является группа экстернальных мотивов (65% респондентов), следующими по выраженности является мотивация самоуважения (59 % респондентов) и познавательная мотивация (41 % респондентов), мотивация достижения (47 % респондентов) и мотивация саморазвития (31 % респондентов). В группе 30 лет и старше – на первом месте по выраженности

стоит группа мотивов саморазвития (79 % респондентов); на втором месте познавательные мотивы (75 % респондентов), далее мотивы достижения (55% респондентов) остальные типы мотивов не являются ярко выраженными. Диагностика учебной мотивации по методике «Шкала академической мотивации» подтверждает сделанный ранее вывод о приоритете познавательных мотивов (внутренних) у более взрослой аудитории обучающихся и социальных (внешних) мотивов у обучающихся возрастной группы 19-20 лет.

Полученные результаты исследования мотивационной сферы обучающихся в цифровой образовательной среде позволили сделать вывод о различиях в учебной мотивации у обучающихся, представленных возрастных групп. Для обучающихся 19-20 лет в приоритете находятся внешние мотивы (социальные, экстернальные, избегание неудач), для группы 30 лет и старше приоритетны внутренние мотивы учебной деятельности (саморазвитие, познание, достижение успеха), что следует учитывать при проектировании педагогического процесса и организации взаимодействия с обучающимися.

Следует также отметить, что по результатам опроса преподавателей и обучающихся в цифровой образовательной среде такие контролирующие средства как кликеры, переклички в течение учебного занятия не дают положительного результата, скорее негативно настраивают обучающихся, отвлекая от образовательного процесса.

Выводы, заключительные положения

По результатам исследования получены следующие результаты:

1. Уточнено понятие «цифровая образовательная среда» как специально созданные условия посредством языков программирования, компьютерной техники, информационных цифровых сетей, каналов, контента для опосредованного взаимодействия участников образовательного процесса с целью их профессионально-личностного развития и саморазвития.
2. Выявлен ряд специфических характеристик цифровой образовательной среды: трансграничность, гипертекстность, индивидуализация, мультиинструментальность, опосредованность взаимодействия.
3. Определены ведущие мотивы учебной деятельности в цифровой образовательной среде обучающихся различных возрастных категорий. В группе 19-20 лет ведущими мотивами учебной деятельности являются внешние мотивы (социальные, экстернальные), в группе обучающихся 30 лет и старше – внутренние (саморазвитие, познание). При этом большинство обучающихся в группе 19-20 лет нацелены на избегание неудач, в группе 30 лет и старше на достижение успеха.
4. Применительно к системе обучения в цифровой образовательной среде многие социальные мотивы (стремление к лидерству, завоевание авторитета, признание, принадлежность к коллективу, причастность к общему делу и др.) теряют свой привычный формат, а иногда и смысл ввиду отсутствия совместной деятельности, тем не менее, представленные мотивы, согласно результатам диагностики являются значимыми для обучающихся возрастной группы 19-20 лет.
5. Сформулированы направления совершенствования педагогического процесса в цифровой образовательной среде с учетом, выявленных мотивов учебной деятельности.

При проектировании образовательного процесса в цифровой образовательной среде следует учитывать полученные в ходе исследования результаты и делать акцент для

группы 19-20 лет на:

- обеспечении динамичности образовательного процесса при осуществлении занятий лекционного типа в он-лайн формате. Анализ опыта проведения занятий в дистанционном формате показал, что уровень вовлеченности обучающихся в учебно-познавательный процесс имеет нестабильный, динамический характер, согласно результатам опроса обучающихся, этому способствует ряд факторов: расслабляющая домашняя обстановка с множеством отвлекающих факторов, отсутствие внешнего контроля и необходимости соблюдения социальных рамок поведения. М.Г. Тарасян, Г.В. Васильева отмечают: «входя в учебный кабинет, студенты подсознательно настраиваются на учебную деятельность. Они попадают в привычную еще со школы учебную среду, где сама обстановка помогает им сосредоточиться на учебном процессе. Домашняя же среда, напротив, содержит множество отвлекающих факторов, и нужно иметь сильную внутреннюю мотивацию и достаточно развитые волевые процессы, чтобы эффективно включаться в учебную деятельность» [\[15, С. 289\]](#).

Соответственно необходимо включать обучающихся в лекционный процесс: участие в он-лайн опросах с использованием интерактивных сервисов с графическим представлением и последующем обсуждением его результатов, обсуждение проблемных вопросов и ситуаций;

- практико-ориентированном содержании, обеспечивающим формирование представления о реализации теоретических положений на практике;
- включении обучающихся в совместную деятельность с использованием специализированных проектных площадок, веб-комнат и пр.;
- обратной связи: ответы здесь и сейчас, при оценке совместной деятельности делать акцент на личном вкладе обучающегося в достижении общей цели, обозначении положительных результатов и перспектив ближайшего развития;
- создании возможности выбора видов деятельности, способов и темпа решения задач.

Для обучающихся 30 лет и старше следует:

- обозначать линии ближайшего развития и практического применения в профессиональной деятельности получаемых компетенций;
- обращаться к личному опыту обучающихся;
- разрабатывать задания по реализации приобретенных знаний в практической деятельности, либо на основе реальной практики (кейс-технологии);
- ставить сложные, но решаемые задачи, что обеспечит удовлетворение потребности в самоэффективности;
- обеспечивать своевременную обратную связь;
- обеспечить выбор темпа и видов заданий из имеющегося перечня;

Таким образом, комбинация внутренних и внешних факторов формирует уникальную мотивацию и стремление к достижению целей у каждого обучающегося. Понимание этих факторов можно использовать для повышения личной эффективности и достижения планируемых результатов образовательной деятельности.

Библиография

1. Гриненко, А. Д. Особенности мотивации учебной деятельности и стрессоустойчивости студентов дистанционной формы обучения / А. Д. Гриненко // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2024. № 16-2. С. 33-38.
2. Леонтьев, А. Л. Деятельность. Сознание. Личность. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1997.
3. Sternberg R. J. Successful Intelligence. Simon & Schuster, 1996.
4. Литвинова, Т. В. Особенности мотивации учебной деятельности студентов государственных и негосударственных вузов / Т. В. Литвинова, И. М. Басина // Вестник Екатерининского института. 2013. № 1(21). С. 55-58.
5. Маркова А. К. Формирование мотивации учения / А. К. Маркова, Т. А. Матис, А. Б. Орлов. – М.: Просвещение, 1990.
6. Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения. – М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2006.
7. Bandura A. Self-efficacy. The exercise of control. New York: Freeman and Co, 1997.
8. Rotter, J.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. Psychological Monographs, 1996.
9. Weiner B. Theories of motivation. From mechanism to cognition. Chicago: Markham, 1972.
10. Seligman M.E.P. Helplessness: On depression, development, and death. San Francisco: Freeman, 1975.
11. Dweck C.S. Motivational Processes Affecting Learning // American Psychologist. 1986. № 41(10). Pp. 1040-1048.
12. Skinner EA. Perceived control, motivation, and coping. International Educational and Professional Publisher. Sage Publications. Thousand Oaks, London, New Delhi, 1996.
13. Nicholls J.G. Achievement motivation: Conceptions of ability, subjective experience, task choice, and performance // Psychological Review. 1984. № 91. Pp. 328-346.
14. Гордеева Т. О. Мотивация: новые подходы, диагностика, практические рекомендации // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 38-53.
15. Тарасян, М. Г. Мотивация учебной деятельности студентов в условиях дистанционного обучения / М. Г. Тарасян, Г. В. Васильева // Исследование и развитие рельсового и автомобильного транспорта: Сборник трудов Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 2024. С. 289-294.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является мотивация учебно-познавательной деятельности в цифровой образовательной среде обучающихся различных возрастных групп.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, методы «анкетирования и самообследования обучающихся и педагогических работников, а также следующие методики: «методика диагностики учебной мотивации Н.В. Елфимовой (адаптированная в соответствии с возрастными группами обучающихся и типом обучения), методика диагностики внутренней и внешней учебной мотивации Т.О. Гордеевой, методика диагностики мотивации успеха и избегания неудач А.А.

Реан».

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в социальные трансформации затронули практически все сферы жизни общества, а цифровизация становится лидером в реализации деятельности и функционирования социальных институтов. Образование в условиях активных темпов развития информационных технологий также затронул процесс цифровизации, появились так называемые «цифровое образование» и «цифровая образовательная среда», которое, безусловно, имеют свои достоинства и недостатки, но их главным плюсом становится широта охвата обучающихся и доступность различным возрастным группам. В этом контексте исследование мотивации учебно-познавательной деятельности в цифровой образовательной среде обучающихся различных возрастных групп представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна исследования заключается в изучении по авторской методике «мотивационной сферы обучающихся по профессиональным образовательным реализуемым в цифровой образовательной среде. В исследовании приняли участие обучающиеся (126 человек) двух возрастных групп: 19-20 лет и 30 лет и старше».

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме, использованием терминологии, характеризующей предмет исследования, а также описанием полученных результатов.

Структура статьи, к сожалению, не выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования можно условно выделить вводную часть, основную часть, заключительную часть и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность имеет выявленная в ходе исследования тенденция, отражающая, что «применительно к системе обучения в цифровой образовательной среде многие социальные мотивы, например, стремление к лидерству, завоевание авторитета, признание, принадлежность к коллективу, причастность к общему делу и др. теряют свой привычный формат, а иногда и смысл ввиду отсутствия совместной деятельности и непосредственного общения в учебном коллективе при обучении без непосредственного взаимодействия с группой и преподавателем, когда все содержание овладевается обучающимся самостоятельно в дистанционном формате, тем не менее, в рамках обратной связи признание успехов и достижений обучающегося при личном и групповом взаимодействии с преподавателем необходимо для поддержания потребности в самоуважение, хотя и обладает кратковременным эффектом и требует регулярного подкрепления».

Библиография содержит 6 источников, включающих в себя 5 отечественные периодических и непериодических изданий и один зарубежный источник.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих различные подходы к рассмотрению вопросов мотивации учебно-познавательной деятельности и ее особенностей в условиях цифровой образовательной среды. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании отдельно выводы, касающиеся предметной области исследования, не представлены и не выделены. В конце текста статьи отмечается, что «комбинация внутренних и внешних факторов формирует уникальную мотивацию и стремление к достижению целей у каждого обучающегося. Понимание этих факторов можно использовать для повышения личной эффективности и достижения желаемых результатов образовательной деятельности».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории,

они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководителями, администрацией образовательных организаций, методистами, специалистами, занимающимися разработкой и внедрением дистанционных образовательных технологий, психологами, социологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что особое внимание целесообразно было бы уделить структуре научной статьи и отдельным ее элементам, в частности, представить и выделить отдельными заголовками введение; обзор литературы; материалы и методы исследования; представить результаты исследования и обсуждение результатов, обозначить их как самостоятельные элементы исследования; обязательно сформулировать выводы и обобщающее заключение по проведенному исследованию. Результаты исследования целесообразно было бы для большей наглядности представить с использованием рисунков и таблиц. Кроме того, в тексте статьи есть такие упоминания, как «(данная потребность как было определено в последующем исследовании имеет большое значение для обеих возрастных групп респондентов)», «Данная гипотеза будет исследоваться нами в дальнейшем с использованием методов корреляционного анализа...», «Данная методика подтверждает сделанный ранее вывод о приоритете познавательных мотивов (внутренних) у более взрослой аудитории обучающихся...» и т.п., что создает впечатление неопределенности того, какие именно исследования имеются ввиду, а это отвлекает от содержания представленного исследования. При подготовке рукописи, в качестве рекомендации, возможно, стоило бы использовать больше периодических источников, в том числе зарубежных. В библиографии данной статьи представлены только два периодических источника с годами издания 2013 и 2016 соответственно. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устраниТЬ, доработать текст статьи, в плане его структуры, а саму рукопись рекомендуется вернуть на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Мотивация учебно-познавательной деятельности в цифровой образовательной среде обучающихся различных возрастных групп». Работа содержит постановку проблемы, проведение теоретического обзора и представление результатов эмпирического исследования.

Предмет исследования. В центре внимания автора находится определение структуры и специфики мотивации учебной деятельности в цифровой образовательной среде обучающихся по программам профессионального образования. Автором определена сущность феномена «цифровая образовательная среда», «цифровые технологии», «мотивация учебно-познавательной деятельности». Особое внимание уделено исследованию мотивационной сферы обучающихся по профессиональным образовательным программам.

Методология исследования. В исследовании были использованы следующие методики: диагностики мотивации: методика диагностики учебной мотивации Н.В. Елфимовой (адаптированная в соответствии с возрастными группами обучающихся и типом обучения), методика диагностики внутренней и внешней учебной мотивации «Шкала академической мотивации» (Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина), методика диагностики мотивации достижения успеха и избегания неудач А.А. Реан.

Автором рассмотрены подходы автором, которые рассматривают цифровую среду («интерактивная компьютерная среда», «кибер пространство», «искусственная реальность», «виртуальная реальность» и др. (Ф. Брукс, А.Е. Войскунский, А.Г. Волов, У.О. Гибсон, Т.А. Кирик, М. Крюгер, Г.Я. Меньшикова, Л.Е. Моторина, Ю.А. Шрейдер) «виртуальная образовательная среда», «дистанционная образовательная среда» «информационная образовательная среда» и др. (М.В. Булгаков, Ж.Н. Зайцева, И.Г. Захарова, О.А. Ильченко, А.Е. Пушкин, В.И. Солдаткин, С.С. Фомин), а также проблемы мотивации ((В.Г. Асеева, К. Альдерфер, А. Бандуры, Б. Вайнера, А.А. Вербицкого, В.К. Вилюнас, А.И. Гебос, О.С. Гребенюка, Э. Дерси, В.Н. Дружинина, Б.В. Зейарника, И.А. Зимней, Е.П. Ильина, Т.И. Ильиной, В.И. Ковалева, Т.А. Кононовой, В.Н. Кругловой, А.Н. Леонтьева, Т.И. Лях, Д. Макклеланда, А.С. Макуриной, А.К. Марковой, А. Маслоу, Р.С. Немова, Е.Ю. Патяевой, Р. Райана, А.А. Реана, М. Селигмана, Б.Ф. Скиннера, Р. Стернберга, Н.Ф. Талызиной, Е.В. Шороховой, П.М. Якобсона, В.А. Якуниной и др.).

Актуальность исследования. Актуальность исследования опосредована тем, что мотивация учебной деятельности задает вектор педагогического процесса и является механизмом запускающим, направляющим и поддерживающим действия, с помощью которых осуществляется учебная деятельность.

Научная новизна исследования заключается в следующем: уточнено понятие «цифровая образовательная среда»; выявлен ряд специфических характеристик цифровой образовательной среды; определены ведущие мотивы учебной деятельности в цифровой образовательной среде обучающихся различных возрастных категорий; сформулированы направления совершенствования педагогического процесса в цифровой образовательной среде с учетом, выявленных мотивов учебной деятельности. Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы четко прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе представлена. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для того, чтобы раскрыть предмет исследования. В исследовании были рассмотрены следующие позиции: дан краткий теоретический анализ, описаны результаты проведенного эмпирического исследования и сделаны аргументированные выводы.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 15 отечественных и зарубежных источников, издания за последние три года практически отсутствуют. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также монографии и учебно-методические издания. Источники оформлены, в основном, корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- более подробно описать результаты эмпирического исследования и их анализ;
- предложить рекомендации по результатам проведенного исследования;
- отформатировать текст статьи, используя единый шрифт и размер.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами формирования мотивации учебно-познавательной деятельности различных возрастных групп. Затронутая проблема была рассмотрена через призму использования цифровой образовательной среды. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Англоязычные метаданные

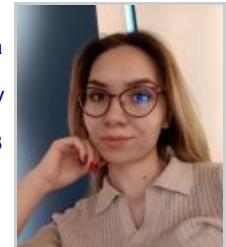
The connection of life satisfaction with the image of the future in overcoming a difficult life situation

Bratash Ruf Ivanovna

Graduate student; Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University

634050, Russia, Tomsk region, Tomsk, Moskovsky Trakt str., 8

✉ rufina.barhatova12@gmail.com

Emelyanenko Bogdan Olegovich

Graduate student; Department of General and Pedagogical Psychology, National Research Tomsk State University

634050, Russia, Tomsk region, Tomsk, Moskovsky Trakt str., 8

✉ bogdan_eme@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a study of the relationship between life satisfaction and the image of the future for people living in a difficult life situation. A qualitative analysis of the respondents' answers to open-ended questions allowed us to identify three groups depending on the experience of encountering a difficult life situation. In addition, the following questionnaires were used: Satisfaction With Life Scale of E. Diener in the adaptation of E.N. Osin and D.A. Leontiev; the Life Orientation Test of C. Carver and M. Scheier in the adaptation of T.O. Gordeeva, O.A. Sychev, E.N. Osin; the questionnaire «Professional time perspective of the future» H. Zacher and M. Frese in the adaptation of T.Y. Bazarov, A.V. Paramuzov; the questionnaire «Aspirations Index» by E.L. Deci and R.M. Ryan in the adaptation by T.D. Vasilenko, Y.A. Kotelnikova, A.V. Selina. It was revealed that respondents who are in a difficult life situation have significantly lower life satisfaction rates and a more pessimistic vision of the future. But regression analysis showed that for these participants, various aspects of the image of the future, namely generalized positive expectations of the future, focusing on opportunities in a professional environment, orientation towards building close relationships, act as resources of life satisfaction. In the group where respondents had overcome life difficulties in the recent past and in the group in which participants reported no recent experience of encountering difficult situations, the characteristics of the image of the future turned out to be unrelated to life satisfaction. The scientific novelty of the study lies in obtaining more detailed data on the contribution of the image of the future to life satisfaction in overcoming a difficult life situation.

Keywords: coping, psychological well-being, focusing on opportunities, pessimism, optimism, future time perspective, image of the future, psychological resources, life satisfaction, difficult life situation

References (transliterated)

1. Martsinkovskaya T.D., Poleva N.S. Pokoleniya epokhi tranzitivnosti: tsennosti, identichnost', obshchenie // Mir psichologii. 2017. № 1(89). S. 24-37. EDN: YZICSH.
2. Khoroshilov D.A. Ontologicheskaya, sotsial'naya i psikhologicheskaya prekarnost': puti vzaimodeistviya v tranzitivnom obshchestve // Novye psikhologicheskie issledovaniya.

2021. T.1. № 2. S. 64-83. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_04.
3. Martsinkovskaya T.D., Orestova V.R. Esteticheskaya paradigma v tranzitivnom mire // Artikul't. 2017. № 3(27). S. 134-143. DOI: 10.28995/2227-6165-2017-3-134-143.
 4. Orestova V.R., Tkachenko D.P., Manchkhashvili M.A. Irratsional'nost' myshleniya kak sposob sovladaniya s neopredelennost'yu sovremennoogo mira // Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie. 2021. № 4. S. 50-64. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-50-64.
 5. Bartsalkina V.V., Volkova L.V., Kulagina I.Yu. Osobennosti tsennostno-smyslovoi sfery pri perezhivanii trudnoi zhiznennoi situatsii v zrelosti // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2019. T. 27. № 2. S. 69-81. DOI: 10.17759/cpp.2019270205.
 6. Morozova N.N., Nikishov S.N., Osipova I.S., Balyaev S.I. Osobennosti psikhologicheskoi adaptatsii podrostkov k trudnym zhiznennym situatsiyam // Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya. 2022. T. 22. № 4. S. 459-476. DOI: 10.15507/2078-9823.060.022.202204.459-476.
 7. Kaiipbekova I.U., Gagai V.V. Zhiznestoikost' kak osnovanie preodoleniya trudnykh zhiznennykh situatsii podrostkami iz semei // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. 2021. T. 9. № 2. EDN: ZHYZQX.
 8. Nartova-Bochaver S.K., Bardadymov V.A., Erofeeva V.G., Khachaturova M.R., Khachatryan N.G. Trudnye zhiznennye situatsii obuchayushchiesya molodezhi // Voprosy obrazovaniya. 2024. № 2. S. 170-202. DOI: 10.17323/vo-2024-17187.
 9. Gaevskaya L.G. Smysloobrazovanie v protsesse adaptatsii k trudnoi zhiznennoi situatsii // 2022. T. 13. № 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(4).10.
 10. Cherkevich E.A. Smyslozhiznennye orientatsii i refleksivnost' zhenshchin zreloga vozrasta v trudnoi zhiznennoi situatsii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya. 2022. T. 8(74). № 1. S. 140-152. EDN: HWSCXK.
 11. Tsiring D.A., Pakhomova Ya.N. Sovladayushchee povedenie zhenshchin s onkologicheskimi zabolevaniyami (na primere patsientov s rakom molochnoi zhelez) // Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. 2020. № 78. S. 130-144. DOI: 10.17223/17267080/78/8.
 12. Kosheleva Yu.P. Vozmozhnosti skazkoterapii v rabote konsul'tanta s trudnymi zhiznennymi situatsiyami // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2021. № 1(838). S. 202-219. DOI: 10.52070/2500-3488_2021_1_838_202.
 13. Leonova E.N. Zhiznestoikost' i kognitivnaya otsenka trudnoi zhiznennoi situatsii kak prediktory sposobov sovladaniya // Chelovecheskii kapital. 2021. № 4(148). S. 90-103. DOI: 10.25629/HC.2021.04.08.
 14. Osin E.N., Leont'ev D.A. Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub"ektivnogo blagopoluchiya: psikhometricheskie kharakteristiki i sravnitel'nyi analiz // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2020. № 1. S. 117-142. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.06.
 15. Shchukina M.A., Shirman L.A. Psikhologicheskie prediktory udovletvorennosti zhizn'yu lyudei starshego vozrasta (na primere klientov blagotvoritel'nogo fonda) // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2022. № 1(45). C. 15-29. DOI: 10.11621/npj.2022.0102.
 16. Popova T.A., Zatonskii V.A. Sub"ektivnoe blagopoluchie, perezhivanie povsednevnogo stressa i coping-povedenie v rannei vzroslosti // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskie i

- pedagogicheskie nauki. 2022. № 1. S. 106-117. DOI: 10.24412/2308-717X-2022-1-106-117.
17. Dermanova I.B., Aleksandrova O.V., Tkachenko A.E., Kushnareva I.V. Ratsional'nye i irratsional'nye komponenty otsenki trudnoi zhiznennoi situatsii vzroslymi (na primere rodstvennikov detei, bol'nykh tyazhelymi i ugrozhayushchimi zhizni zabolevaniyami) // Pediatr. 2017. T. 8. № 6. S. 118-124. DOI: 10.17816/PED86118-124.
 18. Bityutskaya E.V. Struktura i dinamika obraza trudnoi zhiznennoi situatsii // Voprosy psikhologii. 2020. T. 66. № 3. S. 116-131. EDN: OVORME.
 19. Kazantseva O.A., Gur'yanova T.A. Rol' sotsial'noi podderzhki i proizvol'noi reguliatsii v psikhologicheskem blagopoluchii podrostkov, nakhodyashchikhsya v trudnoi zhiznennoi situatsii // Rossiiskii sotsial'no-gumanitarnyi zhurnal. 2023. № 3. DOI: 10.18384/2224-0209-2023-2-1321.
 20. Laktionova E.B., Matyushina M.G. Vzaimosvyaz' sub"ektivnogo blagopoluchiya i strategii povedeniya v slozhnykh zhiznennykh situatsiyakh // Psikhologicheskoe soprovozhdenie bezopasnosti obrazovatel'noi sredy shkoly v usloviyakh vnedreniya novykh obrazovatel'nykh i professional'nykh standartov: sbornik nauchnykh statei po materialam konferentsii. Moskva, Moskovskii gorodskoi psikhologo-pedagogicheskii universitet, 2015. S. 52-56.
 21. Leont'ev D.A. Lichnostnyi potentsial: optika psikhologii // Obrazovatel'naya politika. 2023. № 2(94). S. 20-31. DOI: 10.22394/2078-838X-2023-2-20-31.
 22. Elizarov S.G. Osobennosti obraza budushchego u podrostkov, okazavshikhsya v trudnoi zhiznennoi situatsii (genderskiy aspekt) // Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 4(60). S. 634-640. EDN: HPRXHV.
 23. Mart'yanova G.Yu. Issledovanie svyazi vremennoi perspektivy i samoregulyatsii v trudnoi zhiznennoi situatsii // Psikholog. 2020. № 1. S. 34-43. DOI: 10.25136/2409-8701.2020.1.32180 URL: https://e-notabene.ru/psp/article_32180.html
 24. Shilova N.P., Brudanov P.P. Izmenenie predstavlenii ob obraze budushchego v yunosheskem vozraste // Psikholog. 2020. № 4. S. 45-59. DOI: 10.25136/2409-8701.2020.4.32736 URL: https://e-notabene.ru/psp/article_32736.html
 25. Abitov I.R., Ergunova N.G., Gorodetskaya I.M. Optimizm kak resurs preodoleniya trudnoi zhiznennoi situatsii v rannei i srednei vzroslosti // Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii. 2019. № 2. S. 15-22. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2019-2-1.
 26. Sulim O.S. Sobytiinaya vremennaya perspektiva budushchego kak adaptatsionnyi resurs v usloviyakh global'nykh krizisov. Psikhologicheskie issledovaniya. 2024. T. 17. № 93. DOI: 10.54359/ps.v17i93.1515.
 27. Vechkanova E.M. Spetsifika vremennoi perspektivy lichnosti pri razlichnykh urovnyakh perezhivaniya krizisa identichnosti // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 4-2(60). S. 117-122. EDN: TELMQR.
 28. Rozinkina S.A., Obraz budushchego u sotsial'noi dezadaptirovannykh podrostkov v usloviyakh sotsial'no-reabilitatsionnogo tsentra // Otechestvennyi zhurnal sotsial'noi raboty. 2023. № 1(92). S. 144-148. EDN: SCBMPX.
 29. Trofimova E.L., Geranyushkina G.P., Malakhaeva S.K. Osobennosti vremennoi perspektivy podrostkov s ogranicennymi vozmozhnostyami zdrorov'ya // Baikal Research Journal. 2019. T. 10. № 4. S. 6. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(4).6.
 30. Kol'chik E.Yu. Osobennosti coping-strategii lits, nakhodyashchikhsya v trudnoi zhiznennoi situatsii, s razlichnym vospriyatiem vremennoi perspektivy // Vestnik

- Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. T. 24. № 6(94). S. 778-784. DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-6-778-784.
31. Petrovsky V.A., Shmelev I.M. Personology of Difficult Life Situations: At the Intersection of Three Cultures // Psychology. Journal of Higher School of Economics. 2019. Vol. 16. № 3. P. 408-433. DOI: 10.17323/1813-8918-2019-3-408-433.
 32. Aleksandrova O.V., Dermanova I.B. Semantichestkii differentsiyal zhiznennoi situatsii // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2018. T. 26, № 3(101). S. 127-145. DOI: 10.17759/cpp.2018260307.
 33. Kelli G. A theory of personality: The psychology of personal constructs. New York, W.W. Norton, 1963. 190 p.
 34. Bityutskaya E.V., Korneev A.A. Diagnostika vospriyatiya zhiznennykh trudnostei: situatsionnyi oprosnik "Tipy orientatsii v trudnoi situatsii" // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2020. № 4. S. 141-163. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-4-1047.
 35. Gordeeva T.O., Sychev O.A., Osin E.N. Razrabotka russkoyazychnoi versii Testa dispozitsionnogo optimizma (LOT) // Psikhologicheskaya diagnostika. 2010. № 2. S. 36-64. EDN: SUFGP.
 36. Bazarov T.Yu., Paramuzov A.V. Psikhometricheskii analiz russkoyazychnoi versii oprosnika Kh. Tsakhera i M. Freze "Professional'naya vremennaya perspektiva budushchego" // Organizatsionnaya psikhologiya. 2019. T. 9. № 1. S. 57-80. EDN: FCIVMY.
 37. Kotel'nikova Yu.A. Zhiznennye stremleniya kak lichnostnyi konstrukt. Metodika diagnostiki [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.b17.ru/article/14186/> (data obrashcheniya: 22.10.2024).
 38. Gordeeva T.O., Sychev O.A., Egorov V.A. Diagnostika zhiznennykh tselei: Kratkaya versiya oprosnika «Indeks stremlenii» // Psikhologicheskii zhurnal. 2023. T.44. № 4. S. 49-62. DOI: 10.31857/S020595920027085-9.
 39. Gordeeva T., Sheldon K., Sychev O. Linking academic performance to optimistic attributional style: attributions following positive events matter most // European Journal of Psychology of Education. 2020. Vol. 35. P. 21-48. DOI: 10.1007/s10212-019-00414-y.
 40. Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. New York City, The Guilford Press, 2017. 756 p.
 41. Petrova V.N., Galazhinskii E.V., Blokhina E.V. Vremennye ustavki i udovletvorennost' zhizn'yu u studentov vuzov v smeshannoj obrazovatel'noi srede // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya. 2023. № 82. S. 187-193. DOI: 10.17223/19988613/82/23.
 42. Trusova A.D., Faustova A.G. Vliyanie geneza psikhologicheskoi travmy na proyavleniya posttravmaticheskogo rosta: teoreticheskii obzor // Lichnost' v menyayushchemsy mire: zdrorv'e, adaptatsiya, razvitiye. 2021. T. 9. № 4(35). S. 355-365. DOI: 10.23888/humJ20214355-365.
 43. Bityutskaya E.V., Korneev A.A. Diagnostika sub"ektivnogo otsenivaniya trudnykh zhiznennykh zadach // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psichologiya. 2023. № 1. S. 247-279. DOI: 10.11621/vsp.2023.01.11

Identity and value orientations of student youth in various ethnocultural groups

Pavlova Kseniya Nikolaevna

Senior lecturer; Department of Theoretical and Applied Psychology, Zabaikalsky State University

129 Babushkina str., Chita, Zabaikalsky Krai, 672000, Russia, room 508

 p.kseniya13@mail.ru

Dagbaeva Soelma Batomunkuevna

Doctor of Psychology

Head of the Department; Department of Theoretical and Applied Psychology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Zabaikalsky State University'

129 Babushkina str., room 508, Chita, Zabaikalsky region, 672000, Russia

 soela@bk.ru

Abstract. The article presents a brief theoretical analysis of the concepts of "identity" and "value orientations", and provides the results of an empirical study on the problem of identity and value orientations of student youth. The purpose of the article is to present the results of a study of the relationship between the components of identity and value orientations of student youth in the context of cross-cultural analysis. The components of identity and value orientations in samples of Russian and Buryat respondents were studied. Correlations between identity and value orientations have been identified. Participants. 100 Russian and 100 Buryat university students. 200 persons in total. Methods (tools): S. Schwartz's value questionnaire, identity questionnaire in 16 categories (M.S. Yanitsky et al., 2018), mathematical and statistical processing using Spearman's rank correlation coefficient rs. The results of the study showed that there are similarities and differences in the correlations of the structure of value orientations of the subjects of the represented ethnocultural groups at two levels (normative ideals and individual priorities). The results obtained showed that the identity and value orientations of students in each group have their own characteristics. But no unique national characteristics were found among representatives of Russian and Buryat youth. Correlation analysis revealed that the hierarchy of values of students from both cultures contains values such as conformity, kindness, stimulation, independence, hedonism, and achievement. Negative correlations were identified between the identity components "Citizen of one's country", "Follower of one's religion", "Resident of a given city" with the value orientations "Kindness", "Stimulation", "Traditions", "Independence", "Safety", "Power", "Achievements".

Keywords: similarities and differences, Buryats, Russians, student youth, values, value orientations, correlation constellations, identity, ethnocultural groups, culture

References (transliterated)

1. Antonov V. I., Ochirova O. A., Petrova A. A. Osobennosti natsional'noi identichnosti rossiiskikh etnosov: urovni i faktory (na primere sovremennoykh buryat) // Vestnik Kalmytskogo universiteta. 2017. № 2 (34). S. 116–121.
2. Baeva L. V. Tsennosti kak ekzistentsial'nyi vybor [Elektronnyi resurs] // Tsennosti i smysly. 2011. № 6 (15).
3. Belyanskaya T. E. Sotsial'no-psichologicheskie kharakteristiki studencheskogo vozrasta. Uchenye zapiski. // Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 3 (55). S. 220–227.
4. Berezutskii Yu. V., Stasyuk E. V. Osobennosti formirovaniya i soderzhaniya

- samoidentifikatsii molodezhi: teoreticheskii analiz // Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii. 2012. № 4. S. 106–113.
5. Breslavskii A.S. Itogi sovetskoi urbanizatsii Chitinskoi oblasti: struktura, chislennost' i funktsional'noe znachenie gorodskikh poselenii // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2020. № 5. S. 157–167. DOI: 10.7256/2454-0609.2020.5.34014 URL: https://e-notabene.ru/hsmag/article_34014.html
 6. Bubnova S. S. Tsennostnye orientatsii lichnosti kak mnogomernaya nelineinaya sistema // Psikhologicheskii zhurnal. 1999. № 5. T. 20. C. 38–44.
 7. Velichko G. A. Sistema tsennosti sovremennoi molodezhi i osobennosti ee patrioticheskogo soznaniya. Interpretatsionnoe nasilie nad istoricheskoi pamyat'yu i formirovanie kul'tury politicheskogo myshleniya. // Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vitebsk: 2021. S. 166–169.
 8. Garbuzova G. V. Protsess formirovaniya professional'noi identichnosti studentov // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2017. № 185. S. 340.
 9. Gizatova G. K., Ivanova O. G. Transformatsiya identichnosti rossiiskogo obshchestva v usloviyakh globalizatsii [Elektronnyi resurs] // VEPS. 2009. № 2.
 10. Gonchar I. E., Steblyak V. V. Issledovanie tsennostnoi kartiny mira sovremennoi rossiiskoi molodezhi / Molodezh' tret'ego tysyacheletiya // Sbornik nauchnykh statei XLVII regional'noi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 2-kh chastyakh. Omsk. 2023. S. 608–611.
 11. Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra: monografiya / L. M. Drobizheva [i dr.]. M.: 2013. 485 s.
 12. D'yakov D. G. Opyt razrabotki modeli samoidentifikatsii v rusle kul'turno-istoricheskogo podkhoda // Molodezh' v nauke. Prilozhenie k zhurnalu «Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi». 2012. Ch. 2. S. 71–75.
 13. Egorychev A. M., Mardakhaev L. V. Dukhovnye tsennosti v russkom mire: usloviya vyzhivaniya i razvitiya v XXI veke // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2018. № 6 (814). S. 61–71.
 14. Eliseev A. L., Kostina N. B. Vliyanie russkoi pravoslavnoi tserkvi na obshchestvennoe soznanie cherez sistemу gosudarstvennogo obrazovaniya v XX-XXI vekakh / Nauka i obrazovanie: sokhranyaya proshloe, sozdaem budushchee // Sbornik statei XI Mezdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 2017. S. 231–233.
 15. Erina I. A., Abdullaeva N. I. Tsennostnye orientatsii v aspekte gendernoi identichnosti studencheskoi molodezhi // Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire. 2021. № 4. S. 22–31. DOI: 10.25586/RNU.V925X.21.04.P.022
 16. Zhuravleva N. A. Dinamika tsennostnykh orientatsii lichnosti v rossiiskom obshchestve: monografiya. M.: Izd-vo «Institut psichologii RAN», 2006. 335 s.
 17. Zlokazov K. V. Voprosy razvitiya identichnosti v rabotakh posledovatelei Eriksona [Elektronnyi resurs] // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2015. № 9.
 18. Ivanova N. L., Bulgakov I. A. Sotsial'naya i professional'naya identichnost' lichnosti v psikhologicheskikh issledovaniyah: problema sootnosheniya // Mir psichologii. 2023. № 3 (114). S. 216–230.
 19. Ivanova N. L., Morton T. Problema sotsial'noi identichnosti v issledovanii organizatsii: osnovnye podkhody // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2010. № 3. S. 89–102.
 20. Karandashev V. N. Kontseptsiya tsennosti kul'tury Sh. Shvartsa // Voprosy

- psikhologii. 2009. № 1. S. 81–96.
21. Kon I. S. Otkrytie «Ya». M. : Politizdat, 1978. 367 s.
 22. Leont'ev D. A. Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti. M.: Smysl, 2009. 367 s.
 23. Mazur E. Yu. Problema sootnosheniya ponyatii «Identichnost'», «Identifikatsiya» i ikh psikhologicheskoe soderzhanie [Elektronnyi resurs] // MNKO. 2012. № 2.
 24. Mukhina V. P., Dugarova T. Ts. Mental'nye osobennosti sovremennoy buryat Rossii [Elektronnyi resurs] // Razvitiye lichnosti. 2010. № 2.
 25. Mukhlynkina Yu. V. Sotsial'no-filosofskii analiz struktury etnicheskoi identichnosti // Pozitsiya. Filosofskie problemy nauki i tekhniki. 2014. № 8. S. 87-92.
 26. Na puti k professional'nomu sovershenstvu: stanovlenie professional'noi identichnosti psikhologa / A. P. Sukhonosov [i dr.] // Hominum. 2022. № 4. S. 125-144.
 27. Nugaeva O. G., Krivodonova Yu. E. Psikhologicheskaya sushchnost' i sootnesenie ponyatii «Tsennosti» i «Tsennostnye orientatsii» [Elektronnyi resurs] // Spetsial'noe obrazovanie. 2012. № 2.
 28. Olomskii A. A. Zarubezhnye podkhody k izucheniyu identichnosti lichnosti v psikhologii / Aktual'nye voprosy psikhologii i pedagogiki v sovremennoy usloviyakh // Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 2017. S. 156-161.
 29. Petrova E. I. Ponyatie i osnovnye kharakteristiki etnicheskoi i natsional'noi identichnosti v usloviyakh intensivnykh mezhkul'turnykh kommunikatsii / Mezhkul'turnyi dialog i vyzovy sovremennosti: drugost' i inakovost' v svoem i rodnom // Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. pod obshch. red. V. P. Stepanova, S. M. Gubanenkovo. 2019. S. 105-111.
 30. Razorina D. N. Problema struktury i dinamiki identichnosti v sovremennoi zarubezhnoi sotsial'noi psikhologii [Elektronnyi resurs] // SibSkript. 2015. № 3-3 (63).
 31. Samoilichenko E. E., Bunina A. V., Levchuk E. Yu. Material'nye i dukhovnye tsennosti rossiiskoi molodezhi v usloviyakh obshchestvennoi nestabil'nosti / Upravlenie territoriyami i khozyaistvuyushchimi sub"ektami v usloviyakh ekonomicheskoi nestabil'nosti: global'nye vyzovy i mekhanizmy razvitiya // Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii. Departament gosudarstvennoi sluzhby i kadrovoi politiki Vologodskoi oblasti; Rossiiskaia akademiya narodnogo khozyaistva i gosudarstva i gosudarstvennoi sluzhby darstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii, Vologodskii filial; Assotsiatsiya vypusknikov Prezidentskoi programmy podgotovki upravlencheskikh kadrov «Avangrad». 2016. S. 12-19.
 32. Sapozhnikova R. B. Analiz ponyatiya "identichnost'": teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2005. № 1 (46). S. 13-17.
 33. Semenova K. G. Teoreticheskie aspekty tsennostnykh orientatsii v kontseptsiyakh zarubezhnykh i otechestvennykh issledovatelei [Elektronnyi resurs] // Vestnik MGPU. Seriya: Pedagogika i psikhologiya. 2023. № 3.
 34. Slobodchikov V. I. Problemy razvitiya i vospitaniya lichnosti v studencheskem vozraste // Sotsial'noe vospitanie. 2017. № 2 (10). S. 4-9.
 35. Smolina T. L. Etnicheskaya identichnost' kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen: obzor metodov issledovaniya // Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve. 2022. № 2 (58). S. 35-43.
 36. Stefanenko T. G. Komponenty etnicheskoi identichnosti: kognitivnyi, affektivnyi,

- povedencheskii // Mir psikhologii. 2004. № 3 (39). S. 38-43.
37. Surina I. A. Tsennostnye orientatsii kak predmet sotsiologicheskogo issledovaniya. M.: Golos, 1996. 130 s.
38. Tenyaeva O. V. Formirovanie grazhdanskogo obshchestva v kontekste razvitiya grazhdanskoi identichnosti molodezhi // Initsiativa v naune kak novaya strategiya razvitiya sistemy znanii. Sbornik nauchnykh trudov. Kazan', 2019. S. 88-92.
39. Torabaeva M. Kh. Rol' tsennostnykh orientatsii v formirovani oposredovannoj vzaimosvyazi mezhdu sotsial'noi i ekzistentsial'noi identichnost'yu [Elektronnyi resurs] // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. 2022. № 2.
40. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti: Per. S angl. M.: AST, 2017. 736 s.
41. Khachatryan L. V. Osnovnye podkhody k osmysleniyu fenomena identichnosti: manuskrift. 2019. T. 12. № 7. S. 123-12.
42. Khintikka Ya. Rene myslit, sledovatel'no, Kartezi sushchestvuet [Elektronnyi resurs] URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=988&Itemid=1 (data obrashcheniya: 17.12.2023 g.).
43. Tsennostnye orientatsii kak osnova stanovleniya aksiologicheskogo profilya grazhdanskoi identichnosti pedagoga / A. K. Krupchenko [i dr.] // Vestnik Mininskogo universiteta. 2023. T. 11. № 3 (44).
44. Shpuntova V. V. Dvoistvennost' tsennosti [Elektronnyi resurs] // Vestnik SamGU. 2006. № 10-2.
45. Shubina O. A. Osobennosti obshcheniya v yunosheskom vozraste (na primere izucheniya studencheskoi molodezhi) // Pedagogika i psikhologiya. Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2008. № 1. S. 85-89.
46. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis: per. s angl. obshch. red. i predisl. A. V. Tolstykh. 2-e izd. M.: Flinta, MPSI, Progress, 2006. 352 s.
47. Yanitskii M. S. Sistema tsennostnykh orientatsii lichnosti i sotsial'nykh obshchnostei: strukturno-dinamicheskaya model' i ee primenenie v psikhologicheskikh issledovaniyakh i psikhologicheskoi praktike // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 22. № 1 (81). S. 194-206. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

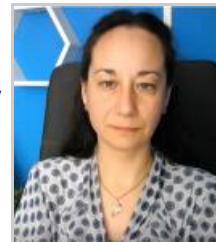
Psychological readiness for research activities among teachers of additional education: structural and substantive characteristics

Yudina Natal'ya Aleksandrovna

Postgraduate student; Department of Theoretical and Applied Psychology, Zabaikalsky State University

108 Svetly microdistrict, Chita, Zabaikalsky Krai, 672038, Russia

✉ una-82@mail.ru

Dagbaeva Soelma Batomunkuevna

Doctor of Psychology

Head of the Department; Department of Theoretical and Applied Psychology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Zabaikalsky State University'

129 Babushkina str., room 508, Chita, Zabaikalsky Krai, 672000, Russia

✉ soela@bk.ru

Abstract. The professional standard "Teacher of additional education for children and adults" designates one of the work functions of a teacher of additional education to conduct research on the labor market for additional education services. Based on this fact, the article presents a brief theoretical analysis of research activities, as well as the concept of psychological readiness. Based on the conducted research, a model of psychological readiness of a teacher of additional education is formulated, consisting of several structural components: motivational, cognitive, creative and operational. The purpose of the study is to describe the structural components of the model of the teacher of additional education's readiness for research activities. The object of the study is the psychological readiness of a teacher of additional education for research activities. The subject of the research is the structural components of the model of psychological readiness of a teacher of additional education for research activities. The research methodology is determined by the subject-activity approach, as well as the principles of determinism, development and unity of consciousness and activity. The research is carried out by analyzing and systematizing the literature on the topic, as well as using the method of modeling psychological phenomena. The novelty in the presented model is the allocation of a creative component in the research activity of a teacher of additional education. As a result of the study, the structural components of the model of psychological readiness of a teacher of additional education for research activities have been identified. During the research, it was found that in the scientific literature, research activities in additional education are considered either from the point of view of the student's activity, or as mentoring or tutoring. The designed model of psychological readiness for the research activity of a teacher of additional education takes into account all aspects of this phenomenon most fully. We understand the psychological readiness of additional education teachers for research activities as a psychological state of predisposition, a mood to perform research activities, including motivation, knowledge of its content, and possession of basic research skills.

Keywords: motivation, professional competence, psychological state, structural components, model of psychological readiness, characteristics, research culture, additional education, research activity, psychological readiness

References (transliterated)

1. Alipkhanova F.N., Kvirkovskaya A.A., Pivneva S.V. Formirovanie issledovatel'skoi kompetentnosti u budushchikh uchitelei [Elektronnyi resurs] // MNKO. 2024. №1 (104).
2. Blinkova I.S. Uchebno-issledovatel'skaya i proektnaya deyatel'nost' kak sredstvo sovershenstvovaniya professional'noi kompetentnosti pedagoga dopolnitel'nogo obrazovaniya // Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU. 2018. №9. S. 146-150.
3. Gamidov L.Sh., Magomedalieva M.R., Kuchmezov R.A. Sushchnost' i struktura ponyatiya «issledovatel'skaya kul'tura studenta vuza» [Elektronnyi resurs] // MNKO. 2020. №6 (85).
4. Dekina E.V. Formirovanie motivatsii k innovatsionnoi deyatel'nosti u pedagogov dopolnitel'nogo obrazovaniya // Kontsept. 2022. №4. S. 35-48.
5. Zhankina Yu.V. Analiz soderzhaniya i struktury komponentov psikhologicheskoi gotovnosti sotrudnikov vnevedomstvennoi okhrany k resheniyu professional'nykh zadach [Elektronnyi resurs] // MNIZh. 2023. №4(130).
6. Zakharova E.A., Sorokina T.M., Yudina E.A. Issledovatel'skie deistviya v strukture psikhologicheskoi gotovnosti k professii budushchego vracha // Vestnik Mininskogo universiteta. 2019. T.7, №3. S. 9.

7. Lebedeva N. A., Grishaeva Yu. M. Issledovatel'skaya kul'tura kak bazis dlya podgotovki spetsialistov-novatorov v sfere elektroenergetiki // Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. 2022. Tom 7. Vypusk 9. S. 959-965.
8. Lebedeva N.G. Rezul'taty izucheniya urovnya sformirovannosti issledovatel'skoi kompetentnosti u budushchikh pedagogov dopolnitel'nogo obrazovaniya pri rabote s odarennymi det'mi [Elektronnyi resurs] // Problemy sovremennoj pedagogicheskogo obrazovaniya. 2023. №78-3.
9. Leonova M.V., Makshakova E.A., Firsova T.V. Issledovatel'skaya deyatel'nost' v rabote pedagoga dopolnitel'nogo obrazovaniya // Obrazovatel'naya sreda segodnya: teoriya i praktika: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Cheboksary, 13 oktyabrya 2021 goda. Cheboksary: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Tsentr nauchnogo sotrudничestva «Interaktiv plus», 2021. S. 35-37.
10. Litovchenko L.P., Kalkinova G.T. Vliyanie issledovatel'skoi deyatel'nosti pedagoga dopolnitel'nogo obrazovaniya na kachestvo khudozhestvennogo tvorchestva detei // Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. 2014. №5. S. 159-161.
11. Markova V.I. Formirovanie issledovatel'skoi kul'tury uchitelya v sisteme povysheniya kvalifikatsii: avtoreferat dis. kand. ped. nauk 13.00.08. Kirov, 2007. 24 s.
12. Nikolaichuk D.G., Fedyai D.S., Shramkova O.V. Spetsifika formirovaniya issledovatel'skoi kul'tury sovremennoj pedagoga [Elektronnyi resurs] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. №5 (50).
13. Polenyakin I.V. Psichologicheskaya gotovnost' studentov pedagogicheskikh vuzov k nastavnicheskoi deyatel'nosti [Elektronnyi resurs] // Problemy sovremennoj pedagogicheskogo obrazovaniya. 2024. №84-1.
14. Pukhaeva I.U. Problemy razvitiya issledovatel'skoi deyatel'nosti budushchikh uchitelei obshcheobrazovatel'noi shkoly [Elektronnyi resurs] // MNKO. 2020. №2 (81).
15. Reshetova E.E. Psichologicheskaya gotovnost' pedagogov dopolnitel'nogo obrazovaniya k kul'turologicheskoi rabote s podrostkami: dissertatsiya kandidata psichologicheskikh nauk: 19.00.07. Nizhnii Novgorod, 2014. 178 s.
16. Saidzoda M.S., Dekhkonova S.K. Formirovanie gotovnosti pedagogov k innovatsionnoi deyatel'nosti v dopolnitel'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh [Elektronnyi resurs] // Uchenye zapiski Khudzhanskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki. 2021. №3 (68).
17. Stukalenko N.M., Lepeshev D.V., Prosandeeva I.A. Formirovanie psichologicheskoi gotovnosti studentov k pedagogicheskoi deyatel'nosti v inklyuzivnom obrazovanii [Elektronnyi resurs] // Nauka i real'nost'. 2022. №4(12).
18. Subocheva M.L., Rakhmatullina O.R. Podgotovka pedagogov dopolnitel'nogo obrazovaniya k organizatsii proektnoi deyatel'nosti v usloviyakh distantsionnogo obucheniya [Elektronnyi resurs] // Problemy sovremennoj pedagogicheskogo obrazovaniya. 2022. №75-1.
19. Tivikova S.K., Bondareva I.I., Kolesova O.V. Stanovlenie issledovatel'skoi pozitsii pedagoga v usloviyakh dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya [Elektronnyi resurs] // Nizhegorodskoe obrazovanie. 2020. №1.
20. Firsova E.A. Formirovanie issledovatel'skoi kul'tury u starsheklassnikov v usloviyakh nauchnogo obshchestva uchashchikhsya: avtoreferat dis. kand. ped. nauk 13.00.01. Saratov, 2018. 23 s.
21. Formirovanie issledovatel'skoi kul'tury studentov vuzov: Sbornik nauchnykh publikatsii nauchno-pedagogicheskikh sotrudnikov vuzov / Pod red. V.M. Lopukhova. Barnaul:

- Tipografiya AltGTU im. I.I. Polzunova, 2019. S. 23.
22. Khaliullina L.R. Razvitie issledovatel'skogo myshleniya budushchikh uchitelei (bakalavrov) kak uslovie effektivnosti realizatsii imi trudovykh deistvii [Elektronnyi resurs] // Problemy sovremennoj pedagogicheskogo obrazovaniya. 2022. №74-4.
 23. Khachanyants S.B. Psichologicheskie issledovaniya professii pedagoga dopolnitel'nogo obrazovaniya [Elektronnyi resurs] // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2021. №4 (121).
 24. Shapova T.N. Formirovanie issledovatel'skoi kul'tury budushchego pedagoga-muzykanta v protsesse professional'noi podgotovki v vuze: avtoreferat dis. kand. ped. nauk 13.00 08. Tomsk, 2010. 24 s.
 25. Shikhova O.N. Issledovatel'skaya kul'tura sovremennoi studencheskoi molodezhi: sotsiologicheskii analiz: avtoreferat dis. kand. sotsiol. nauk 22.00.06. Ekaterinburg, 2014. 24 s.
 26. Bell, A.R. Is there a 'magic link' between research activity, professional teaching qualifications and student satisfaction? / A.R. Bell, C. Brooks // Higher Education Policy, 2019. 32 (2). pp. 227-248. ISSN 1740-3863 doi: <https://doi.org/10.1057/s41307-018-0081-0> Available at <https://centaur.reading.ac.uk/74997/>
 27. Cordova, R. The Effects of Professional Development on Collective Teacher Efficacy / R. Cordova // Retrieved from Sophia, 2021. the St. Catherine University repository website: <https://sophia.stkate.edu/maed/399>
 28. McKinney, P. Inquiry-based learning in Higher Education / P. McKinney // In: Aston, S. and Walsh, A., (eds.) Library Pedagogies: Personal reflections from library practitioners. Innovative Libraries Press, Huddersfield, 2021. pp. 301-325.
 29. Mertler, C.A. Action Research as Teacher Inquiry: A Viable Strategy for Resolving Problems of Practice / C.A. Mertler // Practical Assessment, Research, and Evaluation: 2021. Vol. 26, Article 19. DOI: <https://doi.org/10.7275/22014442> Available at: <https://scholarworks.umass.edu/pare/vol26/iss1/19>
 30. Stebick, D. Teacher Inquiry: A Catalyst for Professional Development / D. Stebick, J. Hart, L. Glick, J. Kindervatter, J. Nagel, C. Patrick // An Online Journal for Teacher Research: 2022. Vol. 24: Iss. 1. URL: <https://doi.org/10.4148/2470-6353.1350>
 31. Wilson, C.E., The Effects of Inquiry-Based Learning and Student Achievement in the Science Classroom / C.E. Wilson // Student Research Submissions. 2020. URL: https://scholar.umw.edu/student_research/370

The study of the cognitive model of patriotic disposition in the value-semantic sphere of personality among students of higher educational institutions

Makarchuk Anastasiya Igorevna □

Assistant Professor; Department of Labor Psychology and Organizational Psychology, Omsk State Technical University
Postgraduate student; Department of Labor Psychology and Organizational Psychology, Omsk State Technical University

Office 207 Mira ave., office 207, Omsk region, 644050, Russia

✉ makarchukanastasi@yandex.ru

Milcharek Tadeusz Petrovich □

PhD in Philosophy

Head of the Department; Department of Labor Psychology and Organizational Psychology; Omsk State Technical University
 Docent; Department of Labor Psychology and Organizational Psychology; Omsk State Technical University
 Office 207 Mira ave., office 207, Omsk region, 644050, Russia

 milcharek@mail.ru

Khalitova Karina Rakhimovna

Postgraduate student; Department of Labor Psychology and Organizational Psychology; Omsk State Technical University
 teacher-psychologist ; Department of Youth Policy; Omsk State Technical University
 Office 207 Mira ave., office 207, Omsk region, 644050, Russia

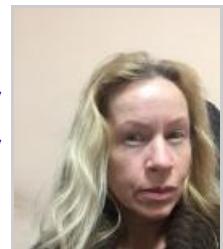
 halitova.karina@mail.ru

Frenkel' Mariya Vladimirovna

Senior Lecturer; Department of Labor Psychology and Organizational Psychology; Omsk State Technical University
 Postgraduate student; Department of History, Philosophy and Social Communications; Omsk State Technical University

Office 207 Mira ave., office 207, Omsk region, 644050, Russia

 frenkel_m@mail.ru

Tsvetkova Olga Alekseevna

Senior Lecturer; Department of Labor Psychology and Organizational Psychology; Omsk State Technical University

Office 207 Mira ave., office 207, Omsk region, 644050, Russia

 zvetol@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the actual problem of patriotic education of young people. The article takes a new approach to the study of patriotic disposition, rethinking the concepts of "patriotism" and "patriotic disposition." Love for the Motherland, loyalty, willingness to serve it, and recognition of its value to the individual were considered as the main components of the patriotic disposition. At the same time, patriotism is not understood by us as something foreign to the individual and, in the course of patriotic education, imposed on it from the outside. In all its manifestations, patriotism was recognized as a personality-determined phenomenon. A patriotic disposition, including attitudes, values, beliefs, being formed and included in the system of personal relationships, is reflected in activity and behavior. An attempt has been made to reconstruct subjective models of patriotic disposition in the value-semantic sphere of personality.

The use of the Repertory Grid Test allowed us to conclude that the patriotic disposition as a component of the value-semantic sphere of personality is unique and has its own systemic organization, one of the most important components of which is the value-semantic component, since it directs the behavior and activity of the individual, serves as a decision-making tool. In the systems of personal constructs, students associate patriotism with rigidity having a negative connotation. The opposite pole of patriotism – migration attitudes – in the semantic space are associated with the needs for free self-realization and security. The semantic models of patriotic disposition in the semantic space have high variability. The weak manifestation of the patriotic disposition in the personal systems of constructs indicates the importance of continuing work on the patriotic education of young people. One of the effective principles of this work can be the subject-activity principle.

Keywords: construct, the rep grid test, cognitive model, migration attitudes, value-semantic sphere of personality, patriotic education, patriotic disposition, patriotism, system of

constructs, value orientations

References (transliterated)

1. Myasishchev, V. N. Psichologiya otnoshenii: izbrannye psichologicheskie trudy / V. N. Myasishchev. – Moskva: Institut prakticheskoi psichologii. 1998. 368 s. – ISBN 978-5-89502-790-5 (MPSI)
2. Teryaeva O. A., Lomova O. A. Issledovanie pozitivno-tsennostnogo otnosheniya studentov vuzov k patriotizmu // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2024. № 1 (67). S. 70-93.
3. Karpova M. K. Patrioticheskie nastroeniya sovremennoi molodezhi: vyzovy vremeni // Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo». 2024. T. 12. № 4. S. 53–65.
4. Chernousova, I. D. Sovremennoe znachenie patriotizma (sotsial'no-filosofskii aspekt) / I. D. Chernousova, A. A. Chernousov // Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk. – 2024. – № 3(40). S. 94-97.
5. Saidov, B. Patriotism as a psychological phenomenon. ISJ Theoretical & Applied Science, 2022. No 10 (114). Pp. 587-592.
6. Tashpulatovich , K. E. Patriotism as an Attributive Sign of Forms of Social Consciousness, Miasto Przyszłości. 2024. No. 45. Pp. 478–483.
7. Dushkin, A. M. Sotsial'no-antropologicheskie aspekty patriotizma v rabotakh N. M. Karamzina / A. M. Dushkin // Real'nost'. Chelovek. Kul'tura: transformatsiya cheloveka. VIII Orekhovskie chteniya : materialy Vseros. nauch. konf.– Omsk : Izd-vo Om. gos. ped. un-ta, 2016. S. 83-86.
8. Kuvondikov, S. S. Analysis of national and foreign experiments on the diagnosis of processes for the development of a sense of patriotism. American Journal of Interdisciplinary Research and Development. 2023. No 16. Pp. 243–248.
9. Dirksmeier, P. The relationship between patriotism and regional identification: a cross-country analysis. Ann Reg Sci. 2023. No. 71, Pp. 343–362.
10. Finell, E. & Stevenson, C. Interpersonal bonds with fellow nationals, blind patriotism and preference for Immigrants' acculturation. Scandinavian Journal of Psychology. 2022. No. 63, Pp. 383–392.
11. Piwoni, E., & Mußotter, M. The evolution of the civic–ethnic distinction as a partial success story: Lessons for the nationalism–patriotism distinction. Nations and Nationalism. 2023. No. 29(3). Pp. 906–921.
12. Mußotter, M. On nation, homeland, and democracy: Toward a novel three-factor measurement model for nationalism and patriotism. Evidence from two representative studies. Political Psychology. 2024. No. 45, Pp. 903–921.
13. Erikson, E. Identichnost': yunost' i krizis / E. Erikson – Moskva: Progress, 1996. 344 s.
14. Kon, I. S. Psichologiya yunosheskogo vozrasta: (Problemy formirovaniya lichnosti): Uchebnoe posobie dlya studentov ped. in-tov / I. S. Kon. – Moskva: Prosveshchenie, 1979. – 175 s.
15. Jost, J. T., Baldassarri, D. S., & Druckman, J. N. Cognitive-motivational mechanisms of political polarization in social-communicative contexts. Nature Reviews Psychology. 2022. No 1(10), Pp. 560-576. URL: <https://doi.org/10.1038/s44159-022-00093-5>
16. Voskreksenko, O. A. Diagnostika patriotizma studencheskoi molodezhi v sisteme professional'nogo vospitaniya v vysshei shkole / O. A. Voskreksenko, V. V. Konstantinov, A. A. Pashin, K. R. Trengulov // Sovremennye problemy nauki i

- obrazovaniya. 2022. № 5. S. 47.
17. Bratus', B. S. Nравственное сознание личности / Nравственное сознание личности / B. S. Bratus'. – Москва: Знание, 1985. 64 с.
18. Karandashev, V. N. Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostei lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo / V. N. Karandashev. – Sankt – Peterburg: Rech', 2004. 70 s.
19. Rokich, M. Priroda chelovecheskikh tsennosteit / M. Rokich // Svobodnaya pressa. 1973. № 5. S. 20–28.
20. Leont'ev, A. N. Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya / A. N. Leont'ev. – Москва: Izd-vo «Pedagogika», 1983. 392 s.
21. Stolin, V.V. Samosoznanie lichnosti. / V.V. Stolin – Москва: Izd-vo Mosk. un-ta. 1983. 284 s.
22. Fromm, E. Zdorovoe obshchestvo/ E. Fromm – Москва: AST, 2019. 479 c.
23. Fransella, F., Bannister, D. Novyi metod issledovaniya lichnosti: Rukovodstvo po repertuarnym lichnostnym metodikam/ F Fransella, D. Bannister – Москва: Progress, 1987. 236 s.

The interrelation of victimization behavior and school anxiety in adolescence

Afanaseva Olga Fedorovna

Postgraduate student; Humanitarian Institute (psychological and pedagogical direction); Russian New University

22 Radio Street, Moscow, 105005, Russia

 bmv600@list.ru

Abstract. It is a well-known fact that adolescence is one of the most significant periods in the formation of a personality, and in order to get a full-fledged member of society, it is necessary to carefully study the personal qualities and predispositions of a child in the pre-labor period. There is a large number of studies of the phenomena of adolescence, many of them are aimed at identifying deviant behavior and destructive personality traits. In his research, the author studies the psychological predictors of adolescent victimization behavior. The method of multiple regression has established the reliable significance of the contribution of psychological predictors associated with school anxiety (Beeman N. Phillips) to the formation of various types of victim behavior (O.O. Andronnikova). The study involved 236 children of adolescent age from various regions of Russia. The results of the study confirmed that the fear of not meeting the expectations of others, problems and fears in relationships with teachers, fear of self-expression and some other variables influence the formation of aggressive victim behavior of adolescents, and also contribute to the formation of defensive behavior. Unfortunately, a large number of adolescents with this model of victim behavior have been identified (over 50% of the total number of subjects). Accordingly, there is an understanding that already at this age stage there are individuals who find it difficult to adapt to society, are in a defensive life position, and have a pronounced lack of initiative.

Keywords: destructive behavior, frustration, anxiety, socialization, personal characteristics, deviant behavior, adolescence, victim, victim behavior, psychological support

References (transliterated)

1. Demidova-Petrova E.V. *Viktimnost' nesovershennoletnikh v sovremennoi Rossii: osobennosti, osnovnye prichiny* // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. 2023. № 3 (152). S. 201-206.
2. Andronnikova O.O., Perevozkin Yu.M., Leonova O.I. *Detsko-roditel'skie otnosheniya i individual'nyi opyt kak strukturnye determinaty viktimizatsii v yunosheskom vozraste* // Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal. 2023. Tom 20. № 1. S. 202-217.
3. Malamut S.T., Trach J., Garandeau C.F., Salmivalli Ch. *Examining the potential mental health costs of defending victims of bullying: a longitudinal analysis* // Research on child and adolescent psychopathology. 2021. Vol. 49. Issue 9. P. 1197-1210.
4. Judith A. Stein, Richard L. Dukes, Jazmin I. Warren. *Adolescent Male Bullies, Victims, and Bully-Victims: A Comparison of Psychosocial and Behavioral Characteristics* // Journal of Pediatric Psychology, Volume 32, Issue 3, 1 April 2007, pp. 273-282.
5. Belyaeva O.A., Bugaichuk T.V., Tsymbalyuk A.E., Yuferova M.A. *Sotsial'no-psikhologicheskie faktory delikventnosti v podrostkovom vozraste* // Voprosy psichologii. 2022. Tom 68. № 6. S. 3-13.
6. Feoktistova S.V., Vasileva N., Mishina M.M., Vorobieva K.A. Batkolina V.V., Usoltseva E.V. *Innovative technologies in psychological support of children and adolescents at risk / 9th international conference on cognitive, social and behavioural sciences (ICCSBS 2020)*, Moscow, 07.12.2020 – 08.12.2020. Moscow: European Publisher, 2020. P. 192-197.
7. Vas'kin D.A., Zvyagin V.A. *Profilaktika viktimnogo povedeniya* // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 1 (229). S. 248-250.
8. Demidova-Petrova E.V. *Viktimnost' nesovershennoletnikh v sovremennoi Rossii: osobennosti, osnovnye prichiny* // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. 2023. № 3 (152). S. 201-206.
9. Bayborodova L., Kusnetsoba O., Cherniavskaya A., Belkina V., Kharisova I. *Forming of self-regulation of primary schoolchildren in the educational process / 4th International Multidisciplinary Scientific Conference On Social Sciences And Arts Sgem, Albena, Bulgaria, 24.08.2017 – 30.08.2017*. Sofia: STEF92 Tekhnolodzhi, 2017. P. 239-246.
10. Fox J.K., Ryan J.L., Martin Burch J., Halpern L.F. *The role of parental overcontrol in the relationship between peer victimization, social threat cognitions, and social anxiety in school-age children* // School mental health. 2022. Vol. 14. Issue 1. P. 201-212.
11. Bacanli F. *Personality characteristics as predictors of personal indecisiveness* // Journal of Career Development. 2006. Vol. 32. № 4. P. 320-332.
12. Arakelyan K.N., Shabotash A.V. *Vnutrismeyne faktory viktimizatsii lichnosti* // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psichologiya. 2015. Tom 8. № 1. S. 50-55.
13. Demkina E.V., Shebanets E.Yu., Paatova M.E. *Profilaktika viktimnoi gendernoi sotsializatsii podrostkov* // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psichologiya. 2023. № 2 (318). S. 25-32.
14. Danilevskaya A.A., Grigor'eva A.A. *Osobennosti detsko-roditel'skikh otnoshenii u podrostkov so sklonnost'yu k viktimnomu povedeniyu* // Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdror'e, adaptatsiya, razvitiye. 2024. Tom 12. № 1 (44). S. 59-68.
15. Kagan V.E. *Psikhogenye formy shkol'noi dezadaptatsii* // Voprosy psichologii. 1984. № 4. S. 89-95.
16. Malkina-Pykh I.G. *Viktimologiya: psichologiya povedeniya zhertvy (kompleksnyi analiz fenomena zhertvy, podkhody k individual'nomu konsul'tirovaniyu, uprazhneniya i tekhniki)*: monografiya. M.: Eksmo. 2010. 864 s.

17. Odintsova M.A. Psikhologicheskie osobennosti viktimnoi lichnosti // Voprosy psikhologii. 2012. № 3. S. 59-67.
18. Degovtsev N.S. Sredovye i vnutrilichnostnye prediktory stanovleniya samootsenki v podrostkovom vozraste // Uchenye zapiski universitete im. P.F. Lesgafta. 2023. № 5 (219). S. 508-513.
19. Rean A.A. Sem'ya kak faktor profilaktiki i riska viktimnogo povedeniya // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2015. № 1 (17). S. 3-8.
20. Rudenskii E.V. Sotsial'no-psikhologicheskaya viktimologiya lichnosti: propedevtika: monografiya. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2015. 146 s.
21. Simanovskii A.E. Stsenarnyi podkhod k profilaktike i korreksii agressivnogo i viktimnogo povedeniya detei: monografiya. Yaroslavl': Yaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. K.D. Ushinskogo, 2023. 179 s.
22. Kiryushin D.V., Kiryushina E.E., Potapov M.V., Korzh E.M. K probleme formirovaniya lichnosti podrostka, vospityvayushchegosya v neblagopoluchnoi sem'e // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2023. № 1. S. 52-54.
23. Len'kov S.L., Rubtsova N.E. Statisticheskie metody v psikhologii: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata, spetsialiteta i magistratury; 3-e izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo Yurait, 2019. 311 s.

Psychological well-being and ideas about life among Russian and Kalmyk students

Bolaeva Gerel Baatrovna □

Senior Lecturer; Faculty of Pedagogical Education and Biology, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University

358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, Pushkin St, 11, office 108

✉ gbbolaeva@gmail.com

Abstract. The subject of the research in the peculiarities of psychological well-being and ideas about their own lives among Russian and Kalmyk students. The aim of the research is to study the peculiarities of psychological well-being and ideas about their own lives among Russian and Kalmyk students. The aim of the research is to study the peculiarities of psychological well-being perception among Russian and Kalmyk students; to identify the features of ideas about life in groups of Russian and Kalmyk students; to compare the features of the relationship between indicators of psychological well-being and ideas about life in groups of Russian and Kalmyk students. The sample consisted of two groups of students aged 18-23 years, with a total of 80 respondents. Research methods – the questionnaire "Scale of psychological well-being" (author K. Riff, adaptation by T.D. Shevelenkova and T.P. Fesenko) and the projective drawing technique "My life" (authors: S.A. Bezgodova, A.V. Miklyaeva, S.M. Yatsyshin.). The topic is presented by a relatively small number of studies, as well as due to the relevance of the analysis of the characteristics of the psychological well-being of representatives of different national groups and the lack of research on this topic. No significant differences in indicators of psychological well-being, including the overall level of psychological well-being, were found in the groups of Russian and Kalmyk students. There are no significant differences in the peculiarities of the students' ideas of the selected groups about their own lives, in particular in assessing the general characteristics of life, the emotional background of life, the meaningfulness of life and the "boundaries" with the world and society. Data were obtained on the specifics of the

relationships between indicators of psychological well-being and parameters of ideas about one's own life. The conducted pilot study opens up further opportunities to study the topic of the relationship between psychological well-being and ideas about a person's own life, taking into account both the actual qualitative features of the relationships and the influence of various internal and environmental factors on these features.

Keywords: nationality, boundaries with society, Kalmyk students, Russian students, the meaningfulness of life, the emotional background of life, general characteristics of life, borders with the world, psychological well-being of the individual, national groups

References (transliterated)

1. Bolaeva G.B. Issledovanie zhiznennogo prostranstva lichnosti v istorii psikhologii // Teoreticheskaya i prikladnaya psikhologiya: Traditsii i perspektivy materialy IX Vserossiiskoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Chita: Zabaikal'skii gos. un-t, 2016. S. 38-41.
2. Panyukova Yu.G., Panina E.N., Bolaeva G.B. Problemy i perspektivy issledovaniya fenomena blagopoluchiya v rossiiskoi psikhologii // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2017. № 12. S. 79-84.
3. Sarasjärvi, K.K., Elovaino M., Appelqvist-Schmidlechner, K., Solin, P., Tamminen, N., Therman, S. (2023). Exploring the structure and psychometric properties of the Warwick-Edinburgh Mental Well-Being Scale (WEMWBS) in a representative adult population sample. *Psychiatry Research*, 328. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2023.115465>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0165178123004158>).
4. De Vries, L.P., Pelt, D.H.M., Van der Ploeg H.P., Chinapaw, M. J.M., De Geus, E.J.C., Bartels, M. (2022). The association between well-being and a large variation of accelerometer-assessed physical activity and sedentary behavior measures. *Mental Health and Physical Activity*, 22. <https://doi.org/10.1016/j.mhpaa.2022.100446>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1755296622000084>).
5. De Vries, L.P., Van de Weijer, M., Bartels, M. P. (2023). A systematic review of the neural correlates of well-being reveals no consistent associations. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 145. URL: <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2023.105036>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0149763423000052>).
6. Lengieza, M. L., (2024). Eudaimonic self-expansion: The effects of eudaimonic reflections on nature connectedness *Journal of Environmental Psychology*, 94. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2024.102231>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272494424000033>).
7. Upsher, R., Nobili, A., Hughes, G., Byrom, N. A. (2022). systematic review of interventions embedded in the curriculum to improve university student wellbeing. *Educational Research Review*, 37. URL: <https://doi.org/10.1016/j.edurev.2022.100464>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1747938X22000331>).
8. Jagannath, S., Gatersleben, B., Ratcliffe, E. (2024). Flexibility of the home and residents' psychological wellbeing. *Journal of Environmental Psychology*, 96. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2024.102333>. (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272494424001063>).
9. Pugovkina O.D., Shil'nikova Z.N. Kontseptsiya mindfulness (osoznannost'): nespetsificheskii faktor psikhologicheskogo blagopoluchiya // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. № 2, 2014. S. 18-22.

10. Meshkova T.A., Baklanova, E.G. Psikhologicheskoe blagopoluchie v predpensionnom i pensionnom vozraste: effekty akademicheskogo khorovogo peniya // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2024. Tom 32. № 1. S. 79-102.
11. Biswas, T., Mäkelä, L., Andresen, M. (2022). Work and non-work-related antecedents of expatriates' well-being: A meta-analysis. *Human Resource Management Review*, 32. URL: <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2021.100889> (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1053482221000711>).
12. Zhukovskaya L. V., Troshikhina E. G. Shkala psikhologicheskogo blagopoluchiya K. Riff // Psikhologicheskii zhurnal. 2011. T. 32, № 2. S. 82-93.
13. Lepeshinskii N.N. Adaptatsiya oprosnika «Shkala psikhologicheskogo blagopoluchiya» K. Riff. // Psikhologicheskii zhurnal, 2007 g. № 3. S. 24-37.
14. Tejada-Gallardo, C., Blasco-Belled, A., Alsinet, C. (2023) Does mental well-being predict being perceived as a happy peer? A longitudinal social network study. *Personality and Individual Differences, Volume 202*. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111988> (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886922004937>).
15. Isaeva O.M., Akimova A.Yu., Volkova E.N. Faktory psikhologicheskogo blagopoluchiya rossiiskoi molodezhi // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2022. Tom 27. № 4. С. 24-35. URL: <https://doi.org/10.17759/pse.2022270403>
16. Li Tun, Samokhvalova A.G., Psikhologicheskoe blagopoluchie rossiiskikh i kitaiskikh studentov // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. 2022. T. 28, № 4. S. 65-69. URL: <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-4-65-69>
17. Martirosyan K.V. Suverennost' lichnogo prostranstva kak predmet teoreticheskogo i empiricheskogo psikhologicheskogo issledovaniya // Vestnik evraziiskoi nauki. 2013. № 6 (19). S. 20-25.
18. Samokhvalova A.G., Tikhomirova E.V., Vishnevskaya O.N., Shipova N.S., Asriyan E.V. Osobennosti psikhologicheskogo blagopoluchiya rossiiskikh i armyanskikh studentov // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2022. T. 13. № 2. S. 123-143.
19. Esmanskaya N. E., Nguen Van Ut N'i Psikhologicheskoe blagopoluchie sovremennoykh rossiiskikh i v'etnamskikh studentov (na primere studentov Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta) / otv. red. S. A. Vodyakha. Psikhologicheskoe blagopoluchie sovremennoy cheloveka: materialy Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2019.
20. Latysheva M. A., Suyunova A. M. Kazy Etnicheskie osobennosti tsennostnykh kharakteristik psikhologicheskogo blagopoluchiya starsheklassnikov Kryma // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya. 2021. № 4. S. 89-97.
21. Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo yazyka: v 2-kh tomakh / Pod redaktsiei V. V. Morkovkina. Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka imeni A. S. Pushkina. M.: Gramota: AST-Press Shkola, 2023.

A mathematical model for predicting the neuropsychic stability of a cadet

Kobryanova Irina Viktorovna

PhD in Psychology

Senior researcher, Military Medical Academy

6 Akademika Lebedeva str., Saint Petersburg, Russia, 194044

 serziulia@gmail.com

Nazarov Sergei Sergeevich

PhD in Medicine

Senior Researcher, Research Institute of Rescue and Underwater Technologies

198411, Russia, St. Petersburg, Lomonosov, Morskaya str., 4

 pochta92@mail.ru

Serova Yuliya Sergeevna

Researcher, Military Medical Academy

194044, Russia, St. Petersburg, Akademika Lebedeva str., 6

 serziulia@gmail.com

Fettssova Lyutsiya Nail'evna

Junior Researcher, Military Medical Academy

194044, Russia, St. Petersburg, Akademika Lebedeva str., 6

 serziulia@gmail.com

Yatmanov Aleksei Nikolaevich

PhD in Medicine

Postgraduate student, Military Medical Academy

194044, Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg, Akademika Lebedeva str., 6

 yan20220@mail.ru

Abstract. Military service is a special type of activity, in which the stress effect on a person plays a high role. The article is devoted to the study of the influence of cognitive abilities on neuropsychic stability of cadets, as one of the most controversial issues in the medical and psychological support of military personnel. The subject of the study is the influence of cognitive abilities on the neuropsychic stability of cadets. The object of the study is: 1,822 cadets of the Naval Polytechnic Institute aged 18 to 26 years with different levels of neuropsychiatric stability. The sample was divided into three parts according to the level of neuropsychiatric stability. Special attention is paid to statistical data processing as an important element of the scientific method of cognition of the world. The article provides examples of calculating a model for predicting the level of neuropsychiatric stability of the cadets. A comparative study of the cognitive abilities of cadets with different levels of neuropsychiatric stability was conducted. Mathematical modeling was carried out using discriminant analysis. Predictors of a cadet's neuropsychic stability are a combination of indicators of their cognitive development: the ability to establish logical relationships between concepts based on analysis and synthesis operations, the level of development of verbal and logical thinking; tempo characteristics of mental activity, the level of development of operational thinking and operational memory, as well as attention characteristics; the ability to transform visual images in space, the level of development of spatial-figurative thinking. It is shown that the level of communication abilities increases from low to high neuropsychiatric stability. At the same time, the differences between the indicators of cadets with high neuropsychological stability differ significantly compared with cadets with medium and low, the differences between groups with low and medium stability are determined at the trend level. A model for predicting the level of neuropsychic stability was obtained: Wilkes Lambda:

0.95595 approx. F (6.3634)=13.799 p

Keywords: influence, forecast, mathematical model, medical and psychological support, cadet, serviceman, neuropsychic stability, cognitive abilities, stress, sustainability

References (transliterated)

1. Agafonov P.V., Khalimov Yu.Sh., Gaiduk S.V., Kryukov E.V. Vliyanie psikhologicheskikh kharakteristik voennosluzhashchikh na adaptatsiyu k usloviyam Krainego severa // Morskaya meditsina. 2021. T. 7. № 3. S. 41-48.
2. Berg T.N. Nervno-psikhicheskaya ustoichivost' i sposoby ee vyyavleniya. Vladivostok: Mor. gos. un-t, 2005. 63 s.
3. Bilyi A.M., Vasil'kov A.M. Psikhofiziologicheskie prediktory integratsii cheloveka i sistemy na sovremennykh korablyakh VMF Rossii // Morskaya meditsina. 2018. T. 4. № 3. S. 64-74.
4. Grzhibovskii A.M., Gorbatova M.A., Narkevich A.N., Vinogradov K.A. Neobkhodimyi ob'em vyborki dlya sravneniya srednikh velichin v dvukh parnykh gruppakh // Morskaya meditsina. 2020. T. 6. № 4. S. 82-88.
5. Zabrodskii D.S., Zaitsev A.G., Soshkin P.A. Osnovopolagayushchie printsipy obespecheniya individual'nogo zdrorv'ya: obzor // Morskaya meditsina. 2022. T. 8. № 3. S. 7-21.
6. Kolyakin V.V., Baurova N.N., Zun S.A. Optimizatsiya massovykh psikhoprofilakticheskikh obsledovanii kursantov voennykh vuzov // Morskaya meditsina. 2015. T. 1. № 4. S. 9-12.
7. Kochubeinik N.V., Stepanov V.A., Sklyarov V.N., Linchenko S.N., Karakhanyan K.S. Primenenie innovatsionnykh baroterapevticheskikh sredstv v korreksii pogranichnykh funktsional'nykh sostoyaniii lits opasnykh professii // Morskaya meditsina. 2022. T. 8. № 1. S. 38-43.
8. Mel'nik E.V., Silich E.V. Nervno-psikhicheskaya ustoichivost' kak komponent individualizatsii psikhologicheskoi podgotovki sportsmenov // Vestnik Grodzenskogo universiteta Yanki Kupaly. Seriya 3. Fiziologiya, pedagogika, psikhologiya. 2009. 3(88). S. 138-142.
9. Mit'kina E.A., Kozlova Yu.G., Gorbatova M.A., Grzhibovskii A.M. Analiz nadezhnosti otsenki dikhotomicheskikh iskhodov: razmer vyborki i raschet kappa-statistiki // Morskaya meditsina. 2023. T. 9. № 3. S. 102-112.
10. Mosyagin I.G. Rol' i mesto morskoi meditsiny // Morskaya meditsina. 2023. T. 9. № 3. S. 7-12.
11. Osipova A.A., Tyurbeeva D.S. Psikhologicheskie osobennosti sovladayushchego povedeniya voennosluzhashchikh // Zhivaya psikhologiya. 2023. T. 10. № 1 (41). S. 15-23.
12. Rakhmanov R.S., Bogomolova E.S., Razgulin S.A., Spirin S.A. Otsenka reaktsii organizma plavstava pri rabotakh v more po integral'nym pokazatelyam zdrorv'ya: kogortnoe issledovanie // Morskaya meditsina. 2023. T. 9. № 3. S. 56-63.
13. Tyagnerev A.T., Bezkishkii E.N., Lobo佐ova O.V., Stepanov V.A., Linchenko S.N., Afendikov S.G., Karakhanyan K.S. Problema kontrolya funktsional'nogo sostoyaniya i rabotosposobnosti plavstava Voenno-morskogo flota v protsesse professional'noi deyatel'nosti // Morskaya meditsina. 2019. T. 5. № 4. S. 74-83.
14. Kholmatova K.K., Khar'kova O.A., Gorbatova M.A., Grzhibovskii A.M. Gibridnye

- issledovaniya v meditsine i zdravookhranenii // Morskaya meditsina. 2022. T. 8. № 3. S. 105-117.
15. Fertikova T.E. Sostoyanie zdorov'ya studentov i zdorov'esberegayushchie tekhnologii: regional'nyi opyt vuzov Rossii // Morskaya meditsina. 2019. T. 5. № 2. S. 34-44.
 16. Chermyanin S.V., Korzunin V.A., Yusupov V.V. Metodologicheskie aspekty diagnostiki nervno-psikhicheskoi neustoichivosti u spetsialistov ekstremal'nykh vidov deyatel'nosti // Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychainykh situatsiyakh. 2008. 6. S. 49-54.
 17. Chernyavskii E.A., Zelenina N.V., Yusupov V.V., Grigorov A.V. Ispol'zovanie sovremennykh psikhofiziologicheskikh apparatno-programmnykh kompleksov v prognozirovaniyu ustochivosti k boevomu stressu // Izvestiya Rossiiskoi voenno-meditsinskoi akademii. 2022. T. 41. № 3. S. 277-282.

Psychological characteristics of the emotional intelligence of urban and rural Internet users

Otamuratov Rustam Uskanovich □

Assistant; Department of Family Psychology, Jizzakh branch of the Mrzo Ulugbek National University of Uzbekistan

Sharafa Rashidova ave., 259, room 32, Jizzakh region, 130100, Uzbekistan

✉ rustamota1989@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the study of the psychological characteristics of the emotional intelligence of urban and rural Internet users. The object of the study is the emotional intelligence of urban and rural youth prone to Internet addiction. The author examines in detail the degree of influence of the Internet on the emotional intelligence of young people living in urban and rural environments of the Republic of Uzbekistan, and interprets the peculiarities of their manifestation of emotional intelligence from the point of view of the region. The author suggests that young people who are prone to Internet addiction may lose control of their emotions. The importance of studying the psychological characteristics of people prone to Internet addiction is primarily related to the growth of Internet users. Meanwhile, there are different approaches to the positive and negative sides of the problem, which justifies the need for its detailed study. The study used: the test "Internet addiction" by Kimberly Young in translation and modification by V.A. Loskutova (Burova); the method "Virtual identification of users of social networks" (VIPSS) by D.N. Pogorelov; the test "Emotional intelligence" by D.V. Lyusin. The Student's t-test and the method of correlation analysis were used as methods of mathematical statistics. The main conclusions of the study are that significant differences were found between urban and rural youth in terms of their propensity to Internet addiction, as well as certain differences in aspects of emotional intelligence. Thus, respondents who were not dependent on the Internet had a high level of emotional intelligence. The level of emotional intelligence was low among urban and rural citizens who use the Internet very actively and have a tendency to addiction. It was revealed that the propensity for Internet addiction among urban youth is higher than among rural youth, the difference is 99.9% ($t=14,827$; $p \leq 0.05$), which was observed in the subculture acceptability scale ($t=1,995$; $p \leq 0.05$). Regional differences were recorded in the study of respondents with general emotional intelligence ($t=-4,352$; p)

Keywords: urban youth, virtual image, adoption of subculture, Internet users, cyber addiction, virtual environment, emotional intelligence, tendency to Internet addiction, rural

youth, psychological characteristics

References (transliterated)

1. Belasheva I.V. Transformatsii emotSIONAL'noi kompetentnosti lichnosti v formiruyushchemsya tsifrovom obshchestve: postanovka problemy // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. №3 (145). S. 128–138.
2. Voiskunskii A.E. Kiberpsikhologicheskii podkhod k analizu mul'tisensornoj integratsii / A.E. Voiskunskii // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. №3. S. 9–21. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2019_n3/Voiskunskii. (data obrashcheniya: 26.03.2024).
3. Garashchuk S.S., Loginova V.V. Razvitiye emotSIONAL'nogo intellekta v sovremennykh usloviyakh // Universum: psikhologiya i obrazovanie: elektron. nauchn. zhurn. 2023. №12 (114). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/16289> (data obrashcheniya: 10.11.2024).
4. Egorov A.Yu. Nekhimicheskie zavisimosti. SPb.: Rech', 2007. 190 s.
5. Ershova R.V. Doverie k informatsii v internete i psikhologicheskoe blagopoluchie cheloveka // Priverzhennost' voprosam psikhicheskogo zdorov'ya: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 05-07 oktyabrya 2023 goda. M.: Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN), 2023. S. 203-207.
6. Ershova R.V. Informatsiya v internete kak faktor emotSIONAL'no-psikhologicheskogo blagopoluchiya cheloveka // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2023. №4 (64). S. 442-454.
7. Ershova R.V. Chelovek tsifrovoi: psikhologicheskie osobennosti sovremennoj pokoleniya / R.V. Ershova, T.M. Koryagina, A.Yu. Plotnikov. Kolomna: Gosudarstvennyi sotsial'no-gumanitarnyi universitet, 2024. 154 s.
8. Zhichkina A.E., Efimov K.Yu. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti naseleniya Seti // Planeta Internet. 1999. №30. S. 18–21.
9. Zhichkina A.E. Samoprezentatsiya v virtual'noi kommunikatsii i osobennosti identichnosti podrostkov-pol'zovatelei Interneta / A.E. Zhichkina, E.P. Belinskaya // Trudy po sotsiologii obrazovaniya. 2000. №7. S. 77-93. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/247434/1/Ankudovich_resume.pdf. (data obrashcheniya: 26.03.2024).
10. Ignatova E.S. Vzaimosvyaz' emotSIONAL'nogo intellekta i primeneniya tsifrovyykh tekhnologii: obzor sovremennykh issledovanii // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya. 2023. Vyp. 3. S. 365–381.
11. Loskutova V.A. Internet-zavisimost' – patologiya XXI veka? // Voprosy mental'noi meditsiny i ekologii. 2000. №1. S. 11–13.
12. Lyusin D.V. Oprosnik na emotSIONAL'nyi intellekt EmIn: novye psikhometricheskie dannye // Sotsial'nyi i emotSIONAL'nyi intellekt: ot modelei k izmereniyam / Pod red. D.V. Lyusina, D.V. Ushakova. M.: Institut psikhologii RAN, 2009. S. 264-278.
13. Nikulina I.V. Emotsional'nyi intellekt: instrumenty razvitiya: uchebnoe posobie / I.V. Nikulina, Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, 2022. 82 s.
14. Nosov N.A. Virtual'naya psikhologiya. M.: Agraf, 2000. 432 s.
15. Pogorelov D.N. Struktura virtual'noi identichnosti pol'zovatelei sotsial'nykh setei / D.N. Pogorelov // Kazanskii pedagogicheskii zhurnal. 2020. №4 (141). S. 262-268.
16. SviIlo Ya.V. Emotsional'nyi intellekt kak sotsial'no-psikhologicheskii resurs lichnosti podrostkov, prozhivayushchikh v sel'skoi mestnosti // Mir nauki. Pedagogika i

- psikhologiya. 2020. №6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/12PSMN620.pdf> (data obrashcheniya: 01.09.2024).
17. Shabanov S., Aleshina A. Emotsional'nyi intellekt // Rossiiskaya praktika. 8-e izd. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2021. 432 s.
 18. Yurovitskii S.Ya. Emotsional'nyi intellekt i konfliktologicheskaya kompetentnost' v usloviyakh tsifrovizatsii // Vestnik universiteta. 2021. № 6. S. 177–182.
 19. Yang K.S. Diagnoz – internet-zavisimost' // Mir Internet. 2000. №2. S. 24–29.
 20. Alpian Y., Sumantri M.S., Yufiarti Y., Anggraeni S.W. Self-Concept and Emotional Intelligence in Relation with Digital Literacy // Journal of Nonformal Education. 2023. Vol. 9. No. 1. P. 47–57.
 21. Alpian Y., Sumantri M.S., Yufiarti Y., Anggraeni S.W., Hananto A.L. Self-Concept, Logical Thinking Patterns, and Emotional Intelligence in Relation to Digital Literacy Ability // Res Militaris. 2022. Vol. 12. No. 3. P. 691–710.
 22. Bashkin E.B., Baskakov P.A., Ershova R.V., Plotnikov A.Yu. General issues of artificial general intelligence. Journal of Digital Economy Research. 2023; No. 1 (3): P. 79–101.
 23. Conner T., & Barrett L.F. Implicit Self-Attitudes Predict Spontaneous Affect in Daily Life. Emotion. 2005. No. 5. P. 476–488.
 24. Davis R.A. A cognitivebehavioral model of pathological Internet use // Computers in Human Behavior. V. 17. No. 2. 2001. P. 187–195.
 25. Eastin M.S. Teen Internet use: relating social perceptions and cognitive models to behavior. CyberPsychology, Behavior, and Social Networking. 2005. No. 8. P. 62–75.
 26. Goldberg I. Internet addiction disorder // CyberPsychol. Behavior. 1996. No. 4. P. 403–412.
 27. Hamburger Y.A., BenArtzi E. The relationship between extraversion and neuroticism and the different uses of the Internet // Computers in Human Behaviour. 2000. Vol. 16, P. 441–449.
 28. Hassan K. and Salar F. The relationship of emotional intelligence and mental disorders to internet addiction in Internet user university students. Journal of Nervous and Mental Disorders. 2012. No. 193. P. 728–733.
 29. Mayer JD, Salovey P., & Caruso DR. Measuring Emotional Intelligence With the MSCEIT V2.0. // Emotion, 2003, Vol 3. No. 1. P. 97–105.
 30. Orzack M.H. Computer addiction: What is it? // Psychiatric Times. Vol. 15 (8), 1998. P. 34–38.
 31. Widjianto L.S., & Griffiths, M. Internet Addiction: A Critical Review. International Journal of Mental Health and Addiction. No. 4, 2006. P. 31–51.

Psychotypes of the elderly in the course of interaction with social workers

Budyakova Tatyana Petrovna

PhD in Psychology

Professor, Department of Psychology and Psychophysiology, Bunin Yelets State University

399770, Russia, Lipetsk region, Yelets, Kommunarov str., 28

✉ budyakovaelez@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the study of personality types in old age. The relevance of the work is determined by the need to identify and describe the personality types

of older people who exercise their right to receive social assistance from the state. This is important because the effectiveness of social support for the elderly depends on the targeting of its provision. At the same time, only general types of elderly people are traditionally studied, without regard to the factor of an organized form of social work. There are no typologies of elderly people seeking help from government agencies designed for the purposes of social assistance and protection. Taking into account the identity of the client of social services is of paramount importance for the full satisfaction of the diverse needs of an elderly person, including respect, however, technologies for such accounting have not been developed. A focus group interview was used as the main research method. The focus group included psychologists working in the center of social protection of the population and other specialists of this service. A case method was associated with the main method. The materials obtained using the case method were used in the formulation of typologies of the elderly. The scientific novelty of the study consists in identifying and describing three types of personality typologies in old age. We are talking about universal, particular and situational typologies. It was found that for the purposes of customer service in social protection centers, situational typologies are most effective, taking into account the nature of the situation in which work with an elderly client takes place. Typologies were described for three typical situations of social interaction with the elderly: the provision of humanitarian assistance, the provision of social services at home and the organization of communication groups based on the center for social protection of the population. A special contribution of the author is to establish the need to take into account the type of behavior and, accordingly, the type of personality in old age, when interacting with older people.

Keywords: social support, social service, case method, personality typologies, focus group, social work, personality, psychotype, old age, psychological assistance

References (transliterated)

1. Abyzov R.M., Zavarykin I.N. *Viktimnoe povedenie v genezise iznasilovaniya // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2015. № 2-1. S. 15-18.
2. Kornilov V.V., Sheshenin V.S., Malkina N.A. *Psikhoterapiya u patsientov pozhilogo vozrasta c affektivnymi rasstroistvami v iskhode patologicheskoi reaktsii gorya // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya.* 2021. Tom 29. № 4. S. 111-126. DOI: 10.17759/cpp.2021290407
3. Makarova T.V. *Tipologiya zhertv terrorizma // Yuridicheskie issledovaniya.* 2013. № 8. S. 213-226. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.8.9338 URL: https://e-notabene.ru/ir/article_9338.html
4. Makarova T.V. *Tipologiya zhertv terrorizma // Yuridicheskie issledovaniya.* 2013. № 8. S. 213-226. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.8.9338 URL: https://e-notabene.ru/ir/article_9338.html
5. Okoneshnikova O.V. *Tipy sotsial'noi sub"ektnosti v pozhilom vozraste // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psichologiya. Sotsiologiya. Pedagogika.* 2011. № 3. S. 111-120.
6. Rivman D.V. *Kriminal'naya viktimologiya.* Sankt-Peterburg, 2002. 304 s.
7. Spivakovskaya A.S. *Psikhoterapiya: igra, detstvo, sem'ya.* Tom 2. Moskva: OOO Aprel' Press, ZAO Izd-vo EKSMO-Press, 2000. 464 s.
8. Sumin A.N., Krasilova T.A., Sumina L.Yu. *Subklinicheskii ateroskleroz i tip lichnosti u patsientov pozhilogo vozrasta // Klinicheskaya gerontologiya.* 2012. № 7-8. S. 18-22.
9. Angell R., Megicks P., Memery J., Heffernan T., Howell K. *Understanding the older*

- shopper: A behavioural typology // Journal of Retailing and Consumer Services. 2012. Vol. 19. Is. 2. March. P. 259-269. DOI: 10.1016/j.jretconser.2012.01.007
10. Baydar N., Brooks-Gunn J. Profiles of grandmothers who help care for their grandchildren in the United States // Family Relations. 1998. Vol. 47. P. 385. DOI: 10.2307/585269
 11. Baker L. A., Silverstein M. Depressive symptoms among grandparents raising grandchildren: the impact of participation in multiple roles // Journal of Intergenerational Relationships. 2008. No 6. P. 285-304. DOI: 10.1080/15350770802157802
 12. Field D., Millsap R.E. Personality in advanced old age: continuity or change? // Journal Gerontology. 1991. Vol. 46. P. 299-308. DOI: 10.1093/geronj/46.6
 13. Cheng H., Yang Z., Ren Y. Understanding elderly rural stayers in China: A new model for active ageing // Tourism Management Perspectives. 2022. Vol. 43. July. 100995. DOI: 10.1016/j.tmp.2022.100995
 14. Gier V.S., Kreiner D.S., Lampinen J.M. Factors Affecting Recognition of Senior Citizens in a Silver Alert // Journal of Police and Criminal Psychology. 2017. V. 32. P. 185-196.
 15. Heyn L., Brembo E.A., Eide H., Hafskjold L., Sundling V. Older persons' expressed worries during nursing care at home: Do health complexity and nature of nursing care in the visit matter? // Patient Education and Counseling. 2021. Vol. 104. Is. 10. P. 2418-2424. DOI: 10.1016/j.pec.2021.07.019
 16. Kim S., Choi M., Lee J.H., Kim H. et al. Type D personality, cognitive illness perception, depression, approach coping, and self-management among older adults in long-term care hospitals: Structural equation modeling // Geriatric Nursing. 2022. Vol. 48. November–December. P. 150-157. DOI: 10.1016/j.gerinurse.2022.09.011
 17. Lathia T., Chittem M., Chawak S., Katdare P., Jayaram S., Medical K., Selvan C. Experiences and expectations of physician communication: A focus group discussion with Indian patients with type 2 diabetes mellitus // Chronic Illness. 2023. September. DOI: 10.1177/17423953231200683
 18. Maître I., Sulmont-Rossé C. et al. Food perception, lifestyle, nutritional and health status in the older people: Typologies and factors associated with aging well // Appetite. 2021. Vol. 164. September. 105223. DOI: 10.1016/j.appet.2021.105223
 19. Miyamori D., Yoshida S., Kashima S. et al. How the 2018 Japan Floods Impacted Nursing Home Admissions for Older Persons: A Longitudinal Study Using the Long-Term Care Insurance Comprehensive Database // Journal of the American Medical Directors Association. 2023. Vol. 24. Is. 3. March. P. 368-375. DOI: 10.1016/j.jamda.2022.11.021
 20. Nay R., Garratt S., Koch S. Challenges for Australian Nursing in the International Year of Older Persons // Geriatric Nursing. 1999. Vol. 20. Is. 1. P. 14-17. DOI: 10.1016/S0197-4572(99)70050-9
 21. Nefs G., Speight J., Pouwer F., Pop V., Bot M., J. Denollet J. Type D personality, suboptimal health behaviors and emotional distress in adults with diabetes: Results from Diabetes MILES – The Netherlands // Diabetes Research and Clinical Practice. 2015. Vol. 108. Is. 1. April. P. 94-105. DOI: 10.1016/j.diabres.2015.01.015
 22. Rayner J.-A., Fetherstonhaugh D., Beattie E., Harrington A., Jeon Y., Moyle W., Parker D. "Oh, older people, it's boring": Nurse academics' reflections on the challenges in teaching older person's care in Australian undergraduate nursing curricula // Collegian. 2023. Vol. 30. Is.1. February. P. 141-146. DOI: 10.1016/j.colegn.2022.08.009
 23. Reichard S., Livson F., Petersen P.G. Aging and personality: a study of eighty-seven

- older men. New York: Arno Press, 1980.
24. Salhiya R.D. Self-Perception for Women in Man Dominated Professions in Gaza // International Journal of Arts and Social Science. 2023. Vol. 6. Is. 2. February. P. 104-114.
 25. Seki K., Ikeda T., Urata K., Shiratsuchi H., Kamimoto A., Hagiwara Y. Correlations between implant success rate and personality types in the older people: A preliminary case control study // Journal of Dental Sciences. 2022. Vol. 17. Is. 3. July. P. 1266-1273. DOI: 10.1016/j.jds.2021.11.014
 26. Steca P., Alessandri G., Caprara G.V. The utility of a well-known personality typology in studying successful aging: Resilients, undercontrollers, and overcontrollers in old age // Personality and Individual Differences. 2010. Vol. 48. Is. 4. March. P. 442-446. DOI: 10.1016/j.paid.2009.11.01
 27. Wong R.N., Bayuo R.N. et al. The Effects of the Connecting All Generations Through the Gerontech (CARETech) Program on Motivating Young People to Enter the Elderly Care Sector // Journal of Adolescent Health. 2024. Vol. 75. Is. 5. P. 801-808. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2024.06.015

Psychological motivation system for the staff of a development company

Khalikov Rustem Marovich □

Postgraduate student; Humanitarian Institute (Labor Psychology); Russian New University
Specialist of organizational development; JSC 'Center-Invest'

119526, Russia, Moscow, Prospekt Vernadskogo ave., 95k1, sq. 134

✉ halikow-2000@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the labor motivation of personnel in development companies for the management of investment and construction projects. The relevance of studying the motivational components of the effectiveness of this professional activity is due to the changing working conditions of companies and the increasing complexity of the regulatory framework governing the development sector in demand in the real estate market. The purpose of the work is to identify motivational factors and build a conceptual model of the psychological system of labor motivation of personnel in this industry. The subject of the study is the peculiarities of labor motivation of the main categories of personnel of a development company, due to the specifics of its organizational structure, functional division of labor and employee role profiles.

The methodological basis of the study was the systematic, structural-functional and level-based approaches. The research methodology is based on a psychological analysis of the motivational mechanisms of a development company and includes the labor method, methods of analyzing documentation, interviewing, and questioning. Methods of classification, grouping, generalization, and comparative analysis were also used. Motivational clusters have been identified for top management, middle managers, sales specialists and support staff. Practical recommendations on designing an effective motivation system, taking into account the identified features, are formulated. The main conclusion is the need to differentiate the motivational determinants of labor efficiency and adapt incentive mechanisms in accordance with the specifics of functional roles and individual motivational profiles of employees. The practical value of such studies lies in the formation of an adaptive model of work motivation based on the identified determinants of the effectiveness of personnel in development companies that are able to flexibly respond to development in conditions of uncertainty.

Keywords: personnel management, material non-material factors, motivation system, differentiation of motivational profiles, functional roles, organizational structure, stimulation, development, labor motivation, labor psychology

References (transliterated)

1. Borovtsova, D. A. Sovremennyi chelovek skvoz' prizmu teorii sotsial'noi dramaturgii I. Gofmana / D. A. Borovtsova, P. M. Voroshilova, S. V. Kovyrshina // Kul'tura i antikul'tura: Sbornik statei X Mezhdunarodnoi nauchno-metodologicheskoi konferentsii. V 2-kh tomakh, Tyumen', 01–30 iyunya 2023 goda / Otv. redaktor L.L. Mekhrishvili. Tom 1. – Tyumen': Tyumenskii industrial'nyi universitet, 2023. – S. 208-212. – EDN IWCMFQ.
2. Voloshinova, N. A. Faktory motivatsii v sisteme upravleniya personalom v gosudarstvennom upravlenii / N. A. Voloshinova, E. V. Simenikhina, E. L. Starostenko // Aktual'nye problemy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty: Materialy Vserossiiskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola (s mezhdunarodnym uchastiem), Donetsk, 25 maya 2023 goda. – Donetsk: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Donetskii gosudarstvennyi universitet", 2023. – S. 34-36. – EDN PBAEVA.
3. Zhudeeva, O. G. Sovershenstvovanie sistemy motivatsii personala predpriyatiia torgovo nedvizhimosti / O. G. Zhudeeva, O. Yu. Frantsisko, M. I. Starikov // Informatsionnoe obshchestvo: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya : sbornik materialov XII mezdunarodnogo foruma, Krasnodar, 15–20 iyulya 2019 goda. – Krasnodar: FGBOU VO «Kubanskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet imeni I. T. Trubilina», 2019. – S. 216-218. – EDN FGNTBF.
4. Kosarev, E. Yu. Organizationalno-strukturnaya model' predpriyatiya, rabotayushchego v sfere developmenta / E. Yu. Kosarev // Kachestvo i uroven' zhizni naseleniya v sovremennoi Rossii: sostoyanie, tendentsii i perspektivy: Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 23–24 noyabrya 2011 goda. – Moskva: Izdatel'stvo M-Studio, 2012. – S. 488-495. – EDN OSMEZL.
5. Kosarev, E. Yu. Osobennosti effektivnosti trudovoi deyatel'nosti v sfere developmenta / E. Yu. Kosarev // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika. – 2013. – № 3. – S. 93-97. – EDN RDKLOT.
6. Kupreeva, A. S. Motivatsiya kak sposob povysheniya effektivnosti ispol'zovaniya chelovecheskogo kapitala / A. S. Kupreeva, N. K. Vasil'eva // Agrarnaya ekonomika i importozameshchenie: problemy, perspektivy i vektory razvitiya : Sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi studencheskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamjati professorov ekonomiceskogo fakul'teta Kubanskogo GAU: T.E. Malofeeva, S.S. Legkostupa, Krasnodar, 12 dekabrya 2017 goda / Otvetstvennyi za vypusk A.S. Usenko. – Krasnodar: Obshchestvo s ogranicennoi otvetstvennost'yu Mezhdunarodnoe ob"edinenie «Polimatis», 2018. – S. 116-120. – EDN YSNRTU.
7. Lyashenko, A. Kh. Issledovanie psikhologicheskikh osobennosteii lichnosti v protsesse opredeleniya professional'no vazhnykh kachestv personala / A. Kh. Lyashenko // Sovremennye issledovaniya v gumanitarnykh i estestvennonauchnykh otrazlyakh : Sbornik nauchnykh statei / Nauchnyi redaktor L.P. Polyakova. Tom Chast' VIII. – Moskva : Izdatel'stvo "Pero", 2021. – S. 7-12. – EDN YSLEVR.
8. Malinovskaya, A. M. Motivatsiya kak vazhnyi aspekt nepreryvnogo obrazovaniya

- pedagogicheskikh rabotnikov / A. M. Malinovskaya // Nepreryvnoe obrazovanie pedagogov: dostizheniya, problemy, perspektivy : Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 02 noyabrya 2023 goda. – Minsk: Gosudarstvennoe uchrezhdenie obrazovaniya Akademiya poslediplomnogo obrazovaniya, 2024. – S. 467-470. – EDN MIOXUD.
9. Movsesyan, G. A. K voprosu o pravovom regulirovanie developmenta v predprinimatel'skoi deyatel'nosti i pravovom statusa devolopera / G. A. Movsesyan // Skif. Voprosy studencheskoi nauki. – 2024. – № 5(93). – S. 160-164. – EDN SOYAJW.
 10. Mosina, V. S. Vliyanie sistemy motivatsii na chelovecheskii kapital predpriyatiya / V. S. Mosina, E. I. Pashkevich // Nauka. Promyshlennost'. Oborona: trudy XVII Vserossiiskoi nauchno-tehnicheskoi konferentsii: v 4 tomakh, Novosibirsk, 20–22 aprelya 2016 goda / Pod redaktsiei S.D. Salenko. Tom 4. – Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2016. – S. 142-147. – EDN WKJVDT.
 11. Nikol'skaya, A. S. Mekhanizm motivatsii i stimulirovaniya truda personala v organizatsiyakh sfery zdravookhraneniya / A. S. Nikol'skaya // Sbornik nauchnykh rabot serii "Gosudarstvennoe upravlenie". – 2021. – № 24. – S. 146-150. – DOI: 10.5281/zenodo.5956793. – EDN OSRFDM.
 12. Normativno-pravovoe regulirovanie v developmente: problemy i perspektivy razvitiya / S. V. Aridova, L. V. Strekozova, T. V. Belykh, A. Yu. Shkrabovskaya // Vestnik nauchnykh konferentsii. – 2017. – № 1-5(17). – S. 16-19. – EDN XXHJPH.
 13. Ol'shanskaya, M. V. Motivatsiya personala dlya effektivnogo razvitiya developmenta / M. V. Ol'shanskaya // Human Progress. – 2024. – Т. 10, № 1. – S. 11. – DOI: 10.34709/IM.1101.11. – EDN IJLVQO.
 14. Omarova, K. T. Obschchaya kharakteristika mekhanizma pravovogo regulirovaniya developmenta v Rossiiskoi Federatsii / K. T. Omarova // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2019. – № 3. – S. 119-120. – DOI: 10.24411/2312-0444-2019-10129. – EDN HCQMYN.
 15. Pravovoe regulirovanie upravleniya nedvizhimost'yu : uchebnik / I. V. Afanas'ev, N. I. Besedkina, E. M. Vavilova [i dr.]. – Moskva: Obshchestvo s ogranicennoi otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo "KnoRus", 2024. – 416 s. – ISBN 978-5-406-13432-0. – EDN KWPKBN.
 16. Petrukhina, E. V. Motivatsiya klientoorientirovannogo servisa v sfere nedvizhimosti / E. V. Petrukhina // Vestnik sovremennoy issledovanii. – 2019. – № 1.5(28). – S. 234-237. – EDN VTALDO.
 17. Razorenova, E. V. Sovremennye tendentsii razvitiya upravleniya v sfere developmenta / E. V. Razorenova // Molodezhnaya nauka-2023: tekhnologii i innovatsii : Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh, aspirantov i studentov, posvyashchennoi Desyatiletiju nauki i tekhnologii v Rossiiskoi Federatsii. V 3-kh tomakh, Perm', 10–14 aprelya 2023 goda / Nauch. redkollegiya E.F. SATAEV [i dr.]. Tom 2. – Perm': Izdatel'stvo "Ot i Do", 2023. – S. 435-440. – EDN HZLMSA.
 18. Sagimov, M. K. Upravlenie motivatsiei truda personala gosudarstvennoi sluzhby / M. K. Sagimov // Molodoi issledovatel': vyzovy i perspektivy: sbornik statei po materialam CCCXL mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 15 yanvarya 2024 goda. – Moskva: Obshchestvo s ogranicennoi otvetstvennost'yu "Internauka", 2024. – S. 269-277. – EDN IHSYJY.
 19. Selivanova, A. S. Motivatsiya personala kak instrument proektnogo upravleniya v developmente / A. S. Selivanova, A. M. Platonov // Vesennie dni nauki : Sbornik dokladov mezhdunarodnoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh, Ekaterinburg,

- 20–22 aprelya 2023 goda. – Ekaterinburg: OOO Izdatel'skii Dom "Azhur", 2023. – S. 920-922. – EDN VVKMYS.
20. Tipovye normativy chislennosti rabotnikov po obsluzhivaniyu i ekspluatatsii zdaniii i sooruzhenii. ShIFR 15.02.02" (utv. FGBU "NII TSS" Mintruda Rossii 24.01.2014 N 001) [Elektronnyi tekst] // Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200426/ (data obrashcheniya: 12.12.2024)
21. Belle, N. (2015). Performance-related pay and the crowding out of motivation in the public sector: A randomized field experiment // Public Administration Review, 75(2), 230-241.
22. Jarkas, A. M., Radosavljevic, M., & Wuyi, L. (2015). Prominent demotivational factors influencing the productivity of construction project managers in Qatar // International Journal of Productivity and Performance Management, 64(8), 1070-1090.
23. Oyedele, L. O. (2013). Analysis of architects' demotivating factors in design firms // International Journal of Project Management, 31(3), 342-354.
24. Rothe, P., Lindholm, A. L., Hyvönen, A., & Nenonen, S. (2015). Work environment preferences—does age make a difference? // Facilities, 33(1/2), 5-13.
25. Toode, K., Routasalo, P., Helminen, M., & Suominen, T. (2015). Hospital nurses' work motivation // Scandinavian Journal of Caring Sciences, 29(2), 248-257.
26. Viseu, J., de Jesus, S. N., Rus, C., Canavarro, J. M., & Pereira, J. (2016). Relationship between teacher motivation and organizational variables: A literature review // Paidéia (Ribeirão Preto), 26, 111-120.

Subjective experience of loneliness as a predictor of substance use in adolescents

Komissarova Olga Andreevna □

Postgraduate student of the Department of Psychology and Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ olg.komissarova2016@yandex.ru

Milovanova Olga Andreevna □

Doctor of Medicine

Doctor of Medical Sciences, Professor, Professor of the Department of Pediatric Neurology; FGBOU DPO RMANPO of the Ministry of Health of the Russian Federation

123995, Russia, Moscow, Barricadnaya str., 2/1s1

✉ olg.komissarova2016@yandex.ru

Abstract. The subject of this article is the relationship between the subjective experience of loneliness in older and younger adolescents, as well as the ways of forming self-destructive addictive behavior through the use of psychoactive substances (surfactants). The subjective experience of loneliness is a relatively new psychological phenomenon that reflects the subjective experiences of a person in a situation of loneliness. The problem of loneliness has worsened due to the pandemic, the stress of self-isolation has caused an upsurge in addictive behaviors, including compulsive shopping, overeating, alcohol and drug abuse, as well as gambling. Most often, addictions were manifested in people without support from family and friends. Traditionally, in Russian psychological practice, loneliness is considered as a negative phenomenon, but in this study we understand it as a predicative factor (predictor) of the

development of dependence on surfactants in adolescence. The methods used in this study are: the questionnaire method, the method of individual conversation, the method of prevention.

Research methods: Questionnaire of loneliness experience by E.A. Manakova; Questionnaire DOPO-3k (Differential questionnaire of loneliness experience) by E.N. Osina, D.A. Leontjeva; Methodology "Scale of subjective loneliness experience (SPO)" by S.V. Dukhnovsky; Author's questionnaire "Use of psychoactive substances". The scientific novelty of this study is to study the hypertrophied experience of loneliness as a predictor of the formation of auto-destructive addictive behavior against the background of desirable social integration due to the use of socially acceptable surfactants (nicotine, alcohol). The purpose of the study is to study the subjective experience of loneliness in adolescents as a predictor of auto-destructive addictive behavior. As a result of the conducted research, the main characteristics of the subjective experience of loneliness by adolescents of younger and older age groups and the specifics of the formation of addictive behavior in the aspect of the use of surfactants were revealed. After analyzing various scientific papers and studies, it can be concluded that this problem has not yet been fully studied. The analysis of various scientific sources made it possible to understand that the feeling of loneliness in an acute form first appears precisely in adolescence, when there is a search for one's own identity and connections with the outside world.

Keywords: self-destructive behavior, autoaggression, the objective experience of loneliness, addictive behavior, predictor of addiction, psychoactive substances, the subjective experience of loneliness, older teenagers, younger teenagers, prevention

References (transliterated)

1. Abdrakhmanova, E. V. Prichiny chuvstva odinochestva i depressii v podrostkovom vozraste // Issledovaniya molodykh uchenykh : materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', iyul' 2019 g.). Kazan': Molodoi uchenyi, 2019. S. 40-42. URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/340/15186/> (data obrashcheniya: 11.09.2024).
2. Abduramanova, L.R., Yudeeva, T. V. Individual'no-psikhologicheskie osobennosti perezhivaniya odinochestva v podrostkovom vozraste // Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psichologiya. 2017. № 4 (10). S. 18-22. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32244630_57163979.pdf (rezhim dostupa: 01.12.2024).
3. Andreeva, O.A., Terekhov A.A. Elektronnaya sigarety: al'ternativa kurenii ili vred // Nauka i obrazovanie. 2022. 5 (2). S. 197.
4. Apunovich, O. A. Vzaimosvyaz' sklonnosti k internet-zavisimosti s chuvstvom odinochestva u mal'chikov i devochek v podrostkovom vozraste // Uchenye zapiski Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 1. S. 6-9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24992069> (data obrashcheniya 03.09.2024).
5. Belobrykina, O. A. Differentsial'nye deskriptory sub"ektivnogo perezhivaniya odinochestva podrostkami // Chast' II: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya. Institut psichologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psichologiya, t. 4. 2019. № 3 (15). S. 158-192. URL: <http://www.soc-economics-psychology.ru/engine/documents/document687.pdf> (data obrashcheniya 05.09.2024).
6. Zababurina O.S. Osobennosti odinochestva v podrostkovom vozraste // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2019. 1 (78). S. 243-245.
7. Kopysova, V. V., Korotaeva, O. V. Faktory, vliyayushchie na formirovanie odinochestva.

- V kn.: Nauka segodnya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty. M.: Pero, 2015. S. 292-296.
8. Krivtsova, S. V. Podrostok na perekrestke epokh: problemy i perspektivy sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii podrostkov. M.: Genezis, 1997. 288 c.
 9. Mailenova, F. G. Dva lika odinochestva. Chelovek. 2002. № 2. S. 129-135.
 10. Mukhina, V. S. Vozrastnaya psikhologiya: fenomenologiya razvitiya, detstvo, otrochestvo. M.: Akademiya, 2003. 456 s.
 11. Pokrovskii, N. E. (red.). Labirinty odinochestva. M.: Progress, 1989. 624 s.
 12. Solodkaya, E. V., Loginov I.P. K probleme depressivnykh rasstroistv u podrostkov // Dal'nevostochnyi meditsinskii zhurnal. 2014. № 2. S. 127-133.
 13. Tudupova, T. Ts., Khudyakova, I. S. Osobennosti proyavleniya odinochestva v podrostkovom vozraste // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 5. S. 135-141.
 14. Shilyaeva, I. F. Perezhivanie odinochestva v podrostkovom vozraste: polovye i vozrastnye osobennosti // Vektor nauki TGU. Seriya: Pedagogika, psikhologiya. 2018. № 4 (35). S. 83-87. URL: https://vektornaukipedagogika.ru/jour/article/view/151?locale=ru_RU (data obrashcheniya 09.09.2024).
 15. Yudich, E. A. Problema odinochestva v kontekste psikhologii / E. A. Yudich // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 2011. № 6. S. 97-102. URL: <http://earchive.tpu.ru/handle/11683/3783> (data obrashcheniya 05.09.2024)
 16. Hiemstra, P.S., Bals, R. Basic science of electronic cigarettes: assessment in cell culture and in vivo models. Respir Res 17, 127 (2016). <https://doi.org/10.1186/s12931-016-0447-z>
 17. Marques, P., Piqueras, L. & Sanz, MJ. An updated overview of e-cigarette impact on human health. Respir Res 22, 151 (2021). <https://doi.org/10.1186/s12931-021-01737-5>
 18. Samal, E.V., Stvolygina K.V. Experience of loneliness by teenagers at the end of the 20th century and at present. Psychology in Education. 2020. 2. 166-173. DOI: 10.33910/2686-9527-2020-2-2-166-173

Motivation of educational and cognitive activity in the digital educational environment of students of different age groups

Mikhaylova Natalya Vladimirovna □

PhD in Pedagogy

Associate Professor of the Department of Psychology and Teaching at Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Ankudinovskoe shosse, 3, Nizhny Novgorod, 603029, Russia

✉ sorokanv@yandex.ru

Fedoseeva Ol'ga Igorevna □

PhD in Psychology

Associate Professor; Department of Age and Clinical Psychology, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

603000, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Universitetskiy lane, 7

✉ olfedoseeva_2011@mail.ru

Shutkina Zhanna Aleksandrovna □

PhD in Pedagogy

Associate Professor; Department of Age and Clinical Psychology, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

7 Universitetskiy str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603000, Russia

 zhannashutkina@mail.ru

Abstract. The need to isolate people during the pandemic has put the education system in a situation of transformation of ways of carrying out educational and cognitive activities in conditions of indirect interaction. The transfer of the educational process from the real to the digital environment, including online, without taking into account the specifics of educational and cognitive activity in it, has shown its low effectiveness. Today, digitalization is a priority in the development of education. Ensuring the quality of education in the digital environment requires a fundamentally new approach to the content, motivation, and teaching methods based on scientifically based data on the specifics of the pedagogical process in the digital educational environment. This article presents the results of diagnostics of motivation of educational and cognitive activity of students of various age groups in the digital educational environment according to programs of higher and additional professional education. Within the framework of the study, various methods of motivation diagnostics were used: N.V. Elfimova's methodology for diagnosing educational motivation (adapted in accordance with the age groups of students and the type of training), T.O. Gordeeva's methodology for diagnosing internal and external educational motivation, A.A. Rean's methodology for diagnosing motivation for achieving success and avoiding failures. As a result of the study of the motivation of educational and cognitive activity of students in the digital educational environment according to the programs of higher and additional professional education, the concept of the digital educational environment is clarified, its main characteristics (cross-border, hypertext, individualization, multi-instrumentality, mediated interaction) are highlighted, the concept of motivation of educational activity is clarified, a number of approaches and constructs of educational motivation are analyzed and generalized, presented the results of the diagnosis of the motivation of educational activities of students of various age groups, the experience of implementing the educational process in the digital environment according to programs of higher and additional professional education is summarized. The results obtained in the course of the study made it possible to determine the directions for improving the pedagogical process in the digital educational environment for the vocational education system, taking into account the identified specifics of motivation of educational and cognitive activity of students of various age groups.

Keywords: motives of educational activity, diagnostics of educational and cognitive motivation, improving the educational process, indirect learning, educational and cognitive activities, motivation, online education, digital educational environment, motivation of educational and cognitive activity, the quality of education

References (transliterated)

1. Grinenko, A. D. Osobennosti motivatsii uchebnoi deyatel'nosti i stressoustoichivosti studentov distantsionnoi formy obucheniya / A. D. Grinenko // Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO «Donetskii natsional'nyi universitet». 2024. № 16-2. S. 33-38.
2. Leont'ev, A. L. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. – 2-e izd. – M.: Politizdat, 1997.
3. Sternberg R. J. Successful Intelligence. Simon & Schuster, 1996.
4. Litvinova, T. V. Osobennosti motivatsii uchebnoi deyatel'nosti studentov

- gosudarstvennykh i negosudarstvennykh vuzov / T. V. Litvinova, I. M. Basina // Vestnik Ekaterininskogo instituta. 2013. № 1(21). S. 55-58.
5. Markova A. K. Formirovanie motivatsii ucheniya / A. K. Markova, T. A. Matis, A. B. Orlov. – M.: Prosveshchenie, 1990.
 6. Gordeeva T. O. Psikhologiya motivatsii dostizheniya. – M.: Smysl; Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2006.
 7. Bandura A. Self-efficacy. The exercise of control. New York: Freeman and Co, 1997.
 8. Rotter, J.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. Psychological Monographs, 1996.
 9. Weiner V. Theories of motivation. From mechanism to cognition. Chicago: Markham, 1972.
 10. Seligman M.E.P. Helplessness: On depression, development, and death. San Francisco: Freeman, 1975.
 11. Dweck C.S. Motivational Processes Affecting Learning // American Psychologist. 1986. № 41(10). Pp. 1040-1048.
 12. Skinner EA. Perceived control, motivation, and coping. International Educational and Professional Publisher. Sage Publications. Thousand Oaks, London, New Delhi, 1996.
 13. Nicholls J.G. Achievement motivation: Conceptions of ability, subjective experience, task choice, and performance // Psychological Review. 1984. № 91. Pp. 328-346.
 14. Gordeeva T. O. Motivatsiya: novye podkhody, diagnostika, prakticheskie rekomendatsii // Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. 2016. № 62. S. 38-53.
 15. Tarasyan, M. G. Motivatsiya uchebnoi deyatel'nosti studentov v usloviyakh distantsionnogo obucheniya / M. G. Tarasyan, G. V. Vasil'eva // Issledovanie i razvitiie rel'sovogo i avtomobil'nogo transporta: Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ekaterinburg, 2024. S. 289-294.